

Татьяна Горичева

**Пустыня
растёт**

ЭКОЛОГОС

Париж 2013 г.

Библиотека Русского ПЕН-центра

Татьяна Горичева

ПУСТЫНЯ РАСТЁТ

Библио ТВ
Москва
2023

УДК 141.4

ББК 86.37

Г 69

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития, связи и массовых
коммуникаций Российской Федерации

Горичева Т. М.
Г69 Пустыня растёт / Послесловие А. Гачевой. – М.: Библио ТВ,
2023. – 224 с.

Это третья книга известного христианского философа и активного борца за права животных Татьяны Михайловны Горичевой, издаваемая в России. Глубоко проанализировав происходящее сегодня, Татьяна Горичева делает вывод: «Я убеждена, что животное – это чистый лик, смиренно смотрящий на нас, словно с иконы. И все виды животных существуют подобно монадам. Сегодня многие думающие люди начинают осознавать, что возрастает риск самоубийства человечества и разрушения природы. Но в то же время сегодня открывается таинство самой Жизни, и оно призывает превратить ситуацию «болезни-к-смерти» в событие Воскресения. В своём крайнем страдании мир должен стать Евхаристией. Нам, христианам, ясно, что Крест зовёт к подвигу, к переходу от обладания к отдаче и дарению. К открытию Дарителя в даре...»

ISBN 978-5-87531-180-2

Издано в рамках издательской программы
Научной библиотеки и мемориального музея «Дом Лосева»
при участии Центра русской философии,
истории и культуры им. Н.А.Бердяева

© Горичева Т.М., 2023

© Библио ТВ, 2023

ПУСТЫНЯ РАСТЁТ

*Из дневников
Татьяны Горичевой*

2018
Париж

16.01.2018

Марк Ализар написал нечто чудесное и неожиданное. Книгу «Собаки» (Mark Alizart «Chiens», Puf, 2018). Да-да, это тот самый Марк, который еще недавно создавал «поп-теологию» и хотел стать «Гегелем» «небесной информатики», Марк, живший в виртуальном, вдруг открыл Реальность. Через смерть своей собаки. Как он сам в лакановском стиле пояснил в одном из интервью: «Через невозможное истина прикасается к реальному». Смерть собаки была таким «невозможным», собаку Марк назвал «собранием всех христианских добродетелей», носителем святости. Собака всегда готова к радости, она просто говорит нам: я счастлива! И это учит принимать свою судьбу как дар Божий.

Книга начинается с перечисления собачьих качеств: умение сопротивляться насилию и злу, умение принять самые трудные моменты, самые тяжелые условия жизни, приспособиться к любой помойке. Страдать молча.

У собак невероятно развита деликатность. Они нежны и заботятся о детях. Они терпят всё от человека, дружат со всеми видами животных и, кажется, им не хватает только слов, чтобы выразить своё друго-любие. Эта черта – результат тысячелетних страданий.

Но – в отличие от других животных – собаки не утасли в своём терпении. Свою судьбу они смогли превратить в свободу и научились «лёгкости бытия». Более того: собаки радуются своему рабству у хозяина. Они «трусы» (в отличие от волков, см. Лафонтена). Собаки презираемы всеми. «Сука», «сукин сын», «пёс» – самые популярные ругательства во многих культурах.

Вот тут-то мы и подходим к главному – радость и блаженство собаки – это не только тайна, но и скандал (стр. 22). «Глубокая радость всегда скандальна», – пишет Батай. Ибо это глубочайшее проникновение смерти в жизнь. В конце концов, и в Евангелии говорится о «скандале».

Подобно щедрой благодати, радость собаки должна быть результатом высшей тайны, тайны священной (стр. 22).

Здесь хочется добавить от себя: такая тайна воплотилась в христианской традиции зримее всего в юродивых. Неслучайно многие юродивые жили, спали, ели с собаками, называли себя «псами смердящими». Они были поистине христианскими «киниками».

* * *

В древнейшие времена леса были переполнены волками. Археозоологические штудии, сравнивающие ДНК волка и собаки, показывают, что собака пережила два превращения. В ту эпоху, когда появился *homo sapiens* (300000), появились и просто собаки. Они приблизились к людским стоянкам, чтобы питаться остатками пищи. Их терпели, потому что они отгоняли стаи других, агрессивных волков (стр. 55).

35 000 лет до Р.Х. появились первые останки собак, похороненных вместе с людьми. Паразитические отношения сменились симбиотическими. И собака научилась соблазнять. Она более не скалилась, она превратилась в того «счастливого дурочка», за которого мы её принимаем и сегодня. Не мы, а собака нас приручила!

Собака знает (для этого у неё в глазах есть радужная оболочка), куда мы смотрим, она предупреждает подстерегающие нас опасности. Ни одно животное так не может. Даже обезьяна!

В общем: человек и собака эволюционировали вместе!

Неандертальцы исчезли, ибо не смогли сладить с собакой.

И если человек произошёл от обезьяны, он не в меньшей степени произошёл и от собаки.

Моё добавление. Вспоминается роль собаки в зороастризме: четырёхглазые собаки Авесты видят смерть, поэтому у них четыре глаза. Своим взглядом собаки прогоняют демонов смерти и трупного разложения. Во время похорон собаке дают несколько раз посмотреть на лицо покойного, чтобы она прогнала демона трупного разложения. В среднеперсидском сочинении «Дозволенное-недозволенное» говорится, что для изгнания демона годится даже слепая собака. Теперь мне понятно, почему мой слепой пёс Бося видит (нет сомнения): когда «разговаривает», просит, то смотрит прямо в глаза и верно реагирует на взгляд человека. Когда-то на антресолях лондонской церкви мы говорили с Владыкой Антонием (Сурожским). Он подарил мне открытку болонки, с чёлкой, падающей на глаза. «Это – я», – сказал Владыка. На открытке написано: «Вижу сердцем».

* * *

В главе ЕССЕ CANIS Марк Ализар рассказывает ещё об одном фундаментальном свойстве собаки – о её назначении быть мембраной. Собака даёт саму жизнь, ибо мембрана превращает систему хаотическую в систему организованную. То же происходит, когда природа становится культурой.

Собака была той мембраной, которая стала для человека «второй шкурой». Нет, вернее будет сказать «первой шкурой». Она стала внешней границей, позволившей человеку открыть «внутреннюю жизнь», сделавшую его именно человеком (стр. 67).

И здесь мы подходим к самой важной теме: к прославленной верности собаки. «Речь не идёт о вере. Или речь идёт о такой вере, которая была до всех монотеизмов. Можно сказать – «о верности на МОЛЕКУЛЯРНОМ уровне». Верность созидает связи. Она позволяет быть вместе... Собака – это существо, которое удерживает единство... Необычайно радостно видеть, как безразличны самим собакам их различия в расах, в возрастах. Верность даёт им возможность образовывать единство, противостоять всему миру, впитывать в себя всю дикость природы и возвращать её в виде нежности» (стр. 67–68).

Собака – великий, онтологически значимый преобразователь. Её сила в кротости.

* * *

Книга Ализара рассказывает не только о собаках. Она заканчивается гимном всей твари. «Все животные (не только собаки) смотрят на нас, все они – участники «собачьей радости». Большие обезьяны веселят-

ся до упаду. Лошади благодарны. Кто знает, может быть, и насекомые способны к нежности.

Все животные, а, может быть, и растения, возможно, даже камни участвуют в судьбе планеты, поддерживают смену её сезонов, следят за ритмом жизни и смерти. Короче: все они защитники Элевсинских тайн и тайны Воскресения (112).

Жизнь – по Гегелю – Голгофа Духа. Не в человеческих силах остановить её страдания, но постараемся не предать надежды стенающей твари, ибо она «отдалась суете не добровольно» и ждёт «откровения Сынов Божьих» (Рим. 8).

1.05. 2018

Симона Вайль, знаток «несчастия», считает физические страдания «более чистыми», чем психологические. «Отсюда большие достоинства народа», – пишет она.

Я думаю о «бронзовом веке» (тема, поднятая Охапкиным). Он тем и силён, что все мы – рабочие, крестьяне, интеллигенты – стали одним народом, одним Гулагом, одной церковью. Поэтому и духовные изыскания, тонкие страдания возвысились (очистились) до явных и обнажённых, примитивных, циничных и неслыханных мук голода, холода, ран, умирания, неслыханного уничтожения. И ад не надо более придумывать.

В этом – отличие Шаламова, Шмелёва, Ольги Бергольц (блокада), Охапкина (бедность, психушки), Саши Миронова (психушка), Васи Филиппова (психушка), Натальи Лазаревой (тюрьма) и общий аскетизм Питерской Второй Культуры 70-х годов от Серебряного кокетливого века.

Мудро заметил св. Евагрий Понтийский: «Со страданием ты приобретаешь врага и одновременно победу над ним. Если нет аскетики, то нет и истины».

11.05.2018

Встретилась в угловом кафе с Эммануэлем Дедум. Он уже давно мне звонит, говорит, что «православный с рю Лекурб», что прочёл мою книгу «Мы, неофиты...».

Наконец, я в кафе. Он приходит в 14:45. Вовремя. Высокий, полный мужчина. Боюсь вначале, что «придурок», такие часто звонят, просят о свидании (особенно в Германии). Но оказался вполне вменяемым. Добрый и недовольный холодом «общества потребления».

Рассказывает, что уже «приобрёл дар слёз», спрашивает, «что делать дальше».

Я: «Поезжайте в Россию (он там никогда не был), помолитесь, поживите с народом. Ведь здесь, в Париже, никакого народа нет. Ни русского, ни французского».

Он соглашается, тем более, что лично знаком с отцом Василием Паскье (Служит в Чувашии). У Эммануэля пять детей, жена Франсуаза. Показывает фотографии. Я ему говорю, что занимаюсь экологией, собаками, котами, мухами, китами...

Он совсем не реагирует. Что ж, обычное неприятие несвоего, обычное западное сектантство. Спесиенизм.

Подписываю книгу. Наверно, более не увидимся.

14.05.2018

Боль животного – это символ предельно апофатического, одинокого страдания. Это софиологиче-

ский минимализм. София означает всеединство и одновременно бесконечно малое, точечное, потенциальное, соборное. Русская философия началась с Софии, русская поэзия и проза в ещё большей степени софиологичны. Не зря Цветаева пишет: «Я не более чем животное, кем-то раненное в живот». Не зря Ницше говорил: «Я бы отдал все радости Европы за одну русскую боль».

Боль нельзя описать. Особенно боль животного. Описать – это оправдать. Поэтому великий поэт Марина Цветаева пишет о себе в крайне апофатическом стиле. Она знает, что вступает в область бесспорного и запрещённого.

15.05.2018

Симона Вайль обучает мудрой реакции на страдание: «Нужно попытаться избежать страданий, нужно реагировать только на абсолютно чистое и совершенно горькое несчастье».

Симона Вайль: страдание поднимает человека над Богом. Для того чтобы этого не было, Бог вочеловечился.

Я же думаю, что не всякая теодицея кончается так успешно. Страдание невинной твари остаётся без оправдания. И всё сводится к известному аргументу: к тому, что сам Бог – Христос распинается до скончания мира. (Так примерно говорил Паскаль). Слабое «утешение».

Мне ближе взгляд «оптимистический». Взгляд благодарности и торжественного удивления самых бедных и убогих героев Андрея Платонова. Предельная замученность и ничтожность позволяет им открыть и оценить величие торжественного, непостижимого бытия.

Часто приходят на ум и строчки Бродского: «Только с горем я чувствую солидарность. Но пока мне рот не забили глиной, из него раздаваться будет лишь благодарность».

15.05.2018

К вопросу о по-настоящему мужественных мужчинах. Лиза Строева: «Самое мужественное на земле – нежность». Культ животных в наше расслабленное время – попытка выйти к настоящей нежности.

3.06.2018

Послушала Татьяну Касаткину о Достоевском и Владимире Соловьёве. Соловьёв считал, что мир распался на атомы, потому что пала мировая душа (София). Достоевский же думал, что виновато сознание человека, ибо реальность едина, она – нераспавшееся Всё. Только человек этого не видит. Социализм не прав с самого начала: он придумывает разобщённость, а потом предлагает бороться за единение. Христианство противоположно социализму. Другой не мешает мне, а расширяет меня, делает сильнее и совершеннее. Рай есть. Только нужно о нём подумать. Так у Достоевского: если бы человек принял тот факт, что он в раю, он немедленно оказался бы в раю.

Я – в своём экологическом и анархистском интересе – вспомнила о Кропоткине. Он был первым, кто восстал против теории борьбы всех против всех у Дарвина. Кропоткин, наблюдая за жизнью животных, изумлялся их выживанию благодаря взаимопомощи. Его цитируют сегодня самые умные, ответ-

ственные и глубокие мыслители Европы. Именно на него ссылаются защитники «окружающей среды» и жизни, когда говорят, что вначале – целое, вначале – живое экологическое окружение, а уж потом отдельный «биологический индивид». Животные не окончательно покинули рай (ведь они не согрешили), для зверей, растений, камней бытие всегда со-бытие, Божий дар, единый поток Жизни.

Санкт-Петербург

26.06.2018

Люди, которых я уважаю и искренне люблю. С ними я говорила бы скромно, даже робко. И с ними мне не нужно бы объясняться.

Такое случилось у Ивашинцовых. Семь человек собралось за круглым столом: Ольга Сокурова, Ада и Виктор Алымовы, Нина Горячева, Павел Кузнецов, Татьяна Ковалькова, Алла и Дмитрий Ивашинцовы. И вопрошающая – Ксения Голубович (мне хотят выдать премию Пятигорского).

Ксения – как истинный либерал – спросила: почему у Вас в книге («Священное безумие») соединены современная философия (насквозь атеистическая) и Православие? Кажется, что Вы даёте толковый анализ Делёза, Деррида... и хотите несколько искусственно прицепить к постмодернизму православие?

– Это и есть основная тенденция либеральной борьбы с церковью: разделить религию и культуру, оттолкнуть от церкви умных и образованных людей (что уже случилось на Западе). Наша церковь ещё молодая, способна удивлять, полна сил и творчества. У неё есть все возможности вписаться в культуру, притом в культуру мировую. Когда я в 26 лет стала христианкой, то, формируя своё целостное мировоззрение, поставила христианство в центр накопленных, выстраданных философских мыслей.

Далее разговор был хорошим, легким, ненапряжным. И Ксения, и, кажется, все остальные соглашались с синтезирующей все крайности «православной философией». Некоторые даже записали слова Карла Юнга: сила личности измеряется её способностью удерживать в уме и в душе самые противоположные мысли.

Ксения, конечно, не часто примеривала православие на постмодернистские «выкрутасы». Ей, например, захотелось, чтобы я рассказала об «игре» (столь любимая тема всех наших постмодернистов). Но мне тут же пришло в голову, что игру можно соединить с «выбором выбора» (часто встречается у постмодернистов). А выбор выбора – то есть выбор в трансцендентальном горизонте – возможен, если есть последнее, безоговорочное послушание! Животные и человек в раю не могли грешить, ибо их свобода состояла в полной неотчуждённости от Бога, в непререкаемом послушании. Там, где начинается выбор, возникает трагическая ситуация «Лакана»: «выбор Софии». Или же другой безрадостный выбор: «отец или хуже» (*Le Pere ou le Pire*).

Дмитрий Александрович первый спросил о нашем альманахе «Мир животных». Ольга С. тоже помогла мне, спросив «о жизненном пути». Я рассказала, как – от «женщин» перешла к «животным». Женщина – второй пол, она неполный человек, она – другое в патриархальном мире, животное же ещё более не-человек, оно совсем Другое. Как христианка я люблю и занимаюсь прежде всего самыми бедными, беззащитными, бесправными. Самыми Другими. Так удалось вставить словцо об «экофеминизме».

Говорила о «вертикали» Лиотара, потом о вертикали юридической. Ксения – как это принято у всех последователей Бахтина – попыталась и юродство

свести к игре. Но я сказала: «Нет, юродивые ужасны». Привела в пример Иоанна (Большой Колпак). Земля тряслась после его смерти...

Остановилась и на парадигме «раб и господин». На Делёзе, который следует за Ницше. И здесь настал момент для разговора о «духовном аристократизме». Раб и господин не меняются местами (как это принято в гегелевском варианте). Напротив, господин остаётся в любой ситуации самим собой. Он никого не обвиняет (кроме себя самого). Господин просто НЕ МОЖЕТ быть аморальным, низким, завистливым, жадным, трусливым. Он идёт узкими воротами (у него есть миссия и избранничество). Он всегда служит. Тут я разговорилась о своем юношеском стремлении «служить», которое и подарило мне обращение к Богу.

Париж

7.09.2018

Первая большая и международная демонстрация против потепления. Но я не смогла (из-за боли) выехать к Hotel de Ville и прошагать вместе с пятьюдесятью тысячами демонстрантов до площади Республики. Всё больше людей всерьёз озабочено самым главным: смертью всего живого, концом мира, восстанием разгневанных стихий.

Не смогла даже рискнуть доехать до парижской мэрии на двух автобусах. А как хотелось бы!

Демонстрацию возглавлял не харизматичный Никола Юло, а неизвестный (мне, по крайней мере) Максим Лелонг. Никола Юло (добровольно покинувший недавно пост министра экологии) сказал: «Мне дали должность, но не дали ни средств, ни возможности, чтобы осуществить нужные реформы. А один в поле не воин. Я ухожу. Политики только говорят об экологии (и говорят не часто), но реально никто ничего не делает».

Эти слова были услышаны новым поколением. 27-летний Максим организовал в интернете сайт – «Маниф для климата». Всё было согласовано с борцами во многих странах нашей пострадавшей планеты. Участвовали в демонстрации 158 стран. Максим (как и многие другие) говорил, что не может не бороться за климат и природу, потому что он – отец и должен думать о будущем своих внуков.

11.09.2018

Вчера у меня были Арина и Кристоф. Говорили о нейрофизиологии, когнитивной философии и прочих скучных и смешных, но процветающих всюду вещах. Кристоф (хоть и котируется как «учёный», у него есть публикации) всей душой и всем разумением отрицает науку (какой она стала со времён Галилея). Наука с XVII века – лживая «надслойка» над настоящим знанием. Реальность же ужасна и для «здорового смысла» недоступна.

Говорили о наскальных рисунках, Кристоф любит те, что в пещере Шове, 50 000-летней давности. В то время люди обитали в природе, как в материнском чреве, не отчуждаясь от мира. Вспомнили Мерло-Понти, сказавшего, что человек и мир были изначально «одной плотью». Подняли бокалы за лозунг: «Вперёд к тотемизму». Дьявол сегодня обрушивает всю свою ярость прежде всего против животных, они должны исчезнуть – что и происходит в непостижимо быстром темпе.

Изначально целостное постижение мира ищут сегодня и молодые холистические учения: коллапсология (например). Они невольно обращаются к опыту религии. И Кристоф – в прошлом агностик – всё больше рассуждает о том, что животное – это икона, что виды животных существуют подобно монадам. Каждый из них уникален, но все они существуют только вместе.

Помянули и Оксану Шачко (из «Фемен»). Это Кристоф нас с ней познакомил: она принесла к нему спасённого кота. Оксана в последнее время занималась спасением животных. Спасла много птичьих гнёзд на крестьянских полях. Увидев её, я совсем забыла о своём неприятии движения «Фемен», о котором когда-то и слышать не хотела. Какое горе – она, полная

сил, доброты, бескомпромиссных высоких стремлений покончила с собой (в это лето, когда я была в Питере). Оставила записку для своих бывших подруг, с которыми вместе на Украине, в Белоруссии и в Польше совершала «сверхсмелые» акции. Записка короткая: «Все вы = фейк». Мне ещё весной Оксана долго и в отчаянии рассказывала, что её сподвижницы, оказавшись в Париже, стали совершенно другими людьми: одна лжёт в прессе (за деньги и просто так), другая вышла замуж за идиота-миллиардера... А Оксана, которую из Польши вывезли французские феминистки, выучила французский, возвратилась к живописи, писала картины, иконы (!), стала зоозащитницей. Мне так понятна эта история распада «феминистической группы». Как мы все похожи!

18.09.2018

Вчера посмотрела фильм Германа «Довлатов». Кажется, когда говорят о Петербурге 1970-х, то вспоминают только двоих творческих людей: Бродского и Довлатова.

Итак, Ленинград 70-х. Показана наша полуподпольная интеллигенция – потрёпанные евреи, художники, музыканты, одним словом, «непризнанные гении» (под таким названием вышла в те времена статья в «Огоньке»). И всё же НАША «Вторая культура» была совсем иной. Кривулин, Шварц, Охупкин, Филиппов, Васильев, Б. Иванов, Ю. Вознесенская, Г. Григорьева, Б. Куприянов, братья Танчик, Эрль, Саша Миронов, Петя Чейгин, Вадим Филимонов – можно назвать тысячи и тысячи незабываемых имён – это люди совсем не похожи на «гонимого» Довлатова. Мы не носили рукописи по официальным издательствам, никогда не жаловались на по-

литику (были по ту сторону демократии, прогресса, комфорта, социальных ролей, любой карьеры). Никогда не говорили о деньгах, о загранице, о тряпках, никогда ничего не продавали и редко что покупали. Презирали фарцовщиков, перекупщиков, торговцев. Нам было всё равно, что есть, во что одеваться. А настроение у нас было бодрое, весёлое, беспшабашное. Часто «очарованное»: ведь в эти годы началось «религиозное Возрождение». Всё было «впервые» – Бог, благодать, творение, церковь, красота, любовь. «Дух культуры подпольной, как раннеапостольский свет», – писал Кривулин.

И Герман, и Довлатов – чужие нам люди, они по существу конформисты и всегда чего-то ждут от «власти», они вполне благополучные гедонисты. Очень «советские», только вот не успели где-то проскользнуть. Другого берега и настоящего Идеала у них нет. Сегодня фильм о Второй культуре вряд ли возможен – мещанство советских времен только укрепилось и всем «не нашим» вход запрещён.

18.09.2018

17 сентября умер Александр Раков. 16 сентября умер Николай Коняев. Оба – мои ровесники. Коняева знаю ещё с тех пор, когда он приходил в нашу с Виктором Кривулиным квартиру «37». Он был тогда «начинающим писателем». Умственный настрой был как у всех: анархистско-диссидентским. Меня радовало его критическое видение, остроумие.

Когда я вернулась из эмиграции, Коля был уже солидным идеологом «Православия, Самодержавия, Народности», со множеством выступлений и публикаций в патриотическом лагере, с большой библиотекой, с хозяйственной, «хорошо готовя-

щей», покорной, слегка «юродствующей» женой. Со связями на «региональном уровне», общался с писателями-деревенщиками, губернаторами-«патриотами», православными «сталинистами». Он издал сборник статей о Николае Рубцове. Попросил и меня написать. Я написала о «литургичности» Рубцова, но сборника так и не видела.

Куда ближе мне другой «вологодский» приятель: Саша Раков, которого все и в шутку, и всерьёз боялись, но без него не мыслили нашего «православного Петербурга». Раков издавал газету с таким названием, издавал даже несколько газет. Он с прямотой и громогласностью обличал всякую «мерзость» – от русофобов-либералов до коррупционеров, конформистов, экуменистов, крипто-католиков, пособников немецких «фашистов».

Был и в Париже, но там больше оставался в гостинице. Говорил: «Не купят меня католики, не затянут в свой Нотр-Дам». Иногда в маленькой комнатке редакции так кричал, что работающие там ребята не снимали наушников. Порой вытаскивал из ящика стола пистолет.

При всём этом гротеске был как дитя, беззащитное, одинокое, нуждающееся в любви. А покорила меня своими книжками – «Былинками» – о животных. Так понимать душу зверя! Сколько нежности, жалости и готовности сражаться на смерть, защищая страдающую тварь! Я и сейчас читаю их и плачу.

А сегодня ночью умер самый идеальный кот в мире – Подгайц. (Странно его называли, но все привыкли). Совершенно ослабший, он постоянно пел, просил ласки, но не навязывался. Ходил описанный, но по-прежнему красивый: изумрудные глаза, серебристая шкура, ум и покой во взгляде. Посланник Софии райской. Отец Павел Флоренский пишет,

что у этой Софии золотисто-изумрудный цвет (в живописи – это Врубель). На нескольких фото, сделанных журналистами, Подгайц сидит со мной рядом, собирая в себя смысл и красоту мира.

Разговор с Сашей: Подгайц за всю свою жизнь не убил ни одно живое существо. И не обидел. Любил быть рядом с человеком. Он всегда внимательно слушал и, казалось, глубоко понимал людей. Но был порой и осторожно хитрым. Когда все уходили, любил походить по столу и стащить маленький кусочек пирога, сыра. Но его обнаруживали, он быстро обретал спокойствие и благодушно мурлыкал.

Его похоронили между двух сосен, в Зеленогорске. Ему было 17 лет.

19.09.2018

Подгайц напоминал мне мою вологодскую тётю Олю. Она, наверно, из всех родственников наиболее близка мне. Только сейчас об этом догадалась.

Ольга Ивановна была старше папы, она в моей памяти всегда «старушка». Она лежала в маленькой комнатке-пенале, и я «на минутку» входила к ней. Её в семье как-то не замечали, даже «стыдились». Она – с растрёпанной, сияющей головой, всегда держала для меня «подарочек»: простую рубашечку или что-то из нижней одежды. Иногда, когда я её спрашивала, рассказывала о себе, что была «красивой» («так считали люди»), что муж был «культурный, солидный. Бухгалтером был». От Надежды я узнала, что муж её бросил, она пыталась отравиться. «После этого и стала инвалидкой».

Надежда с неохотой говорила о матери. Темпераментная, властная, она – завуч школы, была, казалось, противоположностью по-неприличному

«блаженной» Ольги Ивановны. И если приходили гости, её крайне удручало поведение «бабы Оли»: та выходила в гостиную с песней. В те времена я ничего не знала о юродивых и блаженных. Но и тогда меня скорее привлекало такое поведение.

А часто выходила из дому и ходила полуодетая, с зажжённой свечей в руках, по центру Вологды. Я видела: она шла с песней. Если на пути была река или пруд, баба Оля смело ныряла. Потом продолжала свой путь в церковь. Марина (лет 10 тому назад) рассказывала: «Баба Оля была горда и счастлива, если удавалось сходить в церковь. И ложилась в своей комнатке». Умерла она во сне в 90 лет, тихо и незаметно, как и жила.

22.09.2018

Самое страшное время для зверей – предрождество. Этот светлый, смиренный праздник превращён на Западе в настоящую бойню для тех, кто встречал младенца-Христа, кто согревал Его своим дыханием.

Но и протест веганов-вегетарианцев, да и просто совестливых людей против рождественских рынков растёт. В Париже громят мясные лавки. Но в Лилле обогнали Париж: не менее 16-ти магазинов мяса подверглись на днях нападению веганов, были разбиты витрины, испачканы стены, кругом мелькал лозунг – «Стоп специзму!». Нападению подверглись также торговцы рыбой, рестораны, лавки... Арестовали 6 человек. VeggiWorld решил организовать альтернативный предрождественский рынок: 15-16 декабря 4000 человек купят исключительно веганскую еду!

А что вещают по радио «властители дум»? Самый читаемый и «громкий» философ Мишель

Онфрэ объявляет: «От гедонизма я перешёл к стоицизму. От Эпикура – к стоическому принятию данности. Но и это принятие недостаточно», – признаётся Онфрэ.

От «продавшегося» официозу Лука Ферри до «ещё не продавшегося» Алэна Финкелькро звучит воспевание комфорта, удобства, привычного «обаяния буржуа».

Всегда есть некое «но». Финкелькро отказался бы давно от мяса, но «не хочет выделяться за столом» и даже изобрёл слово «патоцентризм». Мол, нельзя уж слишком сильно сострадать. Сострадания, дорогой Алэн, никогда не бывает слишком много, как и любви.

25.09.2018

Ко мне поселились осы. Две – со страшным, беспокойным жужжанием летают над моей головой. Я прочла в «Паризьен», что это из-за тёплой зимы. Они два раза плодились и теперь заселяют человеческие жилища. Осы эти громадны (мутанты, недавно возникший вид). Не выдержала, выгнала их полотенцем в окно. Чувствую небольшое угрызение совести.

27.09.2018

Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достоинство Твоё!

Была на рю Дарю. Вышла из храма – кругом торжественный и оживлённый Париж. Всё-таки люблю его людей: нет испуга, униженности, похотливости

и низкого любопытства в лицах. Много ума и вкуса. Сижу в нашем кафе около храма. Здесь в последний раз виделись с Никитой Струве. Он жаловался тогда, что в храме так много «чужих» – молдаване, украинцы... Совсем мало русских.

А на улице Шампионне было мне утешение: молодой человек – лет 18-ти, в очках, вёл на двух поводках пять собак. Ещё один пёс бежал самостоятельно сзади. Их мне можно было погладить. Они охотно, как большинство когда-то брошенных, окружили меня, лизали руки, смотрели в глаза. Ещё один частный приют около нас, на рю Шампионне! И беспородные псы привезены (как обычно) из живодерской Румынии. И молодой человек – парень из будущего, если оно будет. Таким каждый должен стать: добрым, открытым, деятельным.

А из Питера звонки: там почти наводнение. И всё серьёзно. Дамба не защищает. Появились двойники и упыри. Всё, как у Юрочки Мамлеева:

Петербург ведёт в низины, в адское подполье, но, в отличие от Данте, из этого ада нет выхода в чистилище. У этого ада нет опоры. И если выберешься из страшной бездны (не сумеешь её «выразить»), то попадёшь в ещё более страшную бездну. И так до бесконечности. (Петербург – это Кирико, это длинные, прямые магистрали).

Я ответила Мамлееву: ужасу хаоса Петербург противопоставил ужас прямой линии. А, по слову Ницше, прямая линия – кратчайшее расстояние между вершинами. Но оно доступно только гениальному мученичеству, предельному риску, жертвенному огню.

30.09.2018

Вопрос о жизни в немецкой философии был поставлен не в моём контексте. У Хайдеггера есть лишь Я-экзистенция, но нет Я-живого. С другой стороны, жизнь у Ницше (других философов жизни) понималась как «воля-к-власти», как агрессивное уничтожение другого.

В этом случае я на стороне Василия Гроссмана. У него жизнь определяется как помощь сытого голодному, победителя – побежденному, здорового – инвалиду. Похоже и у Левинаса. Его определение жизни и существования: человек не хочет занять место другого, навредить другому. В этом и христианская «этика благородства» (Э. Линцей): помогать и поклоняться нужно нищим, плачущим, гонимым.

О них «заповеди блаженства». О них пишет и Андрей Платонов: «Я знаю, что я один из самых ничтожных. Но я знаю ещё, чем ничтожнее существо, тем оно больше радо жизни, потому что менее всего достойно её. Вы люди законные и достойные, я только человеком хочу быть. Для вас быть человеком – привычка, для меня редкость и праздник».

10.10.2018

Сегодня большой день: конец клеткам для кур, поросят, кроликов!

130 зоозащитных организаций в Европе объединились, чтобы окончательно покончить с «выращиванием» животных в клетках. Здесь большую роль сыграли и покупатели – все стремятся купить яйца куриц, пасущихся на травке, на свежем воздухе. Собрано миллион подписей. И вот скоро Европейская Комиссия должна принять решение – запретить в

области сельского хозяйства любую жизнь за решёткой. Сегодня в Европе в тесных клетках выращивают по 370 миллионов животных в год. Животные обездвижены: в узких пространствах поросята не могут повернуться, куры расправить крылья, кролики попрыгать. Есть страны, где клетки совсем отменили: Австрия, Люксембург, частично Германия, Англия, Швеция...

А как там, в России? Там, наверное, «клетки», «батареи» и пр. «индустриализация» рассматривается как «прогресс». Нигде в Фейсбуке я пока не встречала «защитников кур». Да и остались ли русские куры? Как хотелось бы проснуться утром от крика петуха! Но страшно и думать о русских «куро-фабриках». Страшно задаваться вопросами о «курах». Пока в России удаётся поднять защитников тех, кто наиболее близок к человеку: собак и кошек. Уже и то хорошо, что наконец-то выходят в бой и жертвуют всем, чтобы спасти своих лучших, часто единственных друзей. Собаки и коты сегодня более очеловечены, чем человек.

11.10.2018

Для Боси настали весёлые времена. Его отчаянные, дерзкие и безрассудные нападения на собак во время прогулок почти всегда кончались «ничем» – парижские собаки (даже беспородные) хорошо воспитаны и только для приличия лениво отвечали на Босино неистовство. И вот, на нашей рю Шампионне мы встретили «адский» отпор Босиным выходкам. Молодой человек с пятью собаками (одна без поводка) неожиданно вышел из-за угла. Собаки бросались из стороны в сторону, были нервными, все с травмами (кто без хвоста, кто без шерсти). В Румынии (а

это точно они) давно приказано «бросать камни» в бродячих собак. А осенью происходит окончательное «избиение младенцев».

И парижские зоозащитники из ближайшей «Алерте», к которым я обращалась по поводу русских собак, не хотели, да и не могли ничем помочь, у них, действительно, всё время и силы уходят на Румынию. Зоозащитники(-цы) в Париже по нервности и загруженности напоминают наших, но в России ужас и безнадежность сильнее.

24.10.2018

Вчера был необыкновенный день. Видно, Господь ещё не совсем оставил меня. Мишель Пантон (так ему перед смертью завешала Флоранс) собрал человек десять своих знакомых у правого крыла Нотр-Дам. Были: Отец Элий (Сирия), отец Даниэль (Руссо), монсеньер Патрик Шове (декан собора, знаменитый, влиятельный священник, неплохой богослов – ему около 70-ти), остальные – верующие из Сирии, мужчина, две женщины, дети и мы с Павле.

Нас прямо повели к священному венцу Господню. Он спрятан в сейфе, в одном из неприметных «уголков» собора. Его извлекли для нас, монсеньер Ш. прочел «Отче наш», спели по-латински. Павле и сирийцы упали на колени, я же – не способная к этому жесту – сидела на стульчике, но духом была с ними.

Эти минуты так драгоценны... Сегодня с утра почувствовала нешуточный прилив благодати, приход силы.

Перед «венцом» монсеньёр показал нам скромную, но знаменитую статую Богородицы XIV века.

Когда-то, стоя за этой статуей, Клодель внезапно понял и почувствовал, что «Бог есть».

После молитв и поклонения пошли пообедать в ближайший ресторан (там все знают монсеньёра). М-р рассадил шесть человек за три сдвинутых столика. Говорил преимущественно он. Мне вначале он казался распущенным и театральным (в чём и сам как-то «изящно» признался), но постоянная самоирония не была в тягость. У Патрика Шове по-французски острый, местами трагический ум, в его «шуточках» и усталость, и искренность.

Вот его речь: Я должен найти равновесие между светскими и церковными структурами. Найти «щель» между франкмасонами, с одной стороны, и гомосексуалистами, с другой. (Вся парижская мэрия в руках геев). Я окружен педерастическими парами, они ходят на службы, они просят благословение... И я их благословляю. А как им отказать? Говорят: мы – друзья, потом – мы вместе живём, потом – так легче экономить. И всё становятся ясным. Потом уже хотят завести ребёнка. И как в этом отказать? Они что, хуже женщин, которые вынашивают чужих детей?

Отец Даниэль: Наверно, только в Китае нет такого наплыва гомосексуалистов. Ну, может быть, где-нибудь в Африке.

М-н Шове: Да, все перевернулось, приходится служить в перевернутом мире. А китайцы «достали». Они на 70% заполняют собор, при этом они совершенно не понимают, куда пришли. У нас есть придел, посвященный убитому в XIX веке китайскому миссионеру, но китайцы об этом не знают и не интересуются. В самом Китае до сих пор преследуется любая религия, кроме «патриотических».

Затем монсеньер рассказал о своей каждодневной «работе»: «Собор Нотр-Дам – самое опасное место во Франции. У меня в подчинении более сотни

смотрителей (с их профсоюзом тоже приходится сражаться). Наблюдение ведётся днём и ночью. Раз в неделю в соборе ставится спектакль, закатывают концерт или выступает «знаменитый футболист». При этом никто не думает ни о молитве, ни о Боге. Молодёжи важен спорт, деньги и какие-то отрицательные “модели”. Мы – на дне. Мы анестезированы. Но не отчаиваемся – этот “град” должен исчезнуть, будем (с небольшим “остатком”) строить новый».

Подошла официантка, уже давно знающая м-ра Шове и спросила: Что будете заказывать? Предлагаю мясо.

Все заказали. «Мясо с...кровью». Я громко сказала: мы (с Павле) – вегетарианцы. Все засуетились: «Неужели вы будете есть только овощи? «Да», – громко и уверенно сказала я. (По опыту знаю, что в эти моменты нужно говорить уверенно и громко.) Но всё-таки вышла «непонятка»: всем нам принесли мясо (ужасно много!), а овощи (стручки и жареную картошку) поставили на середину стола. Видно, это впервые, что в этом «консервативно католическом» пространстве кто-то выходит за рамки мясоедческой традиции. А ведь в центре Парижа, наверно, все рестораны вписали в свое меню что-то вегетарианское.

«Негибкость» – страшный признак...

Рядом со мной сидел большой, импозантный, могучий (и телом, и духом) отец Элий из Сирии. Ему 80, а то и 90 (?). Мишель мне шепнул: «Татьяна, он считается в Сирии святым». Когда-то давно мы встречались с отцом Элией, он тогда перевёл мою книгу о «новообращенных» с французского на арабский. Лет 15 тому назад он рассказывал о явлениях иконы Казанской Божьей Матери на крыше одного из храмов (католических) в Дамаске. Он и теперь – в эпоху страшной войны – занимается «обращениями» в христианство. Только теперь он крестит и

беседует не с агностиками и не с атеистами, а с мусульманами. Именно в это напряжённейшее время в Сирии тысячи мусульман переходят в христианство. Через чудо, как часто было и у нас, через действие благодати. Одной благодати. С 90-х годов Божья Мать (Казанская), почитаемая всеми конфессиями, является в Дамаске и призывает воскреснуть, стать огнём. Он сам тесно связан с Мирой, которая уже десятки лет переживает экстазы и слышит пророческие наставления. Подобно тому, как это происходит в Меджугорье, Эквадоре, в Италии... Такие чудеса собирают сотни тысяч верующих. Это и есть обратная сторона рационализма, глобализации. Бог приходит непосредственно, побеждая виртуальность «общества спектакля».

Апокалипсис (откровение) встречи. Всё, что осталось от «трансцендентного» для простых людей.

Я верю в чудеса (и в эти – тоже). Для меня всё, что поднимает над обыденной скукой и здравым смыслом, – чудо. Оно одно реально.

Но продолжаю:

Отец Элий поблагодарил русских «за помощь» (как гуманитарную, так и остальную) Сирии. «Нищета народа ужасна. Половина жителей покинула страну». Но больше всего мне понравилось, что отец Элий предложил нам написать «манифест», призвать христианскую интеллигенцию «к пробуждению», потому что «страны Ближнего Востока ждут вдохновляющего слова именно из Парижа!» Да, подумалось мне, Париж – начало всех революций, даже духовных.

Почувствовала себя прямо-таки Бакуниным «на баррикадах». Душа моя опять готова к «буре».

Мне на секунду показалось, что и все мои друзья, сидящие за этим епископским столом, молоды, не сломлены, далеки от мещанских страхов.

Но сейчас, когда пишу это, думаю, что только с космическим горем «я чувствую солидарность». Оно уже не довольствуется «человеческим, слишком человеческим». ВСЯ тварь стонет и мучится донныне.

29.10.2018

Встреча в моей тюремной клетушке с Олегом Давыдовым. Ему 33 года, приехал на Запад из Владивостока. В целом произвёл положительное впечатление. Романтический – немного детский, немного неотмирный взор, спортивное, крепкое телосложение. Давно «интересуется моим творчеством», многое читал. Он, правда, отвергает «кантианское» постмодернистское понятие «возвышенного», настаивает на катафатической Красоте (следуя за Бальтазаром). Мне не хотелось с ним спорить. Не хотелось говорить о «романтическом» возвышенном, о *Lichtung* у Хайдеггера, *Ereignis* (у всех сегодняшних), об «иноке на скале» у Кривулина, вертикали у постмодернистов и молнии Гераклита.

Олег не имеет за плечами нашего экзистенциального опыта, не пережил полноты отчаяния, дьявольщины трансгрессий, поэтому он (слава Богу!) сохраняет в уме и в душе единство «Красоты, Добра, Истины». И жизнь его необычайна для сегодняшнего русского интеллигента: он преподаёт где-то во Владивостоке, пишет магистерскую в Голландии, ездит во Францию, в Италию... Таких молодых людей у нас в России совсем не много. С Олегом, например, спокойно поговорили об «*analogia entis*». Олег её «внедряет» в православие (идёт и от Пшивары, и от других). Но я вспомнила, почему в русском православии нет места «аналогиям». Владимир Лосский, например, считал, что если между Богом и энергия-

ми есть аналогии, то энергии не вполне божественны, не вполне нетварны.

Мне было стыдно, когда речь пошла о «радикальной ортодоксии». Уже не первый раз слышу о Харте, и о Тейлоре, но не читала, и не тянет прочесть... Времени на старости лет осталось мало, всё моё внимание обращено к нечеловеческому миру. Осторожно заговорила об экологии и животных, но не обнаружила никакого интереса. Рассказала, что нынче всё чаще интеллектуалы соприкасаются с экологическим «нарративом».

С другой стороны, мне понравилась оценка Олегом GEFTER-а. Он говорит, что там не диалоги, а скольжение по поверхности, «серфинг», и подобный стиль сегодня повсюду. Да, есть молодые люди, прекрасно образованные, усваивающие и Михаила Шварцмана, и Делёза, и Аристотеля в течение 15-ти минут. Совершающих (подобно компьютеру) синтезы, которые вначале впечатляют. Но ненадолго.

– Как никогда, – сказал Олег, – важен сегодня опыт, опыт страдания.

Дай Бог Олегу сохранить катафатическую полноту и крепость, не заразиться энтропийным гедонизмом западной профессорской жизни.

8.11.2018

Мучительно долго добирались с Павлом до «Дворца женщин». Большой зал – раньше была церковь. Собралось около 400 человек (много для Парижа!). Преимущественно молодежь женского пола, студентки.

В благожелательной тишине слушали Петера Вольлебена, прославленного на весь мир своим бестселлером «Тайная жизнь деревьев».

Петер Вольлебен – типичный немец, с сияющим, очастым лицом – излучает столь знакомое мне «блаженство» немецкого романтика (одновременно самодовольного идиота-идеалиста).

Его рассказ вначале радовал. Он рассказывал о солидарности в мире деревьев, о взаимопомощи (а не конкуренции), о том, что деревья чувствуют боль и вырабатывают обезболивающее, об умении информировать другие деревья на сотни километров. Все бы хорошо.

Но вот встал вопрос о «конце света», об обезлесивании и превращении нашей планеты в безжизненную пустыню. И понеслось...

«Я – оптимист», – повторял Петер.

«Не надо волноваться. Природу нужно сохранить ТОЛЬКО ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА. Ибо – если не будет природы, не выживет и человек. Умрёт и человечество.

А о природе беспокоиться не надо, через миллион лет – да чего там – через 50 000 лет всё воскреснет».

Но в зале сидели не равнодушные пти-буржуа, а бесстрашные, привыкшие действовать французские девушки, одна из них спросила:

– Как защитить лес около Парижа, там, где строится развлекательный центр, где днём и ночью дежурит вся деревня, чтобы противостоять обетониванию. Посоветуйте что-нибудь.

– У меня нет совета, – ответил Петер, – не беспокойтесь: через 50 000 лет этот бетон будет снесён ледником...

Мы с Павлом вздрогнули. Нам всё стало ясно: перед нами типичный коммерческий вариант нью-эйджа, обыкновенный цинизм...

Собственное благополучие, поверхностный оптимизм, мещанский сциентизм, отсутствие чувств (особенно жалости) – вот он – «герой нашего време-

ни». Любовь П.В. сводит к действию какого-то гормона, общего для человека и овцы...

«Зря мы его не освистали», – сказал мне Павел. «Много чести», – ответила я.

На смену всем и всяческим «измам» приходит жалкий гедонизм. Он – основная идеология дряхлого мира.

9.11.2018

Олег Давыдов и наши русские иконописцы мне постоянно говорят о важности эстетики. Получается, что Красота сегодня важнее Истины и Добра. Помнится, о важности эстетического (в наш век смерти всякого лживого морализма) говорил уже Солженицын.

Но мне с годами кажется, что Этика опять выходит на первый план. И в России – несмотря на разгул безнравственности, жестокости, коррумпированности, цинизма – мы не потеряли трансцендентное измерение Добра. «Западному принуждению к регулярной исповеди противостоит русская привычка органической доверительности и национальный навык острого сочувствия. Эти качества объясняют пафос авторской откровенности русских художников и мыслителей» (Константин Исупов). Особо хорошо высказался Бердяев, соединив творчество и нравственность. Этика – это не закон и не принуждение (как принято думать). «Творчество, творческое отношение ко всей жизни есть не право человека, а долг и обязанность. Творческое напряжение есть нравственный императив, и притом во всех сферах жизни».

Красота – одно из имен Бога. Но и Добро – Его имя.

11.11.2018

Был Кристоф. Он – видя, что мы все постепенно стали вегетарианцами, – стал по-настоящему мучиться. Ему стыдно (его даже жалко, когда он оправдывается...), он вдруг «дерзко» говорит, что «любит телятину». Но постепенно пытается «разрешить проблему», с ужасом упоминает об «индустриальном выращивании» и рассказывает о добрых и мудрых «фермерах» (они терпят экономический крах, но не переходят на работу в индустриальные фермы-заводы). Мясо едят крайне редко.

Я пытаюсь остановить этот часто возникающий разговор, перейти к философии, поэзии, живописи.

Кристоф рассказывает о живой материи. «Внутри животного я нахожу Истину! Когда оперирую, какие тайны, какое Реальное обнаруживает себя!» Реальное – это «лакановское», ужасное и прекрасное одновременно.

Продолжаем разговор о Ламарке и «творческом толчке внутри вида». Есть не только «приспособление», но и авто-аффектация (Мишель Анри). Этим Ламарк отличается от Дарвина.

13.11.2018

С Павле – у Мишеля Пантона. Увы, в прежнем составе (приехал отец Даниэль), но без Флоранс. И как не хватало её мятежного, но заботливого голоса!

Мишель купил вкусностей в какой-то дорогой лавке. Мы принесли вино и пирожные. Главное: Мишель наконец-то запомнил, что мы не едим ни мяса, ни рыбы.

Как всегда, первый вопрос: Как там, в России? Я теряюсь из-за «объёмности» вопроса. Наконец что-

то говорю о том, что неолиберализм пытается «развести культуру и православие», что интеллигенция теперь не так пламенно спешит в церковь. И даже есть такие «властители дум», которые хвалятся, что православие – пройденный этап (недавно что-то подобное слышала от Улицкой). А от Аверина я впервые услышала насмешливое «православнутые».

Потом Мишель рассказал о своих встречах в Вене (был от Европейского Союза): «Не было жизни, искренности, говорились казённые фразы». Потом (как всегда) заговорили о «женском вопросе». Я рассказала о своей встрече с Антуанеттой Фук, о том, что женская «утроба» сильнее и могущественнее мужского «желания». Она творчески принимает лозунги 68-го: «Сила – на кончике фаллоса». Сегодня мало, кто так думает. И власть, и сила – в «утерусе» принимающем, примиряющем крайности женском лоне. Ещё Антуанетта сказала, что высший образ существования – Троица Рублёва. В ней поистине взаимное послушание друг у друга, любовь и принятие Другого.

Ещё рассказала о связи женщины с природой. Хотя бы потому, что и природа, и женщина рожают. (Не обязательно в биологическом плане). Все закивали головами, согласились.

Мишель рассказал о своей недавней встрече с Марион Марешаль Ле Пен. Она собирает верующих и значительных людей во Франции, организовала какой-то «институт» для новой консервативной элиты. Говорила о себе, о своём желании «не разрушать равновесие между детьми и дедушкой», посвятить себя не политике, а воспитанию ребёнка... Конечно, она знала, как понравиться Мишелю.

Мишель был трогателен. Как всегда, он держался торжественно и слушал внимательно. Как у рыцаря на старинных портретах – поднятый воротничок.

Очень идёт ему. Вообще он выглядел помолодевшим, но всем нам понятно, как ему плохо. В конце сказал: «Тяжело одному. Пустил пожить в замке сирийскую семью. Теперь они уехали. Может быть, какие-то русские хотят пожить у меня?» Русские... Подумать нужно. Но с ними (нами) всегда проблемы, и никак нельзя напрягать благородного Мишеля. Утешает, что его выросшие дети вполне достойны своих родителей и не оставляют отца...

15.11.2018

Читаю Даниила Андреева.

Особо «ищу» софийность и моменты, связанные с юродством.

Вот его точные строки о Блоке:

«Но стихи, исполненные уныния и отчаяния, либо взывающие к низшим инстинктам похоти, зависти, ненависти, ничем не озарённой чувственности, не только понижают душевный уровень многих из тех, кто их воспринял, но и становятся проклятием для их творца. На его пути неизбежно будут такие излучины, когда эти души стихов, мутные, сладострастные, злобные и липкие, обступят клубами его собственную душу, заслоняя от неё великий свет».

*Ты сошла в одежде, свет струящей,
Не спугнув коня.
Серебром волны блеснула другу
На стальном мече,
Освежила пыльную кольчугу
На моём плече.
И когда, наутро, тучей черной*

*Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.*

«Да ведь это Навна!.. Идеальная душа России!».

«Какие бы грехи не отягчали карму того, кто создал подобное песнопение, но гибель духовности для него невозможна, даже если бы в какие-то минуты он её желал: рано или поздно его бессмертное “Я” будет извлечено Соборной Душой народа...»

*Что быть бесстрастным? Что – крылатым?
Сто раз бичуй и укори.
Чтоб только быть на миг проклятым
С тобой – в огне ночной зари.*

Эти и подобные им стихи позволили Мочульскому утверждать, что Блок верил в Софию, не веря во Христа.

Даниил Андреев не столь категоричен. Он не разделяет Софию и Христа. Он помнит и о юродстве, помнит о словах, которые принадлежат «второму Серафиму», великой юродивой Пелагее (Серебрянниковой). Ей преп. Серафим завещал пасти «своих сирот». Она же, проговорив со старцем несколько часов, выйдя из его кельи, сказала: Серафим испортил меня.

«Во Христе юродивая Русь». Это слова другого поэта, Максимилиана Волошина. Его стихи о России софиологичны *par excellence*.

Итак, «Святая Русь»:

*Суздаль да Москва, не для тебя ли
По уделам землю собирали,
Да тугую золотом суму?*

*И тебя невестою растили
В расписном да тесном терему?*

*Но тебе сыздетства были любви –
По лесам глубоких скитов срубы
По степям кочевья без дорог,
Вольные раздолья да вериги,
Соловьиный посвист да острог.*

*Быть Царевной ты не захотела –
Уж такое подвернулось дело:
Враг шептал: развеи да растопчи,
Ты отдай казну свою богатым,
Власть – холопам, силу – супостатам,
Смердам – честь, изменникам – ключи.*

*Поддалась лихому подговору,
Отдалась разбойнику и вору
Подожгла посадки и хлева,
Разорила древние жилища,
И пошла поруганной и нищей,
И рабой последнего раба.*

*Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?
В грязь лицом тебе не поклонюсь,
След босой ноги благословляя, –
Ты – бездомная, гуляющая, хмельная,
Во Христе юродивая Русь!*

27.11.2018

В классических богословских комментариях: наделая животных именами, Адам проявлял свою власть. В европейской традиции – «дать имя» –

значит «овладеть предметом». Отсюда муки Вальтера Бенямина, который, исходя из иудейской традиции, переживал за животных, навеки заточённых в мрачную камеру человеческой жестокости и антропоцентризма.

Но сегодня тенденция иная. Люди, связанные с животными, всё чаще говорят о том, что дать имя – значит почувствовать, как растёт доверие, как растёт доверие между животным и человеком.

David G.Haskel сподобился (по собственному желанию) целый год наблюдать за одним квадратным метром земли и его обитателями. Он говорит о неопишемом чувстве счастья. Он чувствовал страх перед чужим и «счастье перед соседом».

В современном богословии грехопадение, которое раньше трактовалось как грехопадение перед Богом, теперь трактуется как *hybris* перед всем живым. (См. «Alles, was atmet» S. Horstmann, Thomas Ruster).

Человек воспринимает животных, более того: он чувствует, что животные воспринимают его.

«Нехорошо человеку быть одному», – эта фраза раньше предшествовала сотворению Евы. Теперь же она относится ко всякой жизни.

27.11.2018

Интересно, что в западном богословии Бог связан с животными только через посредников. У блаженного Августина Бог с помощью ангелов собрал всех животных. Ангелы предварительно перевели язык Бога на язык природы.

У Фомы Аквинского ещё больше высокомерия. Он говорит, что Бога нельзя «унизить до погонщика скота», поэтому ангелы и собрали для Бога всех зверей в одно место.

5.12.2018

Вчера были Аня Кузнецова, Татьяна Ковалькова, отец Дионисий и Кристоф.

Кристоф «давал интервью». Кристоф говорил о животном как об «иконе». Рассказывал, что взгляд животного (не объясняемый никакими нейронами, никакими когнитивными системами) говорит об Истине, о Целом мироздания.

Во взгляде животного есть некое предупреждение – мол, посмотри, обрати внимание на самое важное. Этот взгляд – луч трансцендентного. Он заставлял менять решение в последний момент. Кристоф рассказал про одну кошку. Она, уже старенькая, после долгого лечения, слёз и колебаний близких была приговорена (Кристофом) к усыплению. Но когда он уже нёс её в лабораторию, кошка так пронзительно взглянула, что Кристофу стало ясно – она должна жить. И всё получилось: кошка ещё долго жила у любящей её семьи.

Аня спросила: какие чувства основные у животных? Кристоф ответил: страх. Страх перед смертью и даже страх перед самой природой.

Я вмешалась: а радость?

Кристоф (сияя): Конечно, и радость. Причём радость полная, неущербная, безграничная.

Кристоф никогда не давал интервью во Франции. И вот, его читают в России, Арина и я перевели его статьи. Он рад до смущения.

Он говорит: каждый вид – это экстаз, но экстаз неменяющийся, вечный. От Бергсона (но у него «элан виталь» опускается в энтропию) до христианского платонизма – икона, эйдос, «вид» вечны и неизменны. И я вспомнила Максима Исповедника: Троица – это неподвижное движение любви.

6.12.2018

Внутри каждого человека есть порок «крайней нищеты», «клеймо каторжника» (Марина Цветаева), «зрак рабства» или «несчастья» (Симона Вайль).

Эта рабская несчастливая боль невыразима. Поэтому её выражают «от противного» юродивые, вызывая своим асоциальным поведением страх и осуждение со стороны «внешних людей». Они как бы усиливают враждебность врага, которого надо возлюбить. Они воплощают собой заповедь: любите обижающих вас. Господь сказал: Блажен, кто не сооблазнится о Мне. Провокации юродивого будят святость, дремлющую во всех тварях.

Несчастье, рабство, нищета – то состояние, когда человек не имеет никаких ресурсов. Он силён обнищанием, оголением, смирением.

Если Эпикур начинает с минимализма – само существование уже достаточно для раскрытия способностей, для счастья – то Симона Вайль начинает с привагии, с боли: с неё начинается настоящая жизнь. И я на стороне Симоны Вайль.

9.12.2018

После службы собрались в нашем кафе «Четыре сезона». Аня Кузнецова, Таня Ковалькова, отец Дионисий. Он рассказал о чём-то интересном: «Я позабыл ответить Кристофу, почему в последние десятилетия так стремительно исчезают виды. И в греческом, и в русском православии есть предание, что святой – это завершение рода. Он отмаливает все грехи предшествующих поколений. Так и животные: они исчезают, чтобы искупить грехи человека. Это их жертва».

Об искупительной миссии животных (ещё одна «теодицея», ещё одно оправдание страдания) говорили давно. Вспоминаю Леона Блуа.

11.12.2018

Долго и мучительно искали дом 44, рядом с Дворцом Конгрессов. И наконец, мы у Од де Керрос. Од сразу же покорила чем-то родным, молодым и радостным. Она, как старинная подружка, стала рассказывать о том, что её больше всего волнует: о положении искусства во Франции, о том, что только не-искусство покупается, продаётся, вообще ВИДИМО существует.

Недавно Од была в Москве, видела Женю Барабанова. Она очень любит Россию: и глубину православия, и русское мученичество, и всё даже самое незначительное («из какого сора») – совсем как Василий Розанов. Од заметила «остренький взгляд», каким обмениваются только русские. «И видно, как проскакивает искра... и всё становится понятным...». С весёлой доброжелательностью рассказывает нам о последних прочитанных книгах. Прочла мемуары Оскара Рабина. Восхищается им.

В тёплом освещении она, с «венцом» на голове, выглядит юной феей – блондинистая, маленькая, в необычных, притягивающих глаз одеяниях.

Говорили о «манифе» «жёлтых жилетов», об анархизме (мы с Татьяной в последнее время чувствуем себя анархистками). И Од нас не осудила (такой бывает обычно реакция консервативных католиков), она с детства открыта всему отважному и опасному.

При нас позвонила жена какого-то посла. Од с лёгким и добрым юмором рассказала о ней: 80 лет, «покинутая всеми», но кокетливая и болтливая, ча-

сами звонит, напрягает, рассказывает Од то, что никто не хочет слышать. Сегодня она попросила о важном: приехать в замок и найти её пропавшую собаку. И Од поедет.

Од спрашивает: Что Вас сейчас особо волнует?

Я отвечаю: богословие и философия животных. Всем и вся открыта душа Од. Уже больше десятка лет она каждый последний вторник месяца собирает у себя художников, музыкантов, писателей, искусствоведов, богословов и всех, кто ещё не скатился в нигилизм и эфемерность «актуального искусства». Она сама гравёр, но и «рыцарь пера». Она – одна из немногих – защищает вечность, тайну, гениев и святых. В её квартире не только слушают сообщения, читают доклады, но и живо общаются с рюмкой шампанского в руке. Од открыта всем, но Бог бережёт её, и праздник мысли, традиции и красоты не превращается в тусовочное мероприятие. Друзья берегут Од. Попасть в её «салон» трудно, и многие ждут годами, чтобы «возникла такая возможность».

В Од мне нравится даже пристрастие к Вассуле (лжепророчице) и её автоматическому письму (под диктовку Бога). Од по-народному верит во все явления Божьей Матери, её пророчествам о «роли России» (Как я это понимаю! И я такая же). Я не стала рассказывать, что в православии это часто – «преlestь», столь искренна вера Од.

Од окружена мыслящими людьми самых разных национальностей. Но вот совершенная неожиданность – ей удалось познакомиться и даже подружиться с китайскими интеллектуалами. Они сами её находят. Это не удавалось никому. Даже гению общения – Оливье Клеману. Китай обогнал Америку... Там самое большое собрание произведений современного искусства.

И ещё. Я заметила, что вдруг с удовольствием заговорила по-французски. И заговорила без спотыкания. Такое со мной случалось только в общении с Оливье Клеманом. Я опять полюбила Францию, и любовь изгоняет страх.

13.12.2018

Уехала Танечка. Обвешанная сумками, мешочками. Было хорошо с ней. И Бося радовался.

Два раза – оба случайно – Татьяна попала в эпицентр мировой революции – она участвовала в восстании «жёлтых жилетов». Выйдя из музея, где она наслаждалась живописью Караваджо, Таня попала в толпу протестующих и поющих «На сопках Монжурии» (да, да, это был знакомый русский мотив), увидела горящий банк, ощутила задор и красоту праздника. Она не понимала, с кем вместе шла, почти бежала. Собирала листовки под ногами. И дома мы выяснили, что присоединилась она к анархистам. На листовках стояло: «Напугаем буржуев!», «Обложим налогами богатых!»

Татьяну вдохновило то, что вдохновляет и меня (я раньше участвовала в разных «манифах»): достоинство, красота, организованность, свобода и серьёзность «манифа».

Её тронул эпизод в метро (куда она спустилась с флагом). В вагоне к ней подошел скромный и взволнованный юноша, пожал руку, сказал «мэрси, камерад!»

Братство! Оно есть и во Франции. Тане нравилось кричать «вив ла Франс»! Она одна и кричала, когда шли от Ст-Жак к Бастиль. Других «националистических» лозунгов не было, кроме непонятного для Татьяны: «Не пускать Марракеш во Францию!»

Для меня тут начало конца неолиберальной, народно-ненавистнической утопии. Ответ всем глобалистам: народ – не быдло.

Хоть, конечно, я за экологический налог («жёлтые жилеты» начались с протеста против экологического налога (карбюраторы). Но платить за истребление природы должны все, особенно живодеры и сверхбогачи.

В декабре в Париже была и экологическая демонстрация – 25 тысяч участников. Их лозунг: экология – это социальная проблема. Природу разрушает капитализм, его единственная «религия» – неуклонный рост производства. Что значит: ограбление, истребление, смерть.

2019
Париж

7.01.2019

Читаю в газетах, слушаю по радио: 500 французских знаменитостей призвали не употреблять мясо хотя бы в понедельник. К ним принадлежат: Isabelle Adjani, Yann Arthus-Bertraud, Juliette Binoche...

Они сделали это не «для здоровья», а «чтобы помочь планете сохранить животных». В воззвании поясняют, что есть мясо при всех случаях жизни – плохая привычка, она родилась во Франции после войны. И породила индустриальное выращивание. И эти фермы-заводы убили (и продолжают убивать) всё живое.

Призыв к посту (хотя бы в понедельник) увидела и в афишах, когда спустилась в парижское метро.

7.01.2019

Решила посмотреть наш сочельник по ТВ. Искла в интернете. В каком-то греховном отчаянии промучилась весь день, натываясь на глупые и антихристианские, на самодовольные морды. Иные доснятся от жира, другие запуганы. Третьи пугают. Как-то смешно и угрожающее всё ещё проповедует проф. Осипов. Сплошные искушения смотреть «православное ТВ». От любимого, тихого праздника

осталось у меня лишь одно – ночью ко мне – потной и сходящей с ума – подползает Бося, лижет щеку, ухо, нос. Вот мой вол и осёл. Моё утешение.

8.01.2019

Вол, осёл, верблюд, овца, собака – мой единственный сотрапезник и собутыльник – Бося! Сегодня, проснувшись ночью, играла с ним. Он вдруг вскрикнул: какой-то резкий поворот головы. Что там? Растяжение? Сломана шейная косточка? У Боси тускло-белый взгляд, оба глаза смотрят мученически, ротик полуоткрыт, виден язычок, гнилые, мелкие зубки.

Всё...

Мы так хорошо с ним вместе гуляли, старели, чувствовали друг друга, не мешая друг другу.

Может быть, Бося отбирается от меня за мою мерзкую жизнь, обломовское валяние в потной постели, уныние...

А, может, это злой дух в Босю зашёл, чтобы за поругание Рождества отомстить?

С утра поехала к Кристофу. Он всё понял уже из моего рассказа по телефону. Дал таблетки. Возвратившись, я вместе с пищей дала и эти два лекарства. И вдруг помогло. Бося задвигался, хорошо покушал. Теперь, как журавль, закидывает голову. Успокоился.

9.01.2019

Всю ночь хорошо проспали. Сегодня Босина шея была непослушной только при вкушении каши. Но поел. Сейчас один. Спит. Святой Иустин Сербский: «По своей божественной логосной сути жизнь есть рай».

30.01.2019

Отец Константин Камышанов. (Из фейсбука):

Бог создал животных не для нас, а для Себя. Бог создал Адама и Еву для полноты бытия Троице...

Бог создал зверя не для убийства, а для полноты бытия, потому что в звере и в флоре бытие полнее раскрывается в своём богатстве. Мы со зверем едины в духе не потому, что у нас есть глаза, сердце и душа, а потому что наше общее бытие коренится в Боге.

Убивая зверя, мы не только мешаем Богу развертывать Бытие в полной мере, но губим то, на чём стоим – тайну своего бытия в Боге.

Убийство зверя – это маленькое самоубийство себя как человека – Сына Божьего. А охота – это охота к кровопролитию – беззаконию и смерти.

Радость охотника, смерть зверя – радость небытия.

Убивая иного, мы стреляем в сердце мира. Лишая зверя бытия, человек показывает бессмысленность собственного бытия.

Жалея зверя, мы строим заново мост от себя к миру и к Богу. В этом блаженство мужа, милующего скотов. В этом наше богоподобие, в этом наше утверждение в бытии и в благе. А значит, и в счастье.

Любая жизнь – тайна. Любая жизнь от Духа Святого и Бога Слова. Жизнь зверя предана только в руки Бога, Бог создал зверей не для нас, а для себя.

А нам только поручают ухаживать за Раем и хранить его с любовью.

Народ, жалея зверя!.. Не тронь!

Санкт-Петербург

8.02.2019

Приехал от отца Серафима валаамский послушник Никита. По-монашески отстранённый и несколько «статичный», но с внутренним горением. Неравнодушный. Он внимательно прочёл моё «Святое безумие». Никогда не думала, что и монахи будут читать столь «странную» для них книгу. Но русский инок – впереди всех, смелее самых нездешних трансгрессий. (Читай «Братья Карамазовы»).

Заговорили о предисловии Саши Дугина. Мне оно нравится. А Никите нет. «Дугин ведь совсем ничего не пишет об экологии! У него и дерево, и камень мертвы, не мыслят». Я ответила, что Саша Дугин никогда этим не увлекался, в любви и сострадании к животным не замечен. Увы, и гордыня его очень неправославная.

Никита: Вот было бы хорошо, если бы предисловие к Вашей книге написал Оливье Клеман!

Я чуть-чуть не заплакала. Откуда Никите знать, кто такой Оливье Клеман! И как мне его не хватает! Мне больно и сегодня, и всегда, что Оливье «нет». Он – и только он – дерзал говорить со всем миром о софийных, женских, творческих, звериных проблемах. И говорить с горячей верой! Петь, пророчествовать стихами, а не говорить.

Радостно удивило меня сообщение Никиты о его жизни в скиту Всех Святых. Он серьёзно относится к твари. В их ските живут коты, ползают змейки, есть хомяк. Живёт конь. Никита в индивидуальном порядке подружился с гадюкой, завёл для неё газончик, но его пугливый сосед был резко против.

Наконец-то! А я не помню, чтобы наш Иеремия (теперь архимандрит Серафим) когда-то интересовался животными. Время работает и на нас.

Никита уходил, взяв с собой подаренную «Блажен иже и скоты милует», а также Антонена Арто. Мы с ним говорили обо всём, даже о «театре жестокости».

12.02.2019

Как росла «вширь» власть человека.

После «потопа» человеку было разрешено есть мясо. При этом Господь разговаривал с человеком по-военному, словами, возвещающими начало войны: Страх и ужас должны вы будете порождать у животных! (Быт.9) Вот цена, которую должны были заплатить и человек, и животное, чтобы не угодить в хаос нового потопа. Звери будут убиты, чтобы уменьшить человеческое насилие. Будет избираем вечный «козёл отпущения», чтобы отвлечь гнев Божий от людей. Прямо по Рене Жирану!

Макс Хоркхаймер описал подобное в применении к человеческой личности. Чтобы наладить механизм идентичности и экстернализации, человек изгоняет из себя некоторые природные черты, пугающие его. Ненависть к кровожадному волку – это не что иное, как перевоплощение собственного, аппетитного поедания ягнятины.

Сверх-Я, с которым не справиться человеку, становится палачом всякого живого сообщества. (Horkheimer, Notiz zum «Wesen des Menschen»)

12.02.2019

Возможно, что убийство животных – это убийство самого себя. И притом убийство равнодушное, безразличное, привычное. Человек говорит себе, что это «просто так». Безразличие, с которым мы относимся к зверям, это – не предпосылка, а непосредственное следствие убийства.

12.02.2019

Первородный грех – это грех самоубийства. Познание добра и зла – это признание зла (в раю не было различия между добром и злом, не было выбора). Слишком рано не созревший ещё человек сорвал плод! Анна Шмидт (та журналистка, с которой переписывался Владимир Соловьёв) пишет, что Господь даровал людям смерть, чтобы они не покончили самоубийством.

13.02.2019

«Будьте милосердны, как и Отец Ваш милосерд». В Евангелии от Луки слово «ойктирмон» происходит от «сочувствия», «сострадание», плач и сетование о чужой боли. Это выражение часто употребляется у Гомера. Один из героев «Одиссеи» рассказывает о своей судьбе, и Ойктос охватывает всех ахейцев. Боль о чужой боли – вот, что такое «ойктос». Таким образом, «ойктирмон» можно перевести как «открытость чужой боли». Будьте (делайтесь) открыты чужой боли, как открыт к ней Отец наш Небесный. Вот такой смысл слова «совершенный». «Будьте совершенны, как совершенен Отец Ваш Небесный».

Открыт – не то же, что «совершенен» в какой-нибудь восточной традиции, когда религия превращается в теорию самосовершенствования. В Евангелии нет этой идеи. Здесь: будьте открыты к боли другого. Это и есть христианство. (Чистяков Г.П. «Над строками Нового Завета»).

26.02.2019

Были женщины из Петергофа, из «Народно-приюта». Марина (вся в чёрном) покорила меня своей могучей статью и силой. С живым русским лицом. Северным. И точно – Марина из Вологды. Алла, напротив, изящная, хрупкая, гибкая, красивая и внешней, и внутренней красотой. Её дочь – Юлия. Совсем слабенькая, но решительная и готовая к любым испытаниям. У каждой из женщин страшная и прекрасная жизнь «на волоске». Сердце каждой горит любовью к самым несчастным, и день, и ночь служит этой любви. Просты и прекрасны, как таинственные монастырские сосенки.

Православная Марина сразу спросила про «конец света», про то, «святой ли Распутин», про «невидимых семь старцев на Афоне». Павле (который был в комнате) уравновешенно и авторитетно ответил. Но уже через пять минут Марина сбросила с себя «православную» озабоченность и стала совсем родной, лихой и весёлой. Рассказала, что она стерилизовала (одна!) 70 бездомных собак. Т.е. она одна выловила их. 70 бродячих сук. Правда, и сила в ней богатырская – ух!

Марина: «Так здорово идти по Петергофу и не видеть стайки умирающих щенков...» Она разговорилась. И было хорошо.

Но нужно дать высказаться всем. Алла молчала. Я обратилась к ней. Тогда и узнала, что у неё в

двухкомнатной квартире почти 100 котов, 5 собак, работает она уборщицей в университете. И ещё на каких-то работах... Крепкий солдатик. Прекрасная, как средневековая королева.

В 21 час они засуетились – Наташа Постолова им «приказала», чтобы долго не сидеть, но я так разошлась, что не отпустила их ещё час. И они были рады.

Как я поняла, женщины – вегетарианки, а дети обеих (девочки) – веганки.

28.02.2019

Уже давно пора отказаться от «субстанциональности» в определении души. Это античное, точнее аристотелевское наследие противоречит всем современным философским подходам. Говорить о бессмертии как о чём-то бесконечно-линейном, монотонном – это говорить о «вечности» как о «бане с пауками». В православном сознании и подсознании существует «аорист», снимающий линейность. «Его же царствию НЕСТЬ конца» (а «не будет конца») в нашем эвклидовом рассудке «неизменность» – это свойство Бога, и изменчивость – предательство, непостоянство, ничтожность.

Душу (и Бога) нужно мыслить по-бергсоновски, как *elan vital*. Душа – трепетное дыхание жизни. *Nephesh* (слово из Ветхого Завета) присущ и людям и животным.

Не бессмертная душа, как субстанция, а некая идентичность, сохраняющая сама себя и сопротивляющаяся механическому, мёртвому.

Это прекрасно показано Жан-Луком Марионом: всякое, даже прекрасное понимание Бога есть превращение Его в идола (привязывание к горизонту собственного понимания).

Сказать, что Бог благ, всемогущ, всеведущ – уже некое богохульство.

Так же богохульно сказать о душе, что она «бес- смертна», в смысле ньютоновского времени.

28.02.2019

Адорно и Хоркхаймер возмущались «нейтраль- ностью и спокойствием» академической мысли. И я теперь хорошо понимаю их. Мне противен профес- сор Преображенский, спокойно режущий кроликов «в ванной». Чего стоит одна его фраза, перевешива- ющая садистическую жестокость всех в мире «Ша- риковых»: Кролик издох! А сегодня в Большом дают Аиду!

В этом вся сущность «науки» и торжество её «скромности».

Мне противна атмосфера, устройство сегодняш- них университетов – и на Западе, и на Востоке – сек- тантская, трусливая, интриганская, мелкая...

Отвратителен «стоицизм» Спинозы: «не пла- кать, не смеяться, но понимать».

Как будто что-то можно понять, не имея чувств.

В телевизоре, в обыденной жизни до сих пор пользуются аргументом: ну, это всё эмоции, а я Вам объективно скажу, с позиций разума и здравого смысла.

Нет. Во всем – боль. И она может быть понята только через такую же боль.

Париж

15.03.2019

Сегодня я видела себя в молодости, в хулиганской и весёлой, анархистской юности. Лицей Jules Ferry (человек 100), молодёжь 15-16 лет стояли на ступеньках перед входом, на одном из перекрёстков площади Клиши. В каком-то упоении, грозно и решительно они скандировали лозунги. Проезжающие мимо машины нажимали на клаксон, многие и многие радостно откликались, призывно и требовательно гудели. На третьей, самой высокой ступеньке стояли три девушки. Одна арабка, другая, наверно, из Шри-Ланки, а третья – француженка. На второй неистово и задорно выступала блондинка явно славянского происхождения: круглое, румяное от чувств личико, прямой пробор. Итак, впереди девушки. Но на второй ступеньке был и юноша в белой куртке (араб?), он тоже «зажигал». В руках, на стенах самодельные плакаты:

«Ты хочешь какую планету: голубую или “хорошо поджаренную”?»

«Скоро останутся только плюшевые медведи.»

«Нет природы – нет будущего».

«Это человек нуждается в природе, а не она в нём!»

«Прекратите насиловать мать!»

«Мы – за белых медведей, а не за акционеров».

«Если взрослые бездействуют, мы станем взрослыми».

«Я, когда рожусь, хочу жить!»

Мы с Павле вышли из автобуса и стояли (как два старичка) – очарованные. Вспоминали молодость и восхищались Францией. Хотя на 70 процентов там были нефранцузские ребята, арабы прежде всего, но дух Франции был в них и с ними.

18.03.2019

Разговор с Сашей Ч. По телефону.

Я: Как понимать «вечные муки»? Мы уже давно отреклись видеть их вечность в виде скучного, бесконечного, линейного времени. Это не вечность. Это наш невроз.

У Оригена вечность – череда эонов, по-гречески «вечновать» звучит что-то вроде эона эоно... (здесь я не расслышала). Т.е. душа, созрев в одном эоне, переселяется в другой. Надо исследовать глагол «избыть» (избыть один эон и перейти в другой).

Саша Ч.: Исчезла в мире спонтанность. Даже в России исчезла. А без неё нет творчества и движения вперёд. Затюканные люди.

Саша Ч.: Главный грех Запада – пелагианство. У Пелагия нет первородного греха, а, значит, человек свободен делать всё, что хочет. Поэтому «всё дозволено». Хотя сегодня уже ничего не хочется.

29.03.2019

У Гали Штейнберг. Собрались, чтобы отметить семь лет со смерти Эдика. Было 12 человек во главе с отцом Николаем Чернокраком. Его просили благо-

словить стол, но скромный и соответствующий отец Чернокрак ответил: «Я не хочу насаждать клерикализм, я уже всех благословил, может, начнём есть и пить?» Он сидел во главе длинного стола с лицом, тихо сияющим, и копной седых волос. Настоящий священник. Добрый.

Я спросила о Матери Марии (Скобцовой). В воскресенье, на Лекурб будет первое заседание, посвящённое ей. Отец Николай организовал (официально!) целое общество матери Марии. Хорошо, что вспомнили, ведь дух Матери Марии, смело ходящей «по водам», давно отлетел и от православных церквей во Франции, где всё благополучненько и семейственно, поверхностно и гламурно.

Рядом с отцом Николаем – Галя, маленькая, похожая на счастливого младенца. «Это у меня от моей мамы – собрать всех друзей за одним столом. И Эдик тоже так любил компании». Далее сидит Юрий Ковальчук (?), журналист, повторяющий, что сербы и русские – одно и то же. Далее – его жена Татьяна, она покорила меня – чуткая и серьёзная. Я в разгаре «пьянки» неловко и неправильно запела «Вечерний звон», все молчали, а Татьяна подхватила, продолжила. Почему «Вечерний звон»? Вспомнили самиздатскую газету, полную неприличной критики, издаваемую Толстым. Очень смешно и характерно: Толстый уверовал в Бога, поехал на Афон и показал эту издевательскую (против всех в эмиграции) газетку монахам. Они увидели название «Вечерний звон» и восхитились. Но потом не знали, как «отмыться».

Далее сидела русская Анна (потомок первых эмигрантов), по-русски хлопотливая, заботливая. Всё рвалась помочь Жилю на кухне.

Потом Саша и Галя Аккерман. С Сашей мне всегда интересно и философствовать, и быть на высоте самых острых мировых коллизий. Галя и Саша

остановили меня, когда я похвалили «жёлтые жилеты». Галя: это не народ организует, а всё те же корпорации. С Галей опять вспыхнул разговор про Софию Владимира Соловьёва и её «аватару», журналистку из Нижнего Новгорода Анну Шмидт. Эта оболганная сначала Горьким (грубо насчет неё высказавшимся), а вслед за ним и другими «недобрыми» интеллигентами женщина. Галя – единственная, кто написал об этой женщине-мистике статью.

После Крестопоклонной договорились с Аккерманами встретиться, подробнее о Шмидт поговорить. Все вокруг хвалили Сашу Аккермана. Анна: «Саша постоянный». Да, порядочность и постоянство – редкие качества в нашей интеллигентской среде. И с годами всё более ценишь их.

Далее сидел Эрик Булатов (ему 85?), худой и измождённый, но с внутренней тишиной. Я сказала, что мы виделись с ним 45 лет тому назад в Москве. Он не помнил. Но потом он долго говорил, что его тема – свет, и свет потусторонний.

Я себя внутренне укорила, ведь все эти годы пренебрегала его живописью с лозунгами «Слава КПСС» как пустым и холодным «концептуализмом». Его жена Наташа моложе его. Она – понятно – взяла всю внешнюю жизнь на себя. Рассказывала неуместные анекдоты про рынок и серебряные вилки... Но была и живой, и доброй.

В 22 часа все быстро встали и быстро ушли. Галя объяснила: отец Николай был слишком усталым. «Я всех предупредила, чтоб долго не сидели». Но мне «резкость ухода» показалась слишком западной, не русской. Наверно, Эдик Штейнберг такого бы не позволил. Остались я и Ольга (организатор выставок), на столе стояли: бутерброды с икрой, пирожки, селедка, форель, картошка, салат с креветками. Кроме меня, пост не держал никто. Воцерковленных (кро-

ме Гали), кажется, тоже не было. Но о России и о Боге с любовью говорили. Хотя Галя Аккерман (все знали) была «проукраинской». Впрочем, она сказала: «Украина – это уже закрытая тема». Я спросила у Гали, «может ли Юлия Т. стать президентом?» Галя: «Она слишком коррумпирована».

Основное впечатление: Я встретила умных и умудрённых людей. И основной чертой их умудрённости была нежность.

А ведь это было общество миллионеров. И никакой спеси, никаких разговоров о яхтах, путешествиях, деньгах.

4.04.2019

Сегодня произошло приобщение к тому, что уже знала, что ещё до рождения было «моим». Моим раем, моей тоской и обречённостью.

Выставка в Оранжерии – первая выставка Франца Марка в Париже.

Я увидела то, что и думала увидеть, и вдруг меня одолело удущье (хорошо, что я была в коляске, меня везла Беатрис), хотелось крикнуть: поедем скорее вон. Но подышала «вентолином» и, бессильная, ничего не сказала. Я могла бы упасть в обморок уже перед первыми картинами Марка, как это произошло с Сальвадором Дали перед «Похоронами графа Оргаса» Эль Греко.

Итак, две картины, напоминающие Троицу Рублёва:

Собака, лиса, кот (1912 г.).

Белый пёс движется к правому углу. Взгляд – как стрела. Над ним свернувшаяся клубком лиса – острие лисьей морды упирается в пса. Вместе собака и лиса образуют крест, но эта «диалектика» сдержана

на котом, сидящим стойко и безмятежно, ушедшим в себя. Все вместе образуют круг. Как вдохновенно написал бы об этом отец Павел Флоренский! Какое тихое, благоговейное бытие, слышание друг друга, послушание друг другу! Как в Троице, взоры двух сверху и слева останавливаются безмятежным присутствием кота.

Картина для детей. Кот за деревом (1911 г).

Картина бросается в глаза. Голубое, могучее дерево (похожее на животное, с корнями-лапами, с глазом-дуплом, с изогнутым телом) скрывает безмятежно спящего оранжевого кота. Его китайские глаза закрыты, их линия воспроизводится в нежных, чутких ушах – в движении к Небу. Он свернут и спит. Самодостаточен и божественен, поднят над землей. Трава – как облако. Слева ветка другого дерева пересекает центральный ствол – получается, как за прутьями клетки.

«Пантера» Рильке: «И за тысячью прутьев нет мира». Но мировая воля, сжатая в «комок» кота, не измучена и не устала, подобно пантере у Рильке. Кот недостижим, вне суеты. Он – символ пусть утраченного, но вечнующего, царствующего рая.

Вспоминается и Каспар-Давид Фридрих – две спины на паруснике, закрывающие далекий горизонт будущей церкви и одновременно направляющие наш взгляд в райскую даль, к Новому Небу и Новой Земле.

Животные у Франца Марка как будто заколдованы злой колдуньей-цивилизацией. Им приходится долго и тихо ждать в тюрьме. Про них забыли.

Делез и Батай о том же: животные не свободны, они хотят убежать.

У «футуриста» Марка повсюду присутствует диагональ бега, целеустремленной энергии, красота полёта.

Картина «Волки».

Собаки – это жертва. Они преграждают путь волкам без глаз, идущим, подобно геометрическим машинам, горизонтально, коллективно, автоматически. Собаки на их пути. Одна с сияющим брюхом, Жертвы волчьей ненасытности, но, конечно, не волчьей (это метафора), а вполне человеческой, военной, расчётливой цивилизации.

Почему при взгляде на первые же картины мне стало плохо? Был мощный «когнитивный диссонанс».

Марк изображает рай («Тебя там встретит огнегривый лев...»). И лев, и вол преисполнены очей.

С другой стороны, Марк никогда не теряет напряжённой ноты страдания. И его рай не светло-весёлый, не русский. Это немецкая радикальная серьёзность и строгость.

Павле тоже побывал на выставке. Ему хотелось перекреститься почти на каждую картину.

И я их открыла как иконы. Отсюда – коллапс. Я пришла посмотреть на «искусство». Духовно же это серьёзнее – это иконы.

6.04.2019

Нигилизм, атеизм разрушены и не актуальны в наши дни. Но энергия зла неутомима. Не смея выступить «вертикально», она действует по горизонтали, это агрессивная экспансия гиперреального.

Вот уже пять лет, как французское общество обострило внимание к живодерству. Недавно в «Паризьен» прочла, что убивший овчарку получил два года тюрьмы (и большой штраф). Год тюрьмы получил убивший кота.

Очень помогли социальные сети. Благодаря им проблема истязания животного (теперь и законом признанного чувствующим и страдающим) перестает быть просто «фольклором».

10.04.2019

Р.-Д. Прехт пишет, что положение животных вряд ли сравнимо с положением рабов и женщин, которые раньше были бесправны, но потом – из-за экономических причин – были освобождены. Поскольку животные экономически не нужны, – пишет Прехт, – (они нужны только как «дичь» или сельскохозяйственные машины), то и ждать от человека уважения и милости к ним не приходится.

Но тут хочется возразить: всё чаще раздаются голоса людей, осознающих «нужность» животных, кошмар исчезновения видов – ведь природа с её биомногообразием – это ресурсы нашей жизни. К ним когда-нибудь люди должны будут стать милосерднее. Но, наверно, уже поздно.

11.04.2019

Неправильно говорить, что сначала был рай, давно и недавно, а потом крест. Дерево жизни то самое, из которого сделан крест, т.е. уже внутри дерева жизни был некий крест, допустим невидимый.

Поэтому движение упорядочить, принять меры в человеке непервично или даже просто неверно, ошибка. Всегда первое его движение будет как в фильме Скорсезе «Последнее искушение Христа» по роману Казандзакиса, где последнее искушение сойти с креста, раз тебя приглашают сойти, и вся разум-

ность, и вся природа так советуют, но более позднее, а по человеческой природе первое движение – это хоть как-то, из последних сил, как можно скорее, во что бы то ни стало докарабкаться, доползти, вернуться на своё место, на крест, от ужаса остаться в ситуации без места, когда тебя подберут кто ты не хочешь и используют как тебе не надо.

Проблема человека, неуместного существа, решается возвращением его на своё место, на крест, в амеханию, апорию, к неприменению механизмов.

15.04.2019

Нотр-Дам, схваченный огнём, – это голос самой Божьей Матери, последние напутствие и предостережение. Не важно, католик ты или не католик. Это – самое родное место в Париже, во всей Франции. Собор был здесь всегда, тысячу и больше лет. С этим пожаром завершилась история Франции. Своим уходом собор говорит: вы все на пороге гибели. Всё ли вы сделали, чтобы уйти, чтобы сгореть, как я?

Для меня, любившей там сидеть, открывались главные тайны. Приходила в голову мысль о Софии, той, что была художницей и веселилась перед лицом Господа. Но чаще всего сидела без мыслей и без желаний. Как «мошка в чреве у матери» (8 элегия Рильке). «О счастье маленькой трепещущей мухи!»

Особо потрясала синева витражей (они, слава Богу, не сгорели). И помню, как в Великий Пост выносили Терновый Венец. Как молча и серьёзно сидели. Как вдруг (хоть это было не раз!) раздавался голос: Таня! Это был Саша Солдатов... русский иконописец – в последнее десятилетие в соборе было так много счастливых, истово молящихся русских!

К Небу в соборе теперь есть прямой выход – круглая дыра на крыше. Какая синева и восторг. Как небо у подводников, семь месяцев бывших под водой.

Я вспомнила рассказы монсеньера Шове (теперь его фотографии во всех газетах – он рядом с Макроном). «Как безобразны и отвратительны выступления извращенцев. 2-3 раза в неделю они используют здание». (Во Франции церковь «снимает» здание, собор же официально принадлежит парижской мэрии).

Вспомнила, сколько туристов, не перекрестившись, медленно проходят по собору. Но мне это никогда не мешало молиться. И просто быть!

Святость не бывает поругаема. Это я готова сказать и обо всём Париже. Что так тянет на его улицы? Сияние солнечных кораблей-домов, отсутствие скучной геометрии кубов и прямоугольников? Свет, везде свет. А тени прозрачны. Свет – от святости. Монмартр – гора мучеников. Кровь мучеников не смывается, она, как зерно, брошенное в землю, разрастается огромным чудом – Парижем.

21.04.2019

Вход Господень в Иерусалим

На молодой ослице совершает Господь этот триумфальный вход. Он полностью доверяет себя этому животному.

Числа 22,21-34 – Валаамова ослица, которая оставила Валаама, потому что видела ангела.

Не раз слышала в Греции: самое смиренное животное – это ослик (а не овца, как обычно считают).

22.04.2019

Раньше царила догма: эмоция – это враг сознания. И до сих пор некоторые провинциальные умы начинают спор с таких слов: Ну, всё, что тут было сказано – это эмоции, я же буду объективным, т.е. разумным. «Я мыслю, значит, я существую».

Но большинство этологов, нейрофизиологов, просто философов настаивают, что, если нет сознания, нет и эмоции. И наоборот: без эмоций нет сознания.

Очень популярен сегодня нейрофизиолог Антонио Дамасио. Вот некоторые из его мыслей:

Мы все внешние свойства приписываем сознанию. При помощи сознания мы различаем добро и зло, мы знаем о потребностях других людей, осознаём своё место в мире и т.д. Но сознание – не эссенция этих свойств. Сознание не равняется совести. Оно не любовь, не милосердие, не честь, не благородство. Многое зависит от памяти, от кодирования в языке, от возможности перевести знание в наглядное представление и интеллигентно им пользоваться.

У романтиков чувство было в теле, а разум – в голове. 20-ый век поселил эмоцию в мозге.

И ещё о связи разума с чувством: как пишет Michel Cabanac («Pleasure: the Common Currency») радость – всеобщий эквивалент. Чем выше когнитивные возможности животного, тем большее значение имеет радость, ибо радость ищется сознательно.

Этологи приводят в пример крыс. Крысы готовы вынести и сознательно выносят холод, чтобы почувствовать радость – они лакомятся замерзшим навозом. Мы хотим того, что мы делаем.

Cabanac – преимущество радости в её многообразии: радость открывает бесконечный регистр возможностей реагирования.

Метафизическое измерение радости – не мешать свободе другого. Учитывать целое.

Во многом знании (сознании) – много печали. Именно из-за сознания (выбора) человек изгнан из рая. Он слишком рано осознал то, что не имел права осознать.

Интересно замечание Анны Шмидт («Софии» В. Соловьева): Бог даровал человеку смерть, чтобы он (от слишком раннего знания) не покончил самоубийством.

28.04.2019

Подписалась участвовать в экологической демонстрации. Вначале мыслили устроить её у Пантеона, но в последний момент отменили. И перенесли на плас д'Итали. Объявили по ФБ, под каким лозунгом мы пойдём: «На мёртвой планете неоткуда будет выкачивать прибыль!»

Лозунг мне категорически не понравился. Я предложила: «Долой цивилизацию смерти!» Всё это через интернет. Через социальные сети организуются и «жёлтые жилеты», и всё растущее «экологическое» сопротивление.

«Экологическое непослушание», к которому я примкнула, уже множеством отдельных от моего голосов выдвинуло свои лозунги: «Мы не хотим спасать прибыль. Прибыль и живущее не совместимы». «Зелёный капитализм “не существует”». И «Нам нужно не обновление, а полный разрыв».

Отправилась на площадь Итали, доехала (на автобусе) только до Опера, оттуда на юг (к площади Итали) не шёл ни один автобус. Не было и такси. Около часа провела я в поисках средства передвижения, наконец, какой-то таксист остановился, но

он ехал на Север, на Монмартр. Опять мне не удалось быть «на баррикадах».

А душа рвётся в бой. Вспомнила Бакунина. О котором нам всю жизнь какую-то ерунду рассказывали. А его ненавидел и его славе завидовал Карл Маркс. Маркс не любил и Россию.

Итак, Бакунин. Как он сегодня актуален!

«Свобода в государстве есть ложь. Посадите самого искреннего демократа на трон, если он немедленно его не покинет, то непременно сделается отъявленным негодяем». Современно звучит.

Михаил Бакунин – философ жизни. Первый в Европе. Он всегда жил, рисковал, вдохновлял на мятеж, возглавлял бунт, когда общество хоть немного выходило за пределы мещанства. Бакунин резонировал на Событие. У него анти-либеральное, анти-атомизированное определение свободы. Либералы говорят: моя свобода ограничена существованием других. Бакунин: я свободен только тогда, когда другие встают на путь свободы. «Человек действительно свободен только среди равного образа свободных людей, и так как он свободен лишь в своём качестве человека, то рабство хотя бы одного-единственного человека на земле является как нарушение самого принципа человечности, отрицанием свободы всех».

10.05.2019

Материал к эко-феминизму.
Елена Гуро.

«Нестерпимо люблю всё живое. Мне иногда кажется, что я мать всему».

«Самые важные слова должны быть тихими».

«А тёплыми словами потому касаюсь жизни, а как же иначе касаться раненого».

«Нет места во вселенной, в котором не было бы духа».

«Кошелёк-то умрёт, а душа-то останется».

«Если кошечка святая, то, когда умрёт, полетит как птичка».

Город

Пахнет кровью и позором с бойни.

Собака бесхвостая прижала осмеянный зад к столбу

Тюрьмы правильны и спокойны.

Звонят кузнечики

Всё, что болит, моё родное,

Всё, что болит на земле – моё

благословенное,

Я приютил в моём сердце всё земное,

И ответить хочу за всё один.

Я ответить хочу один за всё

Звони, звони моя осень,

Звени, звени, моя осень

Звени, моё солнце.

Я смертной чертой окружена

Я не знаю, кто меня обвёл.

Я только слабею и зябну здесь

Как рано мне приходится не спать

От того, что я печалюсь.

Матюшин о Гуро:

«Солнечное сплетение “видения и слышания”...»

Гуляя с ней, я всегда поражался её контакту с природой

дой, до такой степени она соединилась с окружающей жизнью».

«Душа её была слишком нежна, чтобы ломать, слишком велика и благостна, чтобы враждовать даже с прошлым, и так прозрачна, что с лёгкостью проходила через самые уплотнённые явления мира, самые грубые наросты установленного, со своей тихой свечечкой большого грядущего света».

14.05.2019

Шла в госпиталь. Увидела еле-еле ползущую по асфальту пчелу. Подумалось: что с ней? И откуда здесь пчелы? Сделала два шага и стала укорять себя, что не подняла с асфальта пчелу (?) и не отнесла хотя бы на травку. И вдруг заметила, что вокруг меня сотни вяло ползущих насекомых. Явно умирающих. Чем-то отравленных. Я уже читала в парижской газете, что умирают миллиарды насекомых, но смерть одного (одной пчелы) так похожа на твою собственную.

16.05.2019

Уже трое суток продолжается «столкновение общечеловечности и солдат» в Екатеринбурге. Люди не хотят, чтобы на месте сквера строили большой православный храм.

Большинство – против церкви. За природу. Но мне кажется, что конфликт уже не первый раз создан искусственно.

В России, стране с наибольшим количеством христианских мучеников, хотят противопоставить Церковь и Жизнь. (Теперь ведь мученики – это воз-

дух, вода, деревья, животные. Они молча и стремительно умирают). А молодое поколение приучается к мысли об исконном дуализме между «официальной» верой и незащитной землей. Хуже того, для многих зоозащитников (раньше на Западе, а теперь и у нас) христианство вообще – враг всего живого. Тогда как Господь сказал, что Он есть Жизнь.

23.05.2019

Из Германии приехали Олеся Б. и Филипп. Они уже несколько месяцев всерьёз, с душой, с серьёзностью, не свойственной «грантоедам» занимаются Ленинградским Женским Движением 1979-80 годов.

Особо впечатлила Олеся: живая, отзывчивая, с обаянием и пониманием. И внутренне и внешне приятная, и приветливая – две весёлых, золотых косички. Они с Филиппом довольно хорошо образованы, говорили и об Адорно, и о Хоркхаймере. Я рассказала о «вертикали женского» (Жанне д'Арк, Антигоне...), кивали и соглашались с моей критикой капитализма (роста капитала, ускорения роста, самовоспроизводства зла...). Рассказала им и о своей встрече с Антуанетт Фук, о той, которая больше всех сделала для того, чтобы весь мир узнал о нашем «феминизме». Она рассказывала мне (встретились перед её смертью на книжном салоне) о Троице – да-да о рублёвской Троице! – О творческом начале Uterus'a, о женском, как о принимающем...

И Олеся, и Филипп почти вегетарианцы (по крайней мере, на пути).

Видели в Европе уже почти всех наших «феминисток» – и Галю Григорьеву, и Аллу Сарибан, и Клавдию Ротманову, и Малаховскую... Всех выслушали и постарались понять. И ни о ком плохо (или

даже равнодушно) не сказали. Сообщили мне, что мои письма к Хайдеггеру лежат в архиве М-га.

Я всячески расхваливала смелость и чистоту наших тогдашних помыслов. Ни о ком ничего негативного не сказала (даже о клевете обиженной Малаховской). Да и нечего сказать: было романтическое, полное идеализма движение. Можно сравнить наших женщин с народоволками XIX века. А старческие обиды М-ой – она копила их все 40 лет... И месть для христо-продавца (-вицы) естественна.

Олеся и Филипп видели в Питере даже нашего «мужчину» – Валентина-Марию Тиля (Самарина). И он им тоже понравился!

24.05.2019

Об Аристотеле. Я всегда не любила «умеренность» Аристотеля. Но теперь смотрю на «меру» немножко иначе. У греков уже было понятие о «безграничности желания». О плеонексии. Всё время хочется ещё большего.

Экологический вопрос – это вопрос о плеонексии. Откуда неравновесие? Оно происходит из человеческого желания, из логики «Ещё! Ещё!».

Смелость Аристотель определяет как умеренность. Среднее между безумной дерзостью и трусостью.

Капитализм не может держаться этой середины. Основной его закон – прибыль, прирост прироста... Стоять на месте капитализм не способен. Это означает его смерть.

Капитализм антиэкологичен по существу.

24.05.2019

14 800 протестующих в Париже. После 15 мая – это вторая демонстрация по поводу климата. А во всём мире вышло 1,8 миллионов протестующих. 119 стран: США, Англия, Швейцария, Парагвай, Доминиканская Республика, Кения, Бангладеш, Кувейт.

Грета Тунберг обвинила правительства: «Вы украли будущее у своих детей и внуков!»

Много подростков, несут плакаты: «Когда я вырасту, я хотел бы быть ещё живым!»

26.05.2019

Тезис о бессмертной душе – субстанционалистский. Ни библейское, ни современное мышление его не приемлет.

Душа – это не субстанция, независящая от материи. Душа – от «одушевления», внутренняя идентичность, активно связанная с внешним.

В Ветхом Завете вместо «души» для людей и для животных (для последних более часто) употребляется слово «нефеш». Нефеш – это (первоначально) глотка, пыхтение. Здесь нет ничего, что говорило бы об абсолютном отличии души от тела.

Животное – не «натура дура». Душа (и животного, и человека) не сущностна. Это сохраняющая себя – несмотря на смену условий – идентичность. Душа – это внутреннее, активно связанное с внешним.

Люди и звери вместе играют, сопереживают, любят, потому что всё живое не только природно, но и благодатно.

31.05.2019

Читаю книгу «Всё, что дышит» («Alles was atmet» Simone Horstmann):

Дети от общения с животными испытывают незаслуженную благодать, безграничную любовь. Но иногда они чувствуют их инаковость. Не случайно первые слова, произнесённые детьми (после «мама») – «мяу», «бай», «ба-ба».

«Я» появляется через границы «ты» животного.

Пиаже очень не прав, написав, что самая низкая степень развития ребёнка та, когда ребёнок говорит, что «собака улыбается». По Пиаже ребёнок «умнеет», когда начинает думать абстрактно, естественнонаучно.

Пиаже раскритикован многими (см. Richard Louv).

John Dewey: если отсутствует видение, обоняние, касание, вкус, то человеку грозит деперсонализация.

Звере-терапия – это соединение внутреннего и внешнего, своего и чужого, это соединение с природой. Это излечение.

Дети видят в страданиях животных возможность собственного радикального разрушения. Ребёнок может понять мрак и ничто.

Но жизнь, даже загубленная, не теряет своего достоинства.

Дети случайно убили косулю. Священник не стал их ругать, наказывать. Он приказал лишь вырыть могилу. Он произнёс одну фразу: «У нас всех лишь одна жизнь».

Встреча с животными выявляет способность ребёнка к сопротивлению другому.

31.05. – 2.06.2019

Эти дни были наполнены необыкновенной радостью.

Вначале было страшно – приезжают (все в один день) великие, долгожданные друзья. Праздник Вознесения у католиков. Каникулы! И в тот же день уезжают.

С Кристианом Цендером из Швейцарии мы не виделись три года. Он приезжает с Анастасией (беременной) и гиперактивным малышом Николаем. С Кристианом Ратнером, что снимал меня для Венского телевидения и с кем мы пели в Питере песни, мы вообще толком не поговорили. Это МОЙ человек!

С Аней Кузнецовой и отцом Дионисием – с ними всё время хочу быть вместе. Аня – спонтанная, красивая, встревоженная и пламенная. Отец Дионисий – русский, «сокровенный». Как пел «Не для меня!» Оба глубоко страдающие, но любимые Богом люди.

И было пиршество. Интеллектуальное веселие, «единство в разнообразии», неожиданное и понятное. Тут же начали читать стихи. Всем на радость прочла Кривулина:

«Из брошенных кто-то, из бывших, не избран и даже не зван, живёт втихомолку на крышах с любовью к высоким словам». Потом вспомнили Рильке. И хором прочли с Кристианом Ратнером из «Duineser Elegien». Как он читал: «Fruehe Geschaffene, Verwoehnte der Schoepfung».

Понравилось, как Ратнер говорил о немцах:

Верные, стойкие, смелые, идущие до конца. Идеалисты высшей масти. Но сейчас сломлены (войной, реакцией на войну). И не в силах выпрямиться. Немцы сами боятся своих «добродетелей».

Мне показалось, что Кристиан и есть такой «немец»: Флориан Гайер, рыцарь, идущий (один) в ни-

щий страждущий народ. (Я вспоминаю о «деятельности» Кристиана в Индии, Африке.)

Правдивый, сильный, восхищённый, немного нелепый (но превративший свои странности в шарм). С «квадратным» лицом рыцаря – это мне тоже понравилось. Когда он говорил, его лицо оживлялось внутренней смелостью, радостью и мудростью. Это воин. Человек, которого можно поставить управлять армией, государством. Прямота, бесстрашие, умение слушать и отвечать. Его идеализм реалистичен, его верность неподдельна. Ему спокойно можно доверить полмира.

Кристиан признавался, что всё время влюбляется в русских – Татьяна, Снежана. Но девушки эти как-то исчезают. «Предпочитают Австрии Петербург».

Кристиану 56 лет. Сила и воля, мягкость и смирение...

5.06.2019

Ещё счастливая встреча! Виделась в ресторане «У Мариуса» с Од де Керрос. Она пришла вовремя. На золотой головке – корона-обруч. Глаза сияют. На пальцах пара перстней с необычными, чудными камнями.

Мы с Од одногодки. И разговор шёл об общности наших таких непохожих судеб. Хоть Од и «старушка», я вижу её совсем юной и мне (тоже «старушке») подобной. Она принадлежит стихии огня. Даже офорты её пылают разорванными языками пламени. Она сказала (откуда догадалась?): «Я знаю, Татьяна, что после смерти Оливье Клемана Вам в Париже не с кем поговорить. Но мы с Вами не имеем права молчать. Нам нужно выполнить свою мис-

сию. Может быть, мы проживём ещё 10 лет и за это время надо всё осмыслить».

О своих собраниях по вторникам:

«Стараюсь собирать самых разных людей. Даже противоположных. И старых, и молодых, и “средних”. Многие – увы, очень многие – гении и таланты остались в одиночестве. Даже в Париже они одиночки. Они находят у меня своих единомышленников и человеческое тепло».

Она рассказала о каком-то таком композиторе-одиночке, который нашёл, наконец, себя и «своё» и сделал шаг от атональной музыки к тональным симфониям.

Я, в свою очередь, сказала, что на семинары 70-х годов в Ленинграде мы тоже собирали самых разных людей, самых непохожих, самых контрастных.

Для неё что-то «нехорошее» и роковое случилось в жизни мирового Духа в 2007 (или 2008?) годах. Вспоминаю, что в это время открылись «Bernardins». (Сколько ложных надежд – оказалось, ложных – было связано с открытием этого центра, призванного «соединить веру и искусство»).

Говорили о философии. Она слушала Лакана и «ничего не поняла». Тут я попыталась заступиться за лаканизм. Я рассказала, что Лакан определял работу психоаналитика как спуск в некий адский холод, из этого холода, к тому же, нужно уметь как-то вынырнуть на поверхность. Я рассказала о православном опыте, о знаменитом высказывании старца Силуана: «Держи свой ум во аде и не отчаивайся». Этот опыт встречи с адским Ничто (страхом, а не боязнью – Хайдеггер) – опыт 20-го века. И в христианстве мы находим много соответствующих «состояний».

Од (смеясь):

«Психоаналитики сегодня потеряли работу. Раньше их основными клиентами были “колеблю-

щиеся гомосексуалисты”. Теперь же геи вполне признаны и уже не колеблются».

Много говорили о пророчествах Божьей Матери в Фатиме, в Италии, повсюду. Од с детства путешествует по миру, и это её судьба.

Од проводила меня до дому. Я предложила перейти на «ты». Она согласилась. Но опять в разговоре всё «Вы» и «Вы». Ну, да ладно.

Для меня Париж очеловечился и преобразился. Я опять чувствую себя растущей, любимой и любящей, не одинокой в творчестве.

19.06.2019

По «Франс кюльтюр» обсуждается тема: «Нарциссизм и эгоизм». Фабрис Мидадь утверждает, что нарцисс чист и невинен. Нарциссизм и эгоизм – это совсем разные вещи. Мол, эгоизм плох, а нарциссизм – хорош. Даже очень хорош. Нарциссизм – это «лёгкость и радость, которую хотят разделить с другими».

Уже несколько лет (десятилетий!) я являюсь свидетелем того, с каким упорством уничтожается христианство (да и любая глубина) в западном мировоззрении. Все эти десятилетия и Лук Ферри, и Онфрэ, и Финкелькро (называю только очень известных) радовались исчезновению жертвы. И хор трансгуманистов всё громче подпевал «освободителям» от страдания, жертвы, вины.

Глухие, безответственные, бездарные «профессора» никому сегодня ненужной «философии».

Теперь возвышают нарциссизм, окончательно уничтожив скромность, смирение, эмпатию, любовь.

А количество глухих, агрессивных и раздражающих «селфи» в соцсетях растёт.

Процветает и «актуальное искусство», которому нашли не только философское, но и богословское обоснование.

Вот, например, в 2005 году появилась книга психоаналитика Daniel Sibony: «Creation-Essai sur l'art contemporain». В ней Сибони рассуждает об основах Современного Искусства.

Как оно появилось? Очень просто: оно зафиксировало различие между тем, кем человек хочет быть и тем, кем он на деле является. Ясно, что сегодня человек обнаруживает своё бессилие, свою неспособность ни к любви, ни к дружбе, свою никчёмность. И его терзает чувство вины.

Так родилось Современное Искусство. Оно является собой нарциссическое со-творчество. Это манифестация огромного количества общих неудач и промахов. Манифестация подвижная, процессуальная, не застывшая в «шедеврах» (как это было с искусством классическим).

Современное искусство с порога отрицает «качества Бога»: красоту, добро и истину. Для этого «искусства» апофатика не соседствует с катофатикой. Оно похваляется, что «не врёт», что оно жизненно, даже «божественно», ибо откровенно и нелицемерно говорит о фантазмах, вытесненных желаниях, агрессиях. Художник в нём приравнивается к Искупителю (Христу ?!), ибо «искренне» вываливает на зрителя всевозможные «гадости». И зритель тайно, а ныне явно признаётся себе в этом, освобождаясь от чувства вины.

Так кощунство вошло не только в музеи и галереи, но и в церкви Европы... Об этом был наш скорбный разговор с Од де Керрос.

24.06.2019

Гриша Беневич (из ФБ):

*Животные не мечтают,
У них нет проекта себя,
Они просто – живая тайна
И сознание бытия.*

Животные предчувствуют смерть, они «мечтают» по-своему, мечтают, что вернётся хозяин, – они играют, т.е. рискуют, выбирая своё будущее. Игра благодатна, не агрессивна. Животные сознают и будущее, умея жертвовать для него настоящим:

Крысы, например, не едят экскременты других животных, а ждут, пока те засохнут и замёрзнут, чтобы зимой съесть что-то более вкусное. Они не проектируют искусственный интеллект, потому что не живут в пространстве аристотелевской логики тождества ($A=A$) или логики обмена (денег).

У них – своя логика. Свои трансфизические поля (см. Шелдрейка, см. Даниила Андреева).

И верно, что животные – это живая тайна. Человек – предатель всеединства, никогда не поймёт тайны целого. Он продолжает разрушать экологическое равновесие. Животные ближе к Целому.

24.06.2019

Великолепно у Тани Ковальковой о «переизбыточном веселии». Это знак «бронзовой эпохи», и ещё глобальнее: это русскость и частица её «загадочности». В чём тайна героев Мамлеева – они убивают, поедают себя самих, жутко смеются и т.д., но всегда – в послушании. Отсюда и их основной де-

виз – «пропади всё пропадом!» (по-хайдеггеровски: Ничто ничтожествует). Они не боятся трансгрессировать, быть в переизбытке весёлой гибели, потому что полностью доверяют Иному.

Но Татьяна Ковалькова сделала книгу стихов вологодского поэта Сопина, который провёл многие годы в настоящем аду Гулага и вряд ли бы стал читать Мамлеева... И всё же – в глубочайших глубинах они похожи. Сопин: Мы жили (и выживали) благодаря ненависти. А она – от детской беззащитности.

Тайна бесшабашного, переизбыточного веселия – в беззащитности юродивого, полностью доверяющего Богу.

25.06.2019

Опять мысли о «Кроткой», любимом рассказе.

Как она все же спаслась? Её связь со спасением сугубо гетерогенная, приходящая извне. Она кончает самоубийством (непростительный грех), выпрыгивает с иконой Божьей Матери в руках из окна. В глухом петербургском дворе-колодце. Я прохожу через него на улицу Рубинштейна почти каждый день, и всё всплывает образ «Кроткой».

Параллель из Клоделя (Саша Черноглазов прислал статью про «заложника»):

Героиня, отрекаясь от христианства, отказывая ближнему в прощении, падает и, вытянув руки крестом, умирает. Крест – жест скандала, невозможности, безумия. Жест – «извне».

Саша Черноглазов: все Божье – извне. Лица Святой Троицы (Рублев) смотрят друг на друга. Христос стал Христом, лишь когда св. Иоанн Креститель Его так назвал.

Приход благодати извне – очень протестантская и очень современная мысль. Ибо современное тут-бытие столь непробиваемо сбито в парменидовскую плотность, что получило название гиперреальности. И еще попросту: ада. Часто сегодня можно услышать – «мы живём в миру, как в аду». В аду «невозможно возлюбить» (Достоевский). В аду нет движения. То, что мир и его история закончились, мы читаем у философов и часто переживаем сами. Время «Нового Средневековья» – приход неожиданной трансцендентности.

26.06.2019

ANIMAL LUDENS.

Играет ли животное?

Да, и ещё как играет! Василий Розанов призывает молодых супругов веселиться, играть, визжать, как малые щенята. О себе самом он пишет так: «Играют же собаки на дворе. И я “собака Божия”, играющая “на Божьем дворе” и никуда не хотящая с него уйти».

О том, как играет Бог, сказано много (Elbe Spurling «The Brick Testament», 2001).

Бог творит, играя. София – художница перед Богом, связывающая мир нетварный и тварный, – о ней сказано в «Притчах» Соломона: «И была радостью всякий день, веселясь перед лицом Его во все время».

Игривость зверей, отрицание утилитарного мышления стало даже идеалом и для человеческого поведения. «Посмотрите на птиц небесных, что не сеют, не пашут». (Мт. 6,26а)

Уже романтики, в частности Шиллер, относили игру к области благодати, которая совершенствует изначальную природу, не разрушая её.

Культура уходит корнями в природу, в живую природу.

Философ игры Хейзинга замечает тем не менее: игра сковывает, она произносит волшебное слово. Игра изображает, она не имитирует. В этом – религиозный смысл игры. Она связывает с Началом. Густав Балли пишет: «Хотят ли звери играть? Конечно, они могут хотеть. Но это хотение потому желанно, потому что оно благословляет “должествование”, предшествующее хотению».

Связь с Началом – это связь с тайной. Мы часто ищем пугающее, ужасное. Игра позволяет нам видеть в природе не только одно природное, но нечто преобразующее ее. Игра благодатна, она – любовное отношение друг к другу.

28.06.2019

Я поняла, что сознание современных людей изменилось так, что мне невозможно что-нибудь сообщить. По радио выступал представитель LGBT и говорил, что выбирать нужно между любовью и удовольствием и что сейчас пришло время удовольствия.

А я (и моё поколение) – мы – думали иначе: в любви классической (философской или религиозной) традиции выбирать нужно было между наслаждением и долгом. Вспомним Кьеркегора! А любовь совпадала с наслаждением. Однако, была наслаждением высшим, трансцендентным! Теперь же любовь – как некая «моральная» категория должна исчезнуть вообще. Любовь более не свойство Бога, она не связана с Красотой, Добром и Истиной. В современном дискурсе она функционирует как «любовь к сладостям», «любовь к машинам» и т.д.

7.07.2019

(Воспоминания о Санкт-Петербурге)

Вот уже несколько дней, как приехали. Каждый день – праздник и друзья: Нина Горячева, Павел Кузнецов, Наташа Постолова с Аллой! Алла – титан и мученик. Худенькая, маленькая, но сколько силы и богатырства! Она все-таки вырвалась ко мне из Петергофа. Кроме множества других собак и котов, у нее появилась умирающая кошка, с умирающими котятами. Их нужно часто-часто кормить из пипетки. Но Алла вырвалась ко мне! Она и для меня, и для Павле – духовная опора. Нам становится стыдно, что были «депрессивными» и безвольными.

Я почти не выхожу из квартиры. Боли повсюду. С Босей гуляет Павле. Павле и заботится о воде, вине, хлебе – чтобы угостить каждодневных гостей.

9.07.2019

Тихвинская – моя заступница.

Мысли о страдании. Нужно иметь мужество, большое мужество, чтобы рискнуть однажды испытать страдание чужого. Из всех «чужих» самым близким для нас является животное (Хайдеггер).

Переступив этот порог, человек обречен на постоянное, маниакальное сочувствие, на страдание, превышающее все собственные боли. Оно гонится за тобой днем и ночью, оно остается в памяти навсегда. Оно бьет каждую секунду образами, зрительными – а они навязчивы и достоверны.

Я – вслед за Бердяевым – невероятно мучительно переносила (и переношу) злобность мира, затерянность в нем. И мне – вслед за Бердяевым – неловко

и стыдно быть пассивной, бездеятельной в сострадании. Но сегодня я каждодневно обречена натывать на свое бессилие перед тюрьмами-заводами индустриального выращивания и убийства, перед ненужными и устарелыми опытами над животными, перед разрастающимися пожарами с миллионами обреченных жертв. И не думать нельзя. И бездействовать нельзя.

«Жест полного идиота в своей необходимости меня более трогает, чем жест всемогущего» (Elias Canetti, «Le Territoir de l'homme»).

14.07.2019

Был Юра Макусинский. И его сын – Кирилл. Юра – шумный, пафосный, любящий. Говорил: мне во всем везет! (Если бы я не знала, как трудно ему живется, я бы невзлюбила его за подобное «самодовольство»). Говорил: у меня любимая красавица-жена, я занимаюсь любимым делом, готовлю книгу о питерской архитектуре. С настоящим восторгом говорил о духовнике – отце Константине (с Конюшенной), восторгался Леной Кондратьевой... Вообще хвалил всех. (Это мне нравится). Читал свои стихи и не мог остановиться. Мне показалось, что это скорее проза, написанная в рифму.

Он все вспоминал «как я стала его учителем». 25 лет тому назад мы в автобусе ехали в Вологду. Всю поездку я рассказывала Юре о православии. Он «навсегда запомнил»: 1. Что такое апофатика и 2. Слова святого Силуана: «Держи свой ум во аде и не отчаивайся».

Кирилл тоже принимал участие в разговоре. Сказал: «Я многого не понимаю ни в духовном ро-сте, ни в церкви. Но я верю своему отцу».

Говорили о сербах, которых Юра любит, говорили и о немцах, к которым у нас похожее отношение. «Какой-то inferнальный дух “подставил” нас, а то, объединившись, русские и немцы могли бы целиком изменить мир».

Тем же вечером я видела нашу фотографию в ФБ. («Историческая встреча»). Под ней стояло уже больше 100 лайков.

15.08.2019

Сегодня день горя и радости.

Горе: знать о существовании нелюдей, выбросивших в зеленогорский лес трех двухмесячных щенков. Саша и Наташа нашли их случайно, гуляя сегодня утром.

Но щенки – это целая мистерия. Это – «опасное чудо». (А. Платонов). Они навсегда застрянут в памяти...

Они кажутся волчатами.

Но потом я различила некоторую лохматость – кто-то из родителей был длинношерстным. Красивые и гордые, они держатся друг друга, облизывают друг друга. С морд братьев слизывают и остатки пищи. Четко распределены обязанности: самый внимательный и волевой всегда начеку, всегда «в позе готовности». Он внимателен к человеку и следует за ним. Второй: лохматый. Удивленная морда. Немного хитрит. Третий – черненький, слабенький. Спит, а двое других оберегают его.

Между собой разговаривают. Но тихо. Не рыдают, не требуют, не скулят. Целый боевой отряд, которым можно гордиться. И любоваться до самозабвения. И вспомнить о своих детских мечтах о «щеночке», том друге, которого будешь растить и

воспитывать. Вернее – он будет воспитывать и растить тебя. И не будет одиночества, а будет рай. 40 лет тому назад я продолжала так же думать, видеть во сне, мечтать.

Но вдруг стало ясно: надо брать только самых слабых, изуродованных, никому не нужных. Стареньких. Тогда мы с Павле взяли из грязного и тесного парижского приюта Бубу. И он был совершенством. Его душевные и духовные качества щедро излились на нас и наших друзей. Потом были Малыш, Ася... Бося... Бося... Бося.

Отец Константин Камышанов: «Жалеть – это граница божественной любви. За границей “жалеть” человек оставляет Бога».

9.09.2019

ФБ опубликовал статью Кристиана Цендера о «Трагическом у Горичевой и Бальтазаре».

Для многих православных неведомек, что огромное множество католиков резко встают против соединения христианства с трагическим. Я чуть ли не поссорилась с моим другом (умницей, эрудитом) Герхардом Адлером. Он отказался даже разговаривать на тему «трагического». Герхард считает, что Христос и Воскресение изначально победили трагедию. В христианстве осталась только «драма».

Но я считаю, что наша жизнь трагична. Хотя бы потому, что человек погружен в заброшенность (Gefallenheit). Будучи заброшенными в этот мир, мы должны жить, хоть и знаем, что умрем. Мы должны делать добро и вообще «быть нравственными», хоть и знаем, что «грощ нам цена». Чем интенсивнее мы живем, тем больше отнимаем пространство жизни у других. Ибо вещи «за свою нечестивость получают

воздаяние друг от друга – согласно порядку времени» (Анаксимандр – в переводе Хайдеггера).

9.09.2019

В Питере не успевала записывать. Была жизнь во всей ее интенсивности. Теперь, в Париже, вспоминается самое необыкновенное:

В августе в ресторане «Счастье» (ближайшем ко мне) было застолье с прилетевшим из Европы Володей Семеновым. Была встреча (что и значит счастье) в другом, прозрачном, трансфизическом мире. Мы обсуждали друзей и единомышленников, говорили об «экологии», неслышимо для грубых душ и окружающего мира звучала «музыка сфер». Я погрузилась в «дикое детство» (так пишет Рильке о влиянии на него Лу Саломе). Три часа нам было отпущено для разговора. В 13 часов ко мне напросилась в гости безумная Вероника Л. И я обещала ее принять. Полет в небесные обители был варварски прерван.

Были необычные встречи-интервью. Из Москвы приехал из «Традиции» Женя Кирилловых. Разговор был легким, веселым и плодотворным. Был и Дмитрий Барановский, философ «федоровского» направления. Он живет в Петербурге.

Потрясла мою жизнь встреча с Дашей Дугиной, радостной, солнечной, юной! Ее невозможно не любить. А с ней пришел «мой» человек – Валентин Чередников, глубокий, мудрый, тонкий, талантливый (может быть, гениальный). Даша сказала по телефону, что приведет последователя Эмерсона и Торо. Валентин – мистик и «сверхчеловек». И у этого «сверхчеловека» развито чувство сострадания. Он еще совсем молод, учился философии в Калининграде. Но, конечно, self-maid man.

Из питерских новых знакомых – Андрей и Владимир. Дала интервью о Хайдеггере для «Про и Контра».

10.09.2019

Продолжение о «трагическом».

Людвиг Баварский (посмотрела фильм 2012 г.), будучи королем, решил поднять человечество до Неба, утвердить мир на всей земле, посвятить человеческую энергию высокому, прекрасному, идеальному. Но «красота» не спасла мир, а только усилила его несчастья. Красота, погубив себя, погубила и Баварию, и всякую надежду на построение «Царства Божьего на земле».

Мне вспомнились размышления Гете о феномене Каспара Хаузера. Гете (как и многие после него) считал, что Каспар Хаузер – воплощение чистоты и совершенства – был послан царствовать в Германии, был тем принцем – избранником, которому, по Гете, поручалось «соединить рассудок и чувственность». И вообще преодолеть европейскую шизофрению. Стать «настоящим королем» обновленной Европы.

Но этот юноша был уничтожен почти сразу же на пути к осуществлению «утопии»: торжеству Добра, Красоты и Истины.

В фильме Герцога Каспар Хаузер, умирая, говорит – «Все люди прекрасны, но ужасное сильнее».

Значит – «нет правды на земле, но правды нет и выше»? Значит, человечество постоянно предает Христа. Предаёт Истину.

Но почему же тогда у Достоевского: Красота спасет мир?

11.09.2019

Анна Шмидт: «Древо познания в раю – это и есть древо жизни. Господь дал человеку, съевшему запретный плод, смерть. Это он сделал потому, чтобы человек не окончил жизнь самоубийством».

11.09.2019

С Кристофом говорим о том, как возможно так много оперировать, Кристоф с чистым восторгом рассказывает, до чего интересна жизнь любого, сколь угодно малого кусочка материи! Плоть животного жива, и в ней нет энтропии.

Тут же попались размышления о материи у Андрея Платонова. Александр Стручков пишет: «Сложившееся у марксистов представление о “материи” Платонов переосмыслил кардинально, показав, что в тотальном мировом “веществе жизни” нет ничего до конца мертвого, как и нет ничего абсолютно живого. Мертвые вещи оказываются обладающими важным свойством, которое недоступно людям: высокой степенью сопричастности к окружающему миру...»

В статье «Революция “духа”» (1921) Платонов доказывает, что никакого «духа», отдельного от вещества существования нет, есть только единая «третья реальность», связанная с определенными формами вещества и (или) энергии, в которую переходит вещество, обеспечивая этим движением течение времени и возможности пространства...

Дух есть наиболее экономное проявление все той же материи. Он есть как бы обработанная, оформленная, сгущенная материя, «дух подчинен законам материи».

Главный источник тепла (жизни) находится в толще земли, ее живой плоти, осмысленной как аккумулятор космической энергии, поэтому именно там герои Платонова ищут истину, надеются, что природа или «что-нибудь покажет внизу».

В унисон герою «Котлована», расчистив вокруг себя социальное пространство, большевики в «Чевенгуре» устремляют свой взор вниз: «Ж. во время вечера постоянно ходил по огородам и полянам Чевенгура и рассматривал места под ногами, наблюдая всякую мелочь жизни внизу и ее сожалея».

В «Усомнившемся Макаре» Макар опускается в недра земли – ночью «полез в сухой колодец и прожил в нем сутки, ища глазами под сухим песком».

Вектор творческих усилий направлен не вверх, а вниз. Процесс преобразования земли описан как «Мысль, вонзившаяся в материю».

18.09.2019

В наше время «разум» для реалистично мыслящих людей почти ничего не значит. Основные внутренние изменения случаются не потому, что человек – в результате сомнений и раздумий – наконец, «высчитал истину».

Откровение, потрясение, чудо – они приводят к Богу. Как это было и в начале христианства. Апостол Павел не думает о Христе. Он полностью изменен и потрясен Им.

Так, ап. Павел противоположен Декарту: не «я думаю, следовательно, существую», а «Ты думаешь обо мне, следовательно, я существую».

20.09.2019

Ницше: Я люблю того, кто вбирает в себя все вещи. Так он ПОГИБАЕТ в них.

Блок титанически страдал, умирая – и в этой боли и была его серьезность. Религиозность, правда, жертва (Олег Охупкин).

Трагедия отдачи себя и неизбежной гибели – это чувство аристократа Духа. Оно – отличительная черта благородства.

22.09.2019

Hans Blumenberg: Эмоции – в основе разума. По сравнению с животными, человек рождается слишком рано. Он не может выжить один до 12-13 лет. Значит, он подчинен эмоциям в большей степени, чем другие млекопитающие. Все это – чтобы компенсировать ту хрупкость, из-за которой он стал рациональным. Разум дешифрует информацию от эмоций.

Неслучайно само слово «эмоция» связано с движением. Это то, что «движет».

22.09.2019

Человек обладает живым телом. Машина – нет. Следовательно, деятельность разумная у человека связана с гомеостазисом, с необходимостью обеспечить стабильное сосуществование внутренних проявлений жизни в теле. Наш интеллект обязан поддерживать поток жизни в теле и защитить различные части живого тела.

Искусственный интеллект на это не способен.
Для него – слишком сложная задача.

22.09.2019

Индивидуум – это то, что неделимо. Все его частички несут один общий геном. Его нельзя разрушить, не убив.

К растению все это не подходит. Мы можем одно единственное растение превратить – размножением черенков – в тысячи растений. Деревья наделены множеством генов.

Деревья обучаются и вспоминают. Они вообще потенциально бессмертны. Живое у них обволакивает мертвое.

Гибридизация происходит быстрее, чем у животных.

У растений корни, ствол, листья бессмертны, они всегда растут и множатся.

Теория Ламарка подходит к растениям больше, чем принципы Дарвина: не борьба видов, а дифференциация внутри организма, позволяющая отвечать на вызовы извне (Francis Hallé).

7.10.2019

Павле (по телефону) – вчера в Любляне читал доклад об Афоне. И рассказывал, что видел дельфинов. Один из слушателей подтвердил: Да, это правда. Я посмотрел в гугле, там написано, что в Средиземном море водятся дельфины.

Вот она, новая эпоха. Уже наступила.

Непосредственное, полное присутствие уже не так реально, как цифровая виртуальность.

14.10.2019

Письмо от Саши Черноглазова заставило подумать о преп. Серафиме Саровском. Преподобный получил благословение на монашество от старца Досифея. На самом деле, от старицы Досифеи. От женщины (хотя монах – это «андрогин»).

Преп. Серафим более чем свой, Саровский монастырь, любил Дивеево. Отличал девственниц от остальных монахинь, благословил на женское юродство великую Пелагию Серебрянникову (ее называли Второй Серафим), сказав ей перед смертью: «Заботься о моих сиротах».

Юродство самый таинственный и скрытый подвиг в православии.

В западных женских монастырях монахини часто занимались «книгами», «науками», сами писали большие трактаты. На Востоке этого почти не было. Узкий и невозможный путь к самостановлению был открыт для кучки титанически сильных, смелых, жертвенных женщин, открыт через подвиг юродства.

В России женское начало, не претендуя на внешнюю власть, управляло смыслами, почти не существуя. Оно питало необозначенное в культуре, в цивилизации, даже в хозяйственной жизни. Юродивая Пелагея сказала о старце Серафиме: Он меня испортил. «Испорченность» – это не-существование вдвойне.

Но «женщина не существует, потому что она существует» (Лакан). И настоящая Жизнь – это дар, радикально пришедший извне.

14.10.2019

Думала в связи с юродством о Единороге, «вымышленном звере», признающем лишь целомудренных дев. О нем стихи Рильке:

O dieses ist das Tier, das es nicht gibt.

«Zwar war es nicht. Doch weil sie's liebten, ward ein reines Tier».

Его не кормили зерном, а лишь возможностью существования. (Возможность здесь софийна, это «любовь любви»). И это дало животному такую силу, что оно обрело рог... Существование животных (как и любой живой твари) дано сверху. Любовью.

14.10.2019

Об Иване-дураке и Эко-феминизме. Иоанн (в переводе) – «дар свыше». Он отличается необыкновенной жалостливостью. Он ловит и отпускает щуку, которая потом выполняет все его желания. Он ничего не делает – в отличие от старших братьев. И это тоже «женское» в его природе: как обобщил Павел Евдокимов (книга «Женщина и спасение мира»), женщина – это бытие, а не действие.

Иван-дурак одушевляет всё вокруг: на горшки надевает шапки, ему служат серый волк, сивка-бурка, конёк-горбунок. (Звери обязательно находятся в служении Великой Матери, подчиняются в сказках Бабе-Яге). Иван-дурак – из породы юродивых, которые всё делают наоборот, свободны от условностей, законов, самой морали. Он принадлежит миру до «кожаных риз».

15.10.2019

Экология выходит на первый план европейской политики. Встрепенулись и французы. Стали, например, всем народом защищать амазонские леса. 93% французов против вырубки лесов в Бразилии. По-прежнему выступает Никола Юло. Он говорит «о необходимости утопии». Пораженческие настроения привели нас к безысходности. Надо сражаться в повседневности. Каждый – как может и как умеет. И это весело повлияло бы на общественные структуры, в первые ряды «экологических» политиков пробивается Yannick Jadot. Борис Устинов: «Если мир рухнет, последнее, что мы услышим, будут слова эксперта: это невозможно». История всегда обгоняет нас.

19.10.2019

Письмо от Гриши Беневи́ча. Некогда отец Сергей Булгаков пенял православному богословию на то, что в нём понятие «ипостась» прикладывается буквально ко всему единичному, что не разработано понятие «личности», которое бы отличало ипостась человека и что какой-нибудь единственный кот или муха – такая же ипостась, что и человек. Затем появляется персонализм, в котором попытались отличить человека при помощи слова «личность», неприложимое (в те времена) к животным, растениям или камням. Однако же на следующем витке разговоров то самое, что раньше считалось «недостатком православных догм», богословы стали вменять ему в достоинство. И вот уже, в контексте диалога с современным экологическим сознанием, Пол Блауерс, ссылаясь на отца Мельхиседека (Теронена), пишет:

«This dignite cannot belong exclusively to rational, relational, communicative beings like angels or humans but must extend even to individual dogs or mice». Так что, по мнению этих учёных, своего рода «личное» у Максима является любое единичное, независимое от его природы. И кстати, это подкрепляется у них утверждением о том, что в Боге-Логосе есть индивидуальный логос всего единичного (см. amb 1313 A), т.е. и каждой мышки, и каждого котика, да и каждого камешка, и каждой травинки, вероятно, тоже...

20.10.2019

Читая Антона Ротцеттера: «Wenn sich Tiere in der Theologie tummeln».

Подобно миннезингеру, Франциск Асизский описывает добродетели придворных дам и рыцарей. Иисус Христос соединён с Королевой-Мудростью. Её сестра – Простота. Далее следуют Бедность и Смирение. Смирение от humilitas (соединение с землей), Любовь и Послушание (oboedientia – ясное слышание других).

Надо быть в послушании, причём не только всем людям, но и диким зверям. Чтобы они могли делать с ними всё, что хотят.

Звери – носители Божьего откровения.

Рай – прозрачность отношений. В раю звери ближе к Богу, чем человек.

22.10.2019

Новомученик святой Севастьян Карагандинский.

В лагере он возил на быках воду для жителей ЦПО. Бывало зимой привезёт воду, подойдёт к быку и греет об него окоченевшие руки. Ему вынесут и подарят варежки. А на следующий день он опять приезжает без варежек. Подарит кому-нибудь или отберут. И снова греет руки о быка. Одежда на нём старенькая, драненькая... Когда по ночам батюшка замерзал, он забирался в ясли к скоту и согревался теплом животных. Жители ЦПО давали ему продукты: пироги, сало. Что мог, он кушал, а сало отвозил к заключённым в отделение. «В заключении я был, – вспоминал батюшка, – и посты не нарушал. Если дадут баланду какую-нибудь с кусочком мяса, я это не ел и менял на лишнюю пайку хлеба».

22.10.2019

Rue Pathievre, VIII округ, большая галерея, владец которой китаец– интеллектурал (!).

От меня добираться на двух автобусах, потом долго идти по узким улочкам. Повсюду высокомерно «стильные», спешащие студенты (-тки), профессура, обезличенные клерки. Отвратительно институализированная, мёртвая «жизнь». Извиваясь и боясь упасть (артроз), доползла до галереи. Опоздала на 10 минут. Всё уже переполнено интернациональным «народом». Кроме французов, уже известные мне русские, поляки, евреи. Пианистка Ева уступила мне кусочек дивана.

Народ слушал Од. Народ притих. Од, как всегда, говорила прямо, смело, собранно. Иногда, когда она краснела, я думала, что это – девочка. И ещё раз понимала – внутреннее горение всё-таки сильнее любого возраста.

Итак, передо мной была Жанна д'Арк, объявившая о начале нового Крестового Похода. Юная и прекрасная фея – в центре Европы, в центре Парижа с тревогой и спокойствием говорила о том, что город красоты, разнообразия, свободы и гениальности (Париж) стал местом нового «тоталитаризма». Именно в Париже (прежде всего в нём) убивается настоящее искусство и всячески поддерживается «искусство ненастоящее» (его определение: в «актуальном» искусстве дискурс о произведении искусства гораздо шире и важнее самого произведения). Только в Париже государство на 100% распоряжается судьбой картин, скульптур – кого признать, а кого не признать, только в Париже государство оплачивает любых бездарей поп-арта, китча, концептуального искусства... Американские, японские мультимиллиардеры покупают «указанную работу», потом её продают другим миллиардерам (всё под контролем), цена работы быстро возрастает. Заказные СМИ, институализированные «искусствоведы» подыгрывают, «прославляют» – и вот совсем никому не известный художник объявляется «самым дорогим» и значимым. Уже в 1980-е годы кого-то неизвестного вдруг продали по цене Ван Гога.

В Париже осталось около 40 галерей. Из них только три «настоящие». Но в основном галереи исчезают, беднеют. Художники не получают прессы. Они не покупаются и не продаются.

Но Париж остаётся центром притяжения для художников всего мира, и мы должны знать об этой его миссии. Противостоять всему неживому, чужому...

Китаец (владелец данной галереи) спросил: «Мы все обречены разделять одну судьбу – подчиняться финансам?».

Увы, было слишком душно и я, не выслушав ответа, выскочила на улицу.

30.10.2019

«У Мариуса»

Од подъехала ко мне, зная, как с началом дождей у меня всё болит. Сидели часа три, я пыталась рассказать о Второй питерской культуре. Од – прочтя Рабина и других москвичей – сделала вывод, что диссидентские «бульдозерные» выставки с самого начала поддерживались Западом. Запад засылал своих журналистов, корреспондентов, раздувал события до вселенской «борьбы за нашу и вашу свободу». Я рассказала о Питере, о том, что у художников, поэтов не было никаких знакомств с «заграницей», о нищете (её не замечали), о неотмирности питерского возрождения. Питер – город трагедии, страдания, блокады... В Москве больше возможностей, денег, признанности.

Рассказала Од о школе Филонова, о Роальде Мандельштаме и о более молодых, о друзьях – Кривулине, Охапкине, Лене Шварц, Васе Филиппове, Саше Миронове... Они и до сих пор мало, кому известны.

Рассказала о нашей философской дружбе и переписке с Борей Гройсом. Его Од знает! Конечно, как не знать: Гройс – один из ведущих теоретиков в области современного искусства. Од: Гройс что-нибудь рассказывает, а потом резко утверждает другое. Од удивилась, что я давно не виделась с Гройсом, просила меня «возобновить отношения».

Потом разговор о Шатобриане (невозможно читать), о Паскале и Порт Рояле: у них (так Од) Крест лишен горизонтали (она подняла руки) и «неприятно то, что они, как какая-то секта, считают, что только они и “их” люди спасутся».

В Од мне особо нравится её бесстрашие и «девственная» смелость. Я рассказывала, каким «дерзким» и неординарным был Володя Буковский. Од:

«Напишите о нём!». Я: «Мне не хватает на всё времени и сил. К тому же Буковский не был христианином».

1.11.2019

Всех святых!

Об Иоанне Рыльском (Болгарский святой, X век).

Он пишет:

«Пришёл на эту пустынную землю, жил только с дикими зверями. Небо над головой и сырая земля для сна – вот всё, что было со мной... Ел долгие годы только траву. Потом нашёл бобы».

1.11.2019

Под одеялом что-то зашевелилось, то ли мышь, то ли кот... Ищет нетерпеливо, как бы выбраться. Мною был дан призыв: «Бося, гулять!». И я пощелкиваю поводком.

С улыбкой во всю морду, сияя белыми, незрячими глазами, красиво потягиваясь, Бося, кокетничая, по сантиметру ползёт ко мне. Уж слишком большая радость! Даже не верится. Как бы быть достойным, достойным и любимым. И навсегда верным.

Торжество моего тихого бытия – Бося – солнце! Бося – пример мне, мрачной и убогой. Опять утро (после пошлости и суеты глупых снов), опять бешеная тоска, отчуждённость, выброшенность. Тьма внешняя.

Редко, как у рильковской Пантеры, появится просвет и выход к бескрайнему миру. Тысяча мелькающих решёток. И не тянет ни взлетать, ни падать. Бося, научи меня благодарить!

2.11.2019

Наконец-то! В Париже принято решение запретить цирк с животными. С января должно вступить в силу. 65% французов против таких цирков. Этот процент подпрыгнул после случая в цирке Бормана, когда оттуда сбежала тигрица. И когда её расстреляли прямо на Елисейских Полях.

7.11.2019

Возрастает всеобщее раздражение к «учёному» сообществу правнуков Декарта. Для «научности» нужны «факты», повторения, очевидность (для всех!), нужны априорные пространство и время (одномерное время, трехмерное пространство), чтобы что-то ДОКАЗАТЬ.

И бедные этологи (учёные!) до недавнего времени издевались над животными в специально выдуманных лабораториях и плевать хотели на «естественную среду». Там, в лабораториях, учёные доказывали, что животное не способно к спонтанным, творческим действиям.

По сотне раз в закрытом помещении к потолку подвешивали банан, давали шимпанзе палку, ставили табуретку. Животное должно было каждый раз «проявлять зачатки мысли», ставить табуретку и сбивать банан палкой.

Наконец, в конце прошлого века, родоначальник глубинной экологии – норвежец Арне Нейсс – был до слёз устыжён. Когда кит, над которым он производил эксперименты (в узком пространстве бассейна), взял в свою пасть его ногу и продержал её 10 минут. Так кит делал несколько дней, показывая человеку: «Какой же ты дурак...». С тех пор Нейсс бросил ра-

боту и стал борцом за «свободу животных». Он добился того, что его друга-кита выпустили в океан. Нейсс одним из первых заговорил о личном начале животных, об их свободе, их полной смысле жизни.

7.11.2019

Кант описал мир как клетку без света и выхода, как механическую нереальность.

До Канта запах смерти появился в истории западной мысли уже у схоластиков, для которых не было Реального. Как заметил Хайдеггер, схоластики описывали то, чего нет.

18.11.2019

Немецкий солдат пишет с русского фронта:

«16 апреля 1943 г. Когда я на днях ездил на охоту, мне бросилась в глаза та первозданность, которая проявляется во всей жизни этой гигантской страны. Здесь, на голой земле, нет ничего воображаемого или притворного. Здесь властвует ещё не прирученная природа. Её напору могут противостоять лишь здоровые и сильные. Здесь люди ещё слиты с ней так, что живут не рядом с природой, а внутри её. Поэтому понятно, что русский солдат превосходит немецкого во многих практических вещах и в своей закалённости по отношению к явлениям природы» (Готхард Хейнрици).

18.11.2019

Мне же ближе всех Рильке. Любимый поэт о любимой России:

«Великая страна на Востоке, единственная, через которую Бог связан с землей, и по сей день ещё несёт крест мученичества. Лихорадочно развиваются соседствующие с ней культуры, а она идёт вперёд лишь медлительными, неторопливыми шагами. Запад оставил позади себя столетия, в то время как рядом, в царстве Рюрика, ещё длится первый день, день Бога, первый день творения».

21.11.2019

Палеолит. Воображаемый «Женский период».

Жили небольшими группами, происходившими от одного предка. Племя селилось в пещере или в промоине на берегу реки, заслоняя вход в природное жилище ветками, разжигая костёр. Успех выживания зависел от умения зажечь костёр, найти, собрать, сохранить пищу.

Первобытный труд был сложен и кропотлив, всё делалось вручную. Рутинной работой было проще заниматься женщинам. Мужчины в основном охотились, сооружали жилища.

То, что добывали мужчины, обрабатывали и делали пригодным к употреблению женщины, поэтому их труд был основой жизни первобытного общества. Толстые фигурки женщин – богинь плодородия – свидетельствуют об особом почитании женского начала. Женщины возглавляли племя.

28.11.2019

Мы с Павле у Мишеля. Он держится, он не раскисает. Стал после смерти Флоранс разговорчивее, спрашивает: «где Бося»? (при Флоранс о животных не говорили). Я рассказываю, как Бося всё понимает и всему обучился. Мишель приготовил вкуснейшую трапезу. Почти вегетарианскую. Всё же был и отец Даниэль, который приехал издалека и не привык к нововведениям за «раблезианским», пантоновским обедом. После молитвы затихли. Потом был задан обычный вопрос: Ну как там, в России? Я рассказала о монастырях и церквях, а также о важном протесте 180 священников, которые впервые (за годы моей жизни) объединились и выступили в защиту задержанных по «Московскому делу». Выход в мир, редчайший выход в политику...

Потом говорил Мишель. Он – от Европейского Парламента – за эти последние месяцы был в Румынии, Латвии, Эстонии, Грузии. «Во всех этих странах я встречал любовь к русским, а в правительствах – злобу к России. Казалось, что “правители” выросли и выучились не рядом с собственным народом, а где-то в США». (Но так оно и есть!)

Расставались так неохотно. Наметили следующую встречу в феврале.

2.12.2019

С Павле говорили о благоговении. Благоговение и бесстрашие – у Штайнера две главные характеристики духовно настроенного человека.

Седакова – трактую Пушкина – пишет, что благоговение у него – это свобода. Я это понимаю через «свободу» у Бакунина. Бакунин (в отличие от

большинства либералов) искал свободы не для себя, а для другого. Чтобы другой был свободен, нужно окружить его облаком благоговения. Тогда он сольётся «с образом Божиим».

3.12.2019

«Божественная стыдливость страдания» (Тютчев).

Мы стыдимся страдать, ибо чувствуем свою вину уже за одно то, что существуем. Но и это надо принять, доверяясь Богу. Веруя, что Он создал всё (и нас) не зря. Всё сотворённое Им – хорошо весьма. Наша вера и даёт раздвоенность – стыд.

7.12.2019

Не нравится мне анти-женское философствование Саши Дугина о Кибеле. Конечно, нужно прочесть и послушать побольше, но пока выходит, что Кибела (чёрный логос) – это царство «постмодерна». Вавилонская блудница, чистая привация, не-подобие, линейный прогресс, царство количества, зло.

Но как же можно? Великая Богиня (Кибела, Астарта, Рея...) – она – начало жизни, родоначальница природы, мать всем зверям, растениям. Она также может даровать и смерть, но только как что-то, на смену чего может прийти жизнь.

Токсичное, мускулинное, декартовское – это (особенно) XVII век, длящийся и поныне – с его акцелерациями, поглощением всего живого, первой и второй, апокалиптической, смертью. Век рассудка, который выдумали, прежде всего, мужчины и которые до сих пор гордятся, рассуждая о неспособности

женщин к логике («женщина – тупое животное» – кто из нас ещё не слышал подобного?) Женщина – это эмоции, а мужчина – разум.

Только в последние десятилетия нейрофизиология и прочие науки открыли истину: разум и чувство имеют одно начало. Наконец открыли, что эмоции важнее рассудочных конструкций, что Интуиция жива и всемогуща. Она творит, в то время как рассудок сушит и умертвляет. (А. Домазлио, Мишель Анри и их предшественники – Бергсон, Макс Шеллер...)

16.12.2019

К великой радости прилетела Татьяна Ковалькова. Бося превратился в ребёнка, умирая от удовольствия и желания пообщаться.

За эти дни удалось многое. Посмотрели могучего Эль Греко: страшно, смело, ликующее. Эль Греко соединил дерзновение иконописца (православного грека) с сумасшедшей динамикой венецианской школы. Он изменил мой взгляд, многое рассказал душе.

Посмотрели в Орсе выставку «Вокруг Гюисманса». Поистине, царственное удовольствие, встреча с Моне, Дега, Редоном (он особо близок), мистическим символизмом и французским романтизмом. С Моро, Грюнвальдом (!).

Мы видели французский «серебряный век», дендизм, эстетизм, почти сатанинский эзотеризм и внезапный взлет к Небесам. Тайна католицизма – губительная и требовательная красота.

Почти нет рая (кроме раннего и робкого немецкого Ренессанса), но есть мощь Креста.

2020
Париж

3.02.2020

Меня все больше притягивает Варлам Шаламов. Он близок потому, что не любит ничего механического, не выносит болтливости, он, уставший от осквернения языка, души, любви.

В рассказах Шаламова яркая антипсихологичность: высшее требование строгого феноменологического взгляда. Он – писатель «голой жизни». Ненавидит демагогию («Я не учитель»), не нуждается во внешнем, приближается к за-человеческому, включающему не только ангелов, но и весь животный, растительный мир.

«Жизнь – её невозможно определить».

«Человек живёт не потому, что он во что-то верит, на что-то надеется... Инстинкт жизни хранит его, как он хранит любое животное» (рассказ В. Шаламова «Серафим»).

«Берегитесь, когда приходится бороться за жизнь в самом себе, когда нервы подтянуты, воспалены, берегитесь обнажить сердце, свой ум с какой-то неожиданной стороны. На новую, непривычную борьбу сил может не хватить. Всякое самоубийство – результат двойного воздействия двух причин».

Вспомнила любимую «Кроткую» Достоевского. От «двух причин» умершую. Кроткая, т.е. «корот-

кая», без выхода к дерзости, мечте и надежде, живёт в узком пространстве исчезающего существования, в холодном, чужом, органически нестерпимом мире. Она говорит нелюбимому мужу: «Я думала, Вы меня оставите ТАК».

Но вот герой резко меняется, бросается перед ней на колени, захлебываясь, говорит о своей любви. Это произошло тогда, когда она тихонько запела, не замечая его.

И неожиданное признание в любви убивает её. Она не выносит ещё одного «испытания». Кончает самоубийством.

Похожее происходит в рассказе Шаламова «Серафим». Серафим долго жил инерцией «неопределённости», в привычной заброшенности, но не вынес, получив письмо от жены с окончательным известием, что она оставила его.

У Немзера: «Читать Варлама Шаламова страшно, не читать – стыдно, а обсуждать – стыдно втройне».

Опыт писателя, «великого мученика» запределен.

Бывают случаи, когда филологическая школа и литературный дар бессильны.

Цитаты из Шаламова:

«Что я видел и понял в лагере: чрезвычайную хрупкость человеческой культуры, цивилизации. Человек становится зверем через три недели – при тяжелой работе, холоде, голоде и побоях».

«Понял, почему человек живёт не надеждами – надежд никаких не бывает, не волей – какая там воля, а инстинктом, чувством самосохранения – тем же началом, что и дерево, камень, животное».

«Видел, что женщины порядочнее, самоотверженнее мужчин – на Колыме нет случаев, чтобы муж

приехал за женой. А жены приезжали, многие (Фаина Рабинович, жена Кривошея)».

«Мир надо делить не на хороших и плохих людей, а на трусов и не трусов. 95% трусов при слабой угрозе способны на всякие подлости, смертельные подлости».

Из статьи Юстыны Тыменецка-Суханек «Шаламов в контексте экоэтических проблем и поисков»:

Животные не способны к намеренной жестокости, они не в состоянии создавать ужасных условий жизни, подобных Колыме.

Тем, кому удалось пережить Холокост (Галина Биренбаум) или ГУЛАГ (Анастасия Цветаева, Наталья Столярова), отличает одна очень важная и объединяющая особенность – способность ценить жизнь и любить практически всякие проявления жизни, от мельчайшего насекомого до высокоорганизованных млекопитающих.

Шаламов говорил, что не верит в Бога. Но всё же он, сын священника, переживший ад безбожия, стал мучеником, т.е. свидетелем. (Значит, он верил в Бога, даже знал Его). Для Шаламова основной задачей жизни стало запоминание. Память для него была священна. «Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствие Твое». Когда во славу умерших поют: «вечная память», то поют о нахождении человека в руках Божьих. Рядом с Богом. В любви Божьей невозможно забвение. Ни человека, ни животного, ничего, сотворённого Любовью. И читать Шаламова – это впустить в себя торжественную серьёзность, подобающую священническому подходу к жизни. Нужно личное ощущение, захватывающее целиком.

8.02. 2020

Жуть и бессилие. Выскочила на болящих, непослушных ногах на улицу. Только что говорила с Питером по телефону. Бося уже два дня ничего не ест. Он понял, что меня нет. Это уже третий раз за 11 лет его горемычной жизни, что его бросают. Он же не знает, что я скоро вернусь!

Поразительно, что две наших полудиких кошки – черная и белая – легли рядом с ним. Бося не вылезает из рукава моего халата – Коты согреваются, утешают, облизывают. А еще вчера черный и дикий кот Буся коварно напал на слепого Босю. И Бося бросался на запах невидимого врага и лаял, лаял.

Наташа сообщила еще о Серее К-ве, что устроился дворником в зеленогорском санатории. Начальник санатория (узбек) приказал убивать всех оставленных – случайно и неслучайно – собак на территории санатория. Серее удалось спасти одну лаечку. Я сказала, чтобы ребята подали заявление в полицию.

Какие все же хорошие вокруг меня люди! И даже Серее... Теперь я никогда не буду против него...

Невыносимо больно обнаруживать, что Боси нет. Что не прижимается ко мне, не лижет под одеялом ноги, не улыбается, когда подходит, чтобы поцеловать в щеку. А как плохо ему – он оторван от «материнского» тепла и защиты.

Стараюсь не думать, не раскисать, но нет этого радостного комочка рядом, и меня тоже нет.

Татьяна К-ва говорит, что ночью я разговариваю с Босей. Это навсегда.

10.02.2020

Жизнь оживлена присутствием Татьяны К. Она радуется неутолимому стремлением понять, приобщиться. Лететь выше, бежать дальше. Люблю ее быстроту. Как у Жанны Д-Арк: «Действуй и Бог станет действовать!»

И провидение уже улыбается. Татьяна потревожила привычное болото переводчиков, заявив на их собрании, что «кроме московских авторов (Прилепина, Улицкой...)», есть и питерские. Ее попросили назвать «хоть одного». И она напомнила – Кривулина, Охупкина, Лену Шварц, Миронова... В этом парижском междусобойчике смелый и праведный жест.

11.02.2020

Радость! Цыплят мужского пола теперь не будут убивать! Во Франции спектрофотометром определяют по цвету яйца, кто заключен внутри: курица-наседка (яйцо темноватое) или будущий петушок (яйцо белое или желтоватое). Яйцо можно будет разбить заранее, не дожидаясь появления в нем живого существа.

И с конца 2021 года в магазинах будут продаваться только те курочки, чьи вылупившиеся братишки не были выброшены в огромную всепожирающую мясорубку.

14.02.2020

Каждое дерево и каждая травка участвуют в откровении. «Вся тварь стонет и мучится донныне...»

(рим. 8). Как пишет Феофан Затворник – творение переживает «муки рождения».

Бердяев (и я тоже) переживал муки сострадания, пассивность сострадания.

Но есть выход: сострадание должно быть лечением. (Для экокфеминисток важнейшее понятие «care».) Не должно быть и в области сострадания ничего негативного. Оно – как и любовь – всему верит, на все надеется.

Или у Серафима Саровского – обрети внутренний мир, и тысячи вокруг тебя спасутся.

Когда даешь голодному хлеб, не думаешь о себе. Нет никого дающего или принимающего. Есть лишь всеобщее разделение – лишь «поделиться с другим». А это уже рай. В раю – одно понимание, одно творчество.

Я думаю, что отставание русской мысли в области экологии – это просто недоразумение. Или это «задержка дыхания» перед мощным прыжком, перед ярким откровением и новым знанием о любви, о связи всего живого, о силе не-антропоцентризма.

Ведь даже иностранцам (особенно немцам) бросается в глаза способность русских со-переживать. Причем сопереживать активно и конкретно, на 100 %.

Пока не наступил антропоцен, способность сострадания была замечена у людей... но теперь, с усталостью человечества, она обретает свой действительный и настоящий масштаб.

Эти размышления пришли мне в голову при чтении Эрнста Юнгера. Он пишет: «Когда Шпенглер предостерегал от всякой войны с Россией из соображений пространства, он, как мы могли убедиться, был прав. Еще сомнительней каждое из таких нашествий становится по причинам метафизическим, поскольку приближается к одному из величайших носителей страдания, к титану, гению мученичества.

В его ауре, в сфере его вины делаешься сопричастником такой боли, которая далеко превосходит всякое воображение». Юнгер пишет о русских.

20.02.2020

Открыла «Philosophie». Там интервью с Pablo Servigne. Оно меня не только обрадовало, но и поразило – внутренний мир Пабло мне так близок.

«Наше дело» можно развивать и на Западе!

Отрекаюсь от своих горьких умозаключений по поводу западных экологов. Я-то думала, что все они позитивисты и материалисты, политизированные борцы за внешнюю власть.

Оказывается, нет!

Пабло 42 года. Коллапсологию они с Raphael Stevens изобрели уже в 2014 году. – Катастрофа уже случилась, и не надо спорить с различными климатоскептиками и «верующими в новые технологии». Мы уже живем после коллапса.

Вначале Пабло и Рафаэль убедились в лживости понятий «устойчивое развитие» и «допустимое ускорение», инструментализированных правящим лобби.

Концепция «коллапсологии» вошла в общественное сознание в 2018 году. До этого времени катастрофисты считались «кликушами» и маргиналами. «Мы нашли логои, делающие правдоподобными рассуждения о конце света... Наша книга "Comment tout peut s'effondrer" была издана серьезным издательством Seuil».

«В своих писаниях мы говорим не только о научных находках и констанциях. Главное для нас – знание внутреннее, творческое и художественное, психологическое и духовное. Мы хотим соединить внутренен-

нее и внешнее, подумать о коллективном действии, о политической борьбе».

Тут корреспондент «Philosophie» задает уже давно ставший провинциальным вопрос:

А не хотят ли Пабло и Рафаэль создать религиозную секту с особой миссией «спасти жизнь»?

И ответ Пабло ещё более потрясает:

«Во Франции трудно публично заявить хоть о какой-нибудь религиозности. В 1905 году произошло отделение государства от церкви. С тех пор духовность стала “частным делом”».

Пропасть столь велика, что мы должны сегодня спросить себя, каково место человека на этой земле, каково его отношение к природе и к смерти.

Наука не способна ответить на эти вопросы.

Как избавиться от агрессивного патриархата, от экстрактивизма, индустриализма и пр. «измов»? Решение может быть найдено только в соборном философском и духовном вопрошании. Больше нельзя довольствоваться «частными мнениями».

«Philosophie»:

Вы пишете, что нам не хватает взаимности, смирения, служения другому, что нужно соединить голову и сердце (учитывая и «тени» подсознания). Что нужно по крупицам собрать свет нашего опустошённого мира...

Все это сильно напоминает проповедь.

Пабло: Я думаю о нелюбимом во Франции Карле Юнге. Французы считают его эзотериком, предпочитая более «церебральных» Фрейда и Лакана.

Юнг говорит о «воине света», сражающемся с собственной тенью. Это здорово!

Нужно рисковать. Принять на себя риск «клише», риск «быть смешным».

И я готов к этому.

Я открыт внутренним испытаниям, готов быть искренним и аутентичным... но я всё же настаиваю на «мы», на коллективном опыте...

Все живое не терпит гигантских шагов, не любит ускорения. Мысль Ивана Ильича о контрпродуктивности больших ансамблей – великая мысль.

Гигантизм свойственен и капитализму, и коммунизму. Китай идёт тем же путём, что и весь западный капитализм.

Стоит подумать и о понятии «человечество». Мне неприятно думать о человечестве, потому что тут же возникает мысль о невыносимом превосходстве нашего вида над другими.

Есть трансцендентное. Наш европейский рационализм не позволяет нам приблизиться к святости. Пейзажи, птицы, а также будущее наших детей – все это тайна.

Все это свято (мысли Пабло).

2.03.2020

Готовлюсь к Великому Канону св. Андрея Критского.

В Париже дуют сильные ветры, идут беспощадные дожди. Бури, ураганы... Читаю в газете, что бурям во Франции стали давать название. Та, из-за которой остановлены поезда из Бретани в Париж, называется «Жорж». Так французы начинают замечать природу. Дать имя значит – вступить в личные отношения, испытать страх, уважение и, наконец (надеюсь!) благоговение перед стихией. В переводе на мистический язык – стихииалией.

3.03.2020

О свехушупчивости русской души.

Не понимаю: кругом одна печаль и никаких просветов. Жизнь исчезает, вернее, изгоняется бегами и людьми с большим успехом, и скоро не будет на земле ни животных, ни растений, ни рек, ни океанов. И все же перед этим скорым «концом света» душа почему-то стремится к жизни и радости. «Жизненный поток» (Бергсон) никуда не делся. Молодость и ориентация на будущее – это всегда было в моей спешащей и страстной натуре.

Но почему Господь дарит такой оптимизм? И он не только «греховен и суетен». В нем есть какая-то правда, хоть она и противоречит коллапсологии и всем нарастающим катастрофам.

Осмелюсь сказать: это софийное свойство души. Танцующая перед Господом и всегда веселящаяся Премудрость.

12.03.2020

День Рождения Боси.

Ему 12 лет. А он плачет по ночам, не дает спать ребятам, другие собаки не принимают его. Напи его открыто ненавидит и тайно презирает. Лара игнорирует. Бедное мое сокровище!

А я сижу в огромной очереди, в Эр Франс. Эпидемия расширяется. Отменили все прямые рейсы в Россию. Люди пытаются сдать или поменять билеты. В Питер предлагают лететь с ночной пересадкой в Амстердаме. Я такой полет не выдержу. Билет сдаю, деньги назад, естественно, не получаю. Милая женщина говорит мне, что скоро полеты будут возможны, и эти деньги я – как постоянный

клиент – потрачу на будущий рейс. Я, конечно, соглашаюсь.

А в воздухе тревога. Кипят страсти. Хорошо одетые и благопристойные мужчины кому-то угрожают, кому-то звонят. Искажённые лица, грубые жесты. Такой я давно не видела Францию.

12.03.2020

Сидя в очереди.

Читаю у отца Саввы Мажуко о «крестьянском благоговении».

Он с некоторым презрением пишет – как о низшем типе религиозности – о том, что крестьянин безграмотен и нелюбопытен. Он не спешит отыскать объективно-научные причины, объясняющие происходящее. Поэтому он везде видит «чудо», сверхъестественное.

Но я считаю, что крестьянин прав. И поскольку в русском православии выжили лишь крестьяне, мы и во времена советской власти (и сейчас) можем гордиться «детскостью» и простотой нашей веры (от Платонова до Шукшина и Мамлеева...). И опять вспоминаю Рильке. Его «Часослов» написан после путешествия в Россию.

«Denn du bist nicht der Schönumscharte...»

«Ты (Бог – Т.Г.) не окружен свитой и богатством. Ты – простака, который долго копил. Ты – бородатый крестьянин. Во веки веков».

«Археомодерн» – во всей его несуразности – наше спасение. Архаичное в русском коде почти не тронуто «церебральным». Оно глубинно и непобедимо. Его архаика сакральна (сакральность – как некий «фашизм» – изгнана из западного сознания).

А настоящая полнота мира тесно связана с открытием священного... Священное входит в самую структуру сознания. «На самых архаических уровнях культуры жить, как подобает человеку, – само по себе есть религиозное действо, потому что принятие пищи, половые отношения и труд имеют сакраментальную ценность. Другими словами, быть, а еще вернее, стать – человеком означает быть “религиозным”» (Мирча Элиаде).

15.03.2020

Объездила на полупустых автобусах пол-Парижа в поисках хоть какой-нибудь кафешки. Привыкла читать и писать в кафе. И поразила абсолютному послушанию парижан – всё было закрыто. Без единого исключения. Даже на вокзале Дю Норд (где я впервые в жизни попала в парижское кафе и поняла, что «навсегда останусь в этом городе») не было ничего подобного.

На половине лиц белые повязки, многие прикрываются шарфами, люди торопятся, сжатые и горбленные, как бы от всех отделённые.

Ну что же – Христос 40 дней провел в пустыне... Только Он был там со зверьем. Мне же остаются воспоминания и плач. Никакой поддержки. А из новостей по интернету – страшное убийство собак в Якутске.

16.03.2020

Проснулась, как всегда, рано. В 7-30 пошла в ближайший супермаркет «Юпер». Там наполовину пустые полки. За кассой Петима (?). Она из Чечни.

Рассказывает, что «раскупают огромными партиями». О французах говорит с презрением: «Берут шоколад. Не то, что наши. У нас ведь сразу исчезает с полок рис, раскупаются крупы...»

Паника, фобии – отчего? Так не к лицу празднику Парижа. И ясно, что люди боятся добровольно и охотно. Страх «любим», это последняя форма «эротики». А ведь этого желали многие: меньше потреблять, прекратить «круассанс» (рост производства и потребления).

Так вот Бог и подарил это – постарайтесь меньше покупать, меньше есть. Меньше убивать и лицемерить.

Первый человек Адам спрятался от Бога – ложь и лицемерие в самом начале человеческого бытия. Его сын Каин – первый охотник, убийца брата – построил города, изобрёл искусство, науку, технику. О-кайн-ное время никуда не делось – оно как никогда желанно «последнему человеку».

19.03.2020

Хмурые, в белых масках куда-то спешащие пешеходы, редкие машины... Парижа нет. Потеряла ласковую веселость, приветливость.

Посещают только супермаркеты (очереди!), и в «Монопри» пустуют целые полки. Мне все это напоминает... чуму.

Чума – «зачинатель» Нового Времени. Эпидемия, опустошившая половину Европы, обесценила и смерть, и жизнь, заставила бояться даже родных и близких, отделила тело от духа.

Этот бич Божий описан в книгах как главный страх в Европе (читай Жана Делюмо «Страх в Европе»). Страх заразиться мешает европейцам обни-

маться, целоваться, жить энергетикой тактильных контактов. И сегодня эта средневековая архаика выплыла наружу.

Слишком долго длилось время навязанного бесом капитализма гедонизма. Многих разбудил экологический кризис. Поэтому «властитель дум» – Финкелькро, Никола Юло... – засовестились: нужно бы отказаться хотя бы от мяса. Но и лучшие интеллектуалы не способны принести столь малую жертву. Не могут без мяса... Или Мишель Онфрэ: «Когда я думаю, я не ем мяса». Но думает он, увы, редко...

И вот коронавирус. Для русских и православных это время совпало с временем Поста, радостью перехода и жития в пустыне. С подражанием постившемуся Христу.

Хотя – признаюсь – я не чувствую, что пощусь. «Один в поле воин», я терзаема неврезами, бессонницей. Если бы я была сильнее верой! Если бы русские друзья были рядом! В России знают и любят Великий Пост. А здесь...

Сегодня я должна была бы улететь в Питер. Но все рейсы отменили. И страшно подумать, но началась она – безнадежная ссылка, изгнание, вторая эмиграция. Эту, вторую, мне уже не пережить. Господи, помоги!

31.03.2020

Од! Од де Керрос!

Мой первый друг! Несмотря на все запреты пощщать друг друга и даже выходить из дому, отходить (отъезжать) от дома на расстояние километра, она настояла, что приедет ко мне с продуктами, водой, вином и поможет во всем...

Она приехала, похожая на светлую, радостную фею, красиво вписалась в проем окна – а также светло-голубого неба. Она привезла большую сетку мандаринов и шесть бутылок минералки.

И все это по собственной инициативе. Я никогда не попросили бы Од «опуститься» до бытовых забот. Такие личности служат одним своим присутствием «целому миру». Но оказывается, не верна поговорка: не боги горшки обжигают... Именно боги преобразуют мир конкретно. Святой Дух ничего не боится и никого не презирает!

Мы говорили о трех днях до Воскресения. О том, как стусилась тьма и разорвалась занавеса в Иерусалимском храме. Тогда именно пришло откровение. И сейчас эта тьма дана для откровения...

Говорили о женщинах, которые шли за Христом. Какая смелость! Ведь отец девушки должен был согласиться и благословить, чтобы дочь пошла неизвестно с кем и неизвестно куда.

Понравился мне ее рассказ о дедушке (который был ей духовно близок). Он, мореплаватель, отправился на плоту (типа «Медузы») со своей командой бороздить океан, не взяв достаточно воды. Но зато было много спиртного. Все перепились, и в живых остался только ее бесшабашный дед. Что-то от такого сумасшествия есть и в Од.

2.04.2020

Дж. Агамбен выступает в Париже. Говорит очень верные вещи о «мессианском времени».

«Во время оно» – это не прошлое, это аорист и вечность, начало и конец... Так понимаем мы, православные, но, похоже, так же мыслит и Агамбен.

«Апокалиптическое время – не конец времён. Это – время конца». «Если ты раб, то будь как не раб». Нет разделения на компромиссное (прошрое) и радикальное (настоящее).

Церковь существует только в мессианском времени. А не в ддящемся, институциональном, триумфально – юридическом (конечно, это все сказано Агамбеном прежде всего о церкви католической).

Именно в ней гипертрофия права (римское наследие), которая «самим переизбытком законности свидетельствует об утрате всякой легитимности» (Агамбен).

Есть лишь одна правовая структура, не знающая конца – это ад. Модель совершенной политики, претендующая на безграничное экономическое управление миром, поистине inferнальна.

Мне подумалось в связи с этими высказываниями: в православии (особенно в старообрядчестве) никогда не исчезало мессианское измерение. Вспомнились мысли Владимира Карпеца:

И «время оно», и «несть конца», и «искони» – мысль в сослагательном наклонении, приставка «бы» всегда с позитивным смыслом – у русского Бога все возможно. Божественная свобода бесконечна.

Вот она – церковь. В ней вечность и момент совпадают.

4.04.2020

Близкий мне философ Чоран пишет, как однажды он отправился к прибрежному обрыву, чтобы покончить с собой.

Но за ним увязалась собака. Он ее гнал – она не уходила. Так он остался живым.

Чоран пишет, что людям «не хватает смелости ни жить, ни уйти из жизни. Вечно они на полдороге между прозябанием и небытием».

Чорана спасла безгрешная природа (как замечает философ Виктор Алымов). Перед лицом этой безгрешности и чистоты нужно развоплотиться, чтобы обрести себя. Истина – это самоумаление.

Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай! (Тютчев)

Мистика развоплощения должна сопровождаться мистикой воплощения. Так в христианстве. Надо облечься во Христа.

Настасья Мартен написала потрясающую книгу «*Croire aux fauves*». Настасья (ученица антрополога Филиппа Дескола) прожила с десятков лет на Камчатке и Аляске, обучаясь всем премудростям у местных собирателей-охотников.

Она стала известна и русскому миру. В 2015 г. на Камчатке на нее напал молодой медведь (которого она неожиданно «разбудила»). В результате – открытая черепно-мозговая травма, перелом челюсти, разорванное лицо. Еще долго не могла Настасья прийти в себя, восстановить свои способности.

Она рассказывает:

Анимисты (с которыми я общалась) думают, что достижение полноценного человеческого состояния связано с присвоением внешних сил и способностей. Именно это и является задачей охотников.

Охота – не просто добывание пищи. Пища – вторична. Главное – вступить в диалог с совершенно Другим. Соблазнить и понравиться другому. Подобное поведение вводит нас в опасную пороговую ситуацию. Охотник может потеряться, преследуя животное. Он сам становится жертвой. Он развопло-

щается и теряет собственную идентичность. И если охотник умирает во время охоты, это значит – он навсегда ушел в другой, нечеловеческий мир.

На Камчатке в племенах эвенков люди ночью получают знания: а утром они рассказывают друг другу, какими путями идут звери и как их локализовать. Сон изменяет жизнь человека, но нужно отличать сон от сна...

Невозможно слишком долго пребывать в «пороговой зоне». И все же человек – чтобы осуществить себя – должен почувствовать (хотя бы во сне), что он – не один. Его создает встреча.

Настасья Мартен! Экофеминизм гордится такими первооткрывательницами!

5.04.2020

Приехала Од. Многочасовой разговор.

Од рассказала, что недавно была конференция французских епископов, которые приняли «идеологию деконструкции» или «чистую апофатику». И епископы признали, что о Боге можно говорить только в «отрицательном модусе». Од, конечно, признает апофатику. Но книги ее («Sacré art contemporain») вызывают к катафатике (утраченной почти целиком также в результате «сокращения» литургии после Второго Ватиканского Собора).

И появилось «современное искусство» (АС).

Его теоретики сбрасывают Истину, Добро и Красоту с корабля современности. Эти высшие добродетели превратились в жалкие, бесплодные идеалы. «Идеал» – это нечто давно разоблаченное психоанализом и «самой жизнью». Истины нет. А есть только Реальность. Она (по Лакану) узнается как нечто предельно негативное, невыражаемое, мешающее.

СИ отказывается от совершенства и завершенности, оно вообще всегда незавершённо, оно мешает и требует объяснения. Дискурс в нем много важнее самого предмета искусства.

Од – смелый «борец с АС и защитница консервативных ценностей», сражается за Идеал, за Добро, Красоту и Истину, ибо Бог не умер, вечность даётся нам как откровение, как преображение мира. Произведение искусства воспитывает и питает человека, оно притягивает к себе годами, тысячелетиями. Классика всегда актуальна, всегда Живёт.

Красота – самооткровение Бога.

Од: у нас, как и у Вас в России, в 70-е годы тоже масса молодых людей обратилась к живому Богу. И художники, и поэты. Но этот феномен был абсолютно незамечен СМИ. И до сих пор все творят для себя и узкого круга друзей. Настоящие художники здесь не видимы.

Од: мой друг (переводчик Библии) Шираки говорил – со времен пророков евреи замолчали. Появилось представление о «слабом Боге» или о том, «что Богу нужно помочь». И наконец, в XVII–XVIII веках появилось представление о человеческом прогрессе.

Здесь я заметила, что только в иудаизме было однонаправленное, линейное время. Но Од возразила. Она считает, что прогресс есть и в христианстве: только после воплощения Бога стали возможны и современная наука, и освоение мира, и глобализация.

Много, вспоминая с особым наслаждением, говорили о Латинской Америке. Четыре года Од в юности жила в Эквадоре. Ей очень нравится латиноамериканское барокко. Как и мне, ей нравятся даже его тяжелые формы, даже изобилие золота.

Я рассказала, как была приглашена на празднование 500-летия христианства в Эквадоре. И посвящение страны Эквадор Божьей Матери – есть у католиков такой ритуал – сколько там естественной веры, тепла и чудес!

Од (о Европе): Уже 30 лет, как развелось множество людей, не видящих красоту. Люди, которые не могут слышать об Истине и Добре. Они, действительно, изначально первертированы и ничего не понимают. Извращенцев становится все больше, от них никуда не спрятаться.

Но все же Париж остается «мечтой» художников, поэтов, интеллектуалов.

Но – ковид. И неизвестно, когда в Париже опять «заработает» последний вторник месяца, когда самые разнообразные люди, объединенные верностью Высокому и преданностью Красоте, поспешат на квартиру к Од де Керрос, где их объединит творческий и редкий разговор, где они увидят, что не одиноки.

6.04.2020

Вирус мешает дышать. Но зато дышит земля!

Лисы гуляют по улицам Парижа, горные козлы замечены в английских городах.

Ночью какие-то безумцы с дикими криками бегают по пустым улицам Парижа. Они бегают быстро-быстро и кажутся воплощением самого вируса, быстрого и коварного.

Глобализация... неизбежное явление. Даже христианское по своим истокам. Но сегодня – это антихристианская атомизация всего и всех, разрыв живых и общественных связей. Глобалисты стараются

окончательно разобщить людей, чтобы затем вновь соединить в виртуальном пространстве, полностью подвластном их тотальному контролю.

Начался XXI век. Очень умело, с неопишуемой быстротой и согласованностью, цинизмом и изяществом установился «новый карантинный режим». И как быстро все на Западе подчинилось! Где они гордые, свободолюбивые французы? Кажется, всем очень нравится «дистанционное» общение, виртуальное «присутствие».

Вирус – справедливый, жесткий ответ Живого. Вирус опережает. Потерявшее остатки «нюха» и разума «бесстыдное человечество» (Леви-Стросс) заполнило своими отходами все океаны и суши планеты. Теперь конец гигантоманиям. Вирус хитрее нас. Он мутирует. Мы, очевидно, обречены жить с вирусом. Вместо вопроса: где я? сегодня важен вопрос: кто я?

Бруно Латур (самый влиятельный и читаемый французский мыслитель) пишет: «Мы более не в бесконечном пространстве. Нужно выползть из космических фантазий и “приземляться”. Как герой Кафки, я, проснувшись сегодня утром, увидел, что я – жук. Но у нас нет метаболизма жука, чтобы понять новую ситуацию. Вирус раньше нас на этой земле. Он здесь – у себя. Мы живем в нем и благодаря ему. Мы раньше думали, что мы в бесконечности универсума, но мы – в вирусах».

Пастер заговорил о микробах (актерах!). Вирус сегодня как микроб. Он не объект, он актер, живой и умный. Мы же в данный момент – экспериментальное поле для вируса. Как мы живем с микробами, так мы должны жить с вирусами.

7.04.2020

Друзья пишут мне то, о чем и я постоянно думаю:

Ениса Успенская (из Белграда):

«Слушала одного биолога. Он говорил, что коронавирус “перепрыгнул” с маленьких животных, которых держали в страшных условиях (например, в переполненных клетках на “мокром рынке” Хуананя), и которых потом свирепо убивали... Вирус возник у них из-за большого стресса...»

Кристиан Ратнер (из Вены):

«Катастрофа с вирусом – теперь это ясно для всех – это расплата человечеству за нечеловечески жестокое обращение с природой и животными.

Твои размышления о животных как о творениях Божьих фундаментальны для будущего планеты.

Мы, люди, должны, наконец, понять, что мы конечны, что мы уязвимы и смертны. Мы должны научиться жить в гармонии со всеми, а не в войне против всех».

И письмо из Германии – Marko Rogasnik – от «Via Mundi»:

«Виновники кризиса – малейшие существа. Семейство микробов и вирусов – самое древнее. Ему миллиарды лет. Оно воплощает собой “мудрость земли”. Что говорит земля? – Что ей лучше без человека. Поэтому нужно возродить практики и ритуалы, посвященные земле».

Мы – гробы повапленные. Нам нет никакого оправдания. Вирус – последнее предупреждение Бога миру. Хотя кажется, что в будущем нас ждут еще более страшные испытания. Поскольку мы, какие мы есть – не прекратим мучить животных (слишком медленно просыпается в человеке совесть), бу-

дем держать зверей в узких клетках, заполненных экскрементами, запихивать в них тонны антибиотиков... НО – сопротивление Жизни будет расти. Скоро коронавирус и пр. пандемии покажутся нам «ягодками».

5.05.2020

С утра иду на единственную скамейку рядом с кафе «Ренессанс». (Китайцы раздают через окошечко кофе). Там кормлю голубей. Покупаю для них чечевицу. Первым прилетает почти белый. Большой и разговорчивый. Смотрит острым глазком, а иногда и на колени (на газету, книгу) прыгнет... Требует. Я назвала его Мартином. Он, видно, имел дело с людьми. У него больные ноги. Или то, что осталось от ног: одна – палочка с коготком, а правая кончается буграми и наростами, переходящими друг в друга. Среди волдырей – железная нить – кто-то, очевидно, ловил его. Вслед за Мартином прилетают темные, с изумрудными шейками. Передвигаются бойко, хотя у всех поранены или почти отсутствуют ножки.

Наклоняясь за зернышком, каждый из голубей творит молитву по умершим (так в нашей традиции, это завещали и преп. Серафим и отец Николай с Залита). Иногда они молятся и о живущих. Но молятся уже по-другому. Вспомнилось «кривулинское»: «И любая звучащая нота птичьей оденется рванью», «Двор больных голубей» – это о нашем с ним житии-бытии.

Опять я привязалась сердцем, опять мне грозят муки сострадания. Но что поделаешь. Видно, умереть мне вместе со всей исчезающей тварью.

6.05.2020

Святой Георгий.

Мой день, наш день. В этот день умер папа. Святой Георгий – это «слава» и семьи Раков (Павле Рака). «Нищих заступниче». Заступниче и скота. Помню и особо люблю икону в монастыре Старой Ладogi. Там светлый и стремительный воин НЕ убивает копьём змея.

7.05.2020

Трамп (которого здесь так любят мои консервативно-католические друзья) приказал производителям мяса продолжить свое дело.

При этом 20 скотобоен закрыли из-за карантина. Последствия?

Массовая резня миллионов животных.

7.05.2020

Читаю Андрея Платонова «Сокровенный человек».

Хочется переписать и выучить наизусть весь рассказ. Выписываю кое-что:

«Пасхальная заутреня – опасное чудо».

«Природа, брат, погуще человека».

«В каждом человеке есть обольщение собственной жизнью, и поэтому каждый день для него – сотворение мира».

«Как можно среди людей учредить Интернационал, раз родина – сердечное дело и не вся земля».

«В религию люди привыкли сердце помещать, а в революции такого места нет».

«Пухов думал о тоскливой жизни этого ветра и жалел его».

«Хотелось соскочить из поезда, потрогать ногами землю и полежать на ней».

«Что такое природа? Добро для бедных людей».

«Я – природный дурак».

8.05.2020

Словно под парализующим взглядом Медузы Горгоны застыло в алгоритме цифровой глобализации всё «человечество». И каждый, тем не менее, чудовищно одинок.

Надо всем этим тюремным однообразием будет возвышаться темная «духовность», оккультно-мистическая надстройка: единая синкретическая религия Антихриста.

Под взглядом цифровой Медузы я ищу свое «дикое детство» (Рильке), столь правильное, столь выбираемое из меня.

17.05.2020

Животные – самая нежная часть нашего мира. Чувствительностью животные превосходят все другие формы жизни, включая человека. Человек защищен от реального брони цивилизации. В незащищенных животных запрятано сокровенное жизни. Поэтому: кто метит в животное, попадает в тайное человека, в святость жизни как таковой.

Животное – это не сила, господствующая над миром. Ему поклоняемся как жертве, в которой человек угадывает свою собственную участь.

30.05.2020

Бакунин, которого все чаще здесь (тоскуя по анархизму) почитываю, пишет о немецких революционерах: «слабы, мелки, не масштабны». Французы немного живее.

Но все, абсолютно все восстания в Западной Европе имеют материалистическую подоплеку. Нет высоких идеалов (кроме обычного национализма поляков и прикормленных Австрией (Инсбрук) чехов).

То же я наблюдала до ковида и в Париже. Почти два года bravо выступали ЖЖ («желтые жилеты»). Но ведь и их революция, и их требования были глубоко материалистическими, денежными, мещанскими.

В последние десятилетия у французов повсюду слышны разговоры о «pouvoir d'achat» («Повысить покупательную способность!» – всерьёз кричали в кафе даже молчаливые утренние пьяницы).

Но куда в одночасье исчезли все революционеры? Все возбуждение и бравада?

Пустые и депрессивные бульвары Парижа. Тревожная тишина. Та, что кричит.

Афонский монах Евфимий: «Всё происходящее – тест на покорность, чтобы манипулировать людьми, как хотят».

Осуществляется Великий Инквизитор. Человек обожает рабство.

20.05.2020

Сижу на террасе китайского «Ренессанса», – открыли террасы кафе! Читаю книгу «Реванш природы». Вдруг что-то упало прямо под мой столик

из-под красного навеса. Голубок (дней 10?), с распластанными крыльями, озирается в испуге.

«Ты должен изменить свою жизнь!» Стих Рильке ударил в голову. И испуг: как я с ним уеду в Россию (я каждодневно, каждосекундно жду прямых рейсов в Петербург).

Но руки делали: бережно подняла комочек с желтыми, серыми, черными пятнышками.

Вот он сидит на моем столе. Взъерошенный клубочек, головка втянута, ножки (4 цепких коготка) с трудом держат эту красоту. Взгляд спокойный, разумный. Позвонила Беатрис. Приехала. Привезла печенье и яички. Шприцом, насильно завернув в полотенце, покормили Мартину. Беа сказала, что это, наверно, девочка. А меня все время тянет всех их называть Мартинами. (Все думаю и молюсь о Мартине Хайдеггере). Голуби – вестники с того света.

Беа совсем не похожа на ту Беатрис, которую знаю – безразличную к мелочам жизни. Она долго и тщательно все промывает, рассчитывает.

В ее жизни голуби присутствуют уже несколько десятков лет. Она ходит, окруженная облаком (тучей!) прирученных птиц. Ее большая библиотека уже полностью отдана голубям – хроникам, инвалидам. Когда-то Беа путешествовала, была легкой на подъем, а теперь прикована к этому месту. И счастлива, хоть так трудно до сих пор вставать в 5 часов утра, спускаться с мешком зерна с шестого этажа (без лифта), кормить ждущих голубей. Почему так рано? Чтобы не видели люди. Во Франции кормление голубей наказывается штрафом – 400 евро.

19.06.2020

Эмиль Дюркгейм много справедливого написал о тотемизме. Тотемизм – это принятие племенем

родства с каким-нибудь животным. Дистанцирование человека от животного объясняется грехом человека. Отсюда многие ритуальные запреты: убийство или поедание животного. Но тотемное животное часто поедают, и тогда ритуалами пытаются «замолить» грех.

Тотемное животное или растение репрезентируют социальное единство.

В центре Африки тотемным животным часто был панголин. Племя Леле верило, что панголины исцеляют (если его убить). Панголин как «пограничное существо» маргинален. Не подходит под описание ни одной из звериных категорий. У него как у рыбы – чешуя. Но он ползёт по дереву. Панголин рождает только одного ребёнка. Кормит его, вылупившегося из яйца, молоком. Но поэтому панголин и является посредником между мирами.

В той степени, в которой культура находит строгие и точные определения, она табуирует скользкие, неясные «смешанные формы». Это «нечисто», это угрожает. Табу одновременно и источник страха, и источник восхищения.

Панголин не случайно стал самой частой добычей браконьеров в Африке. А теперь его заподозрили (и это серьезные предположения) в том, что это он перенес коронавирус от летучих мышей на человека. (Сами летучие мыши не способны заразить людей). И случилось это на «мокром рынке» в китайском Хуанане, где собаки, крысы, крабы, змеи, панголины, рыбы... медленно умирают в переполненных клетках. Частенько их тут же едят живьём.

Китайцы обещали закрыть все подобные рынки. Но кто их знает... Да и кто сможет проследить. Китай творит, что хочет.

25.06.2020

Мартин (а?) не по дням, а по часам становится активным, требовательным, привязчивым подростком. С первого же дня он понял, что главное – нос и рот. Как альпинист, залезает по одеялу на высоту моего лица (я часто в постели), кусает в нос, а то и в губы. Вчера уже на 50 процентов научился кушать не из шприца, а из ложки. И тихонечко, голубино так разговаривает.

А как красиво распрямляет крылышки и, как балерина, оттягивает ножку назад. Сколько отваги, робости, радости в этих первых полётах: со стола летит ко мне на колени. Потом поднимается к лицу.

Моё единственное платье отмечено – так пометом Мартин обозначил завоевание моего плеча.

Вчера был Кристоф. Посмотрел на Мартина. Сказал, что он похож на любимую всеми нами птицу Додо. Нелетающая птица Додо, маврикийский дронг. Первое документальное упоминание о дронге (родственник голубя) сделали голландские мореплаватели в 1598 году. С появлением человека птица сделалась лёгкой добычей голодных моряков и их домашних животных.

Это – птица-символ. С ее исчезновением впервые громко заговорили об исчезновении животных и причастности к этому человека.

4.07.2020

Позавчера были Кирилл Сологуб и Андрей Строцев.

Кирилл возглавляет наше РСХД. И он мне понравился. Вдруг вспомнился его прадед (которого никогда, впрочем, не видела) Борис Зайцев.

Кирилл узнал о моем существовании по комиксам. Оказывается, еще 35 лет тому назад для французских детей были нарисованы комиксы и про Попреша, и про Огородникова, и про меня. Про наши полуподпольные христианские семинары. Я помню, что Миша Сологуб (дядя Кирилла) мне что-то об этом говорил, но для меня в те далекие времена это показалось шуткой... А сегодня я не удивляюсь ничему.

На рассказ Кирилла ответила: «Комично мы выглядели. Это правда».

У Кирилла глаза полны доброты, печали и какой-то потаённой надежды. Там живёт и русская тишина, и русская пустыня.

Понравилась его забота о движении, о молодых людях. Он: «Мы, к сожалению, потеряли Мишу Евдокимова». (Сын подвижника Кирилла Евдокимова – почему-то отошел от христианства, читаю его далёкие от религии статьи в «Philosophie»).

6.07.2020

Глория! Аллилуя!

Сегодня причащалась в церкви св. Иоанна в Медоне. В прошлом это был католический приход Жанны Д'Арк. Служил отец Михаил Эвельсон (он из Бреста). Служба «по Шмеману». Живое ощущение, что все нуждаются друг в друге, не только молятся «для себя», но и заботятся о самочувствии других. Здесь и сейчас.

Хоть Шмеман мне и чужд (слишком «западный», теплохладный), но с его идеями по поводу Евхаристии и Литургии я согласна. (Только все же думаю, что литургия – это мистерия, а не просто «керигма». И мистерия – это не просто и не только «язычество»)

Главное ожидало после службы:

Знакомство с Татьяной (ур. Лопухиной), женой Кирилла (внимательная, умная, поющая...), с Антоном, ученым физиком-химиком из Харькова, с Сашей Большедворовым из Питера, Юстиной Пановой из Чебоксар. Все они, кажется, закончили Сьянс По. Это «мозги», интеллектуально одарённые, многогранно образованные и талантливые, поющие и занимающие даже руководящие роли (Юстина) в церкви.

Сидели за длинным столом у Сологубов, ели что-то вегетарианское и отмечали... Андрей С. напомнил, что исполнилось 40 лет моей «самолетной высылки» из России. В следующем году будем отмечать 100-летие «философского парохода», а теперь вот – сорок лет тому назад – 20 июля – выслали трех «феминисток» в философском самолете. Все дружно (и не раз) подняли бокалы!

Я несколько лет уже не виделась с «русской эмиграцией» в Париже. Была слишком занята Россией. Да и после смерти Оливье Клемана всё в Париже мне казалось заурядным, семейственным, похожим на секту.

И вот эта встреча. Я изменила свое мнение. Молодые люди – на 30-40 лет моложе меня – но те же проблемы, те же мысли и то же «коллективное подсознательное» (по Юнгу).

Кирилл привез меня в Кламар на машине, и у него хватило сил отвезти меня на машине домой. (Хоть я и хотела взять такси).

Он оставил ощущение родного, верного человека. Помню его бабушку – Наталью Борисовну Зайцеву: с какой горячей любовью она и её муж помогали тогда закрытой железным занавесом России...

И в Кирилле есть глубокая духовная чуткость, уравновешенность при сильных и даже очень силь-

ных переживаниях, отцовская, мужская, царская и искренняя ответственность за всех «кого приручил», любовь и забота о церкви. На нем и Татьяне держится весь этот чудесный молодой приход.

13.07.2020

Читаю все о голубях. Хорошо, что есть эко-феминизм. Он меня привлекает (а феминизм скорее надоел и даже отталкивает).

В вавилонском мифе Иштар выпорхнула из яйца в виде голубки. Золотой голубь часто восседает на голове Астарты.

Рыба и голубь – в раннем христианстве – символы Христа.

С голубем часто сравнивают и св. Иоанна Крестителя, которого называют «пустыннолюбивая горлица».

16.07.2020

Прошло три недели со дня того дивного явления на мою голову Мартина (-ны).

Настоящие, смертно крепкие отношения у меня с голубкой. Она (он) норовит сидеть у меня на плече, голове, на коленях. Покусывает пальцы (на руках и ногах). Утром требовательно кричит – ее кормление (а она до сих пор сама не ест) – это борьба с ней. Держать маленькое тельце нужно крепко, прижимая крылья к тельцу. Открывая при этом упрямый клюв, впихивая кусочки печенья, хлеба, желтка в глубину «глотки», ибо она не способна взять их острым кончиком клюва... И восторг после проглатывания, и требование «ещё, ещё!».

Ей уже 5 недель. А вот не собирается никуда улетать, хоть голос предков и родственников слышит через окно.

А я всё вздрагиваю: Что делать? Как лететь в Россию? (Всё живу одним желанием – в Россию! туда!)

Да и вообще – полный «раздрай». В комнате кругом крошки и помет, чем-то сильно пахнет. И раньше через душ чем-то из канализации несло, а теперь... еще какая-то субстанция в воздухе. Большинство из входящих сюда поморщатся, осудят, не захотят и входить.

17.07.2020

Я один, но я извлеку из этого всю пользу, чтобы защитить свою планету. («Маленький принц»).

Конечность человеческого открыта в последние 50 лет. Особенно после полетов в космос наша земля показалась маленькой, прекрасной и хрупкой.

Человек открыл и свою хрупкость.

С одной стороны, наступило время роботов. Богов Силиконовой долины, Компьютеров, которые, подобно гегелевской системе, «совершенны», заключают в себе всю полноту бытия и небытия, абсолютно абсолютны.

С другой стороны, вышло на свет «изгнанное и вытесненное» – наступило время новой архаики. Нового тотемизма.

Обнаружилось Животное.

Оно (в повсеместном интенсивном, индустриальном выращивании и убиении) обличает принцип сатанинской, падшей цивилизации.

Принцип этот называется «голая жизнь», он описан Шаламовым и многими другими, пережившими ГУЛАГ, концлагеря, Освенцим. Он осуждён

в применении к человеку. Но животному по-прежнему оставлены только боль и страх. Его короткая мучительная жизнь – по воле человека – однажды обрывается ещё более мучительной смертью.

Но всегда запаздывающая наука открывает в последние десятилетия, что животное наделено необычайными когнитивными, экстрасенсорными, нравственными, эстетическими, мистическими качествами.

И «иконы» бизонов, быков, львов, оленей в древнейших пещерах Шове-Ардеша кажутся нам сверхсовременными, правдивыми и прекрасными. Им невольно поклоняется замирающее в изумлении человечество.

16.07.2020

Ахиллес никогда не догонит черепаху. Или: Ахиллес перегонит черепаху. Но горе в том, что они не встретятся. Как летящая стрела не совпадает сама с собой, всё время пребывая в одной и той же точке.

Так и жизнь в эмиграции (её холод неописуем).

У меня вроде бы есть интересные знакомые. У меня хорошие (но и случайные) отношения с Од де Керрос, солнечные и живые отношения с православной русской молодежью (Саша Б., Юстина К.), долгая и настоящая дружба с Беатрис, интеллектуальные разговоры-праздники с Кристофом...

Но все эти линии не соединяются. Не сливаются в луч судьбы. Они не рожают новых чувств, не позволяют творчески мыслить.

В.В. Колесов писал, что в русском слове «думать» есть коллективное, соборное содержание. «Д» – это

некий архаический префикс. Получается, что в эмиграции мне плохо думается...

Всё отдельно. Как в музее. Расставлено по разным эпохам и школам.

7.08.2020

В 7 час 30 мин ушёл ко Господу последний из «великих» первой эмиграции – отец Борис Бобринский.

Я любила его как священника, восхищалась его масштабом и ответственностью за вверенных ему чад (и здесь, и в России). Как раз, в год моего прибытия в Париж – 1980 – отец Борис (вместе с Поздеевыми) начинал радио «Голос православия». Это первое радио, которое должно было вещать в Россию. Вокруг были помощники: Сологубы, монахини из Бюсси, Кирилл Ельчанинов, Оливье Клеман, Лосские).

Отец Борис взял на себя самое-самое – он собрал деньги. Сначала вещали из Швейцарии, потом была точка в Африке.

А мы с Клеманом делали цикл передач «Православие и культура». Были диалоги – я говорила по-русски, Оливье по-французски.

Самое незабываемое для меня выступление отца Бориса – как нравственное может быть прекрасным! – я слышала на Всеправославном Соборе, где я выступала и рассказывала (на своем ужасном французском) о положении в России.

Рассказывала, что частенько собственные родители сажали нас в психушки, потому что не понимали, как мы стали христианами.

Когда настало время вопросов и реплик, поднялся отец Борис. В большом, переполненном зале он, волнуясь, сказал: «Мы еще хуже Ваших родите-

лей. Простите нас, что мы, живя здесь в свободе и благополучии, не думали о вас, родившихся в СССР, ничем не помогли Вам».

Он был высоченный, и когда в чёрных ризах поднимал руки, то походил на мудрую сказочную птицу, таинственную и прекрасную.

Отец Борис служил на рю Дарю в нижнем, французско-язычном храме. Мы же, русские эмигранты (в том числе и Третьей Волны) молились наверху.

После литургии был «чай» в соседнем домике. Там собирався самый разночинный народ. Была одна «простая советская» женщина П., которая особенно страдала от того, что «эмигрировала».

Она нападала на всех «предателей-диссидентов», лезла буквально в драку со мной, с Наташей Г-ой...

Обычное эмигрантское дело: больше трёх человек нельзя собрать вместе.

Но вот в «чайную» входил отец Борис и одним своим явлением вносил спокойствие и доброту.

Он, обнимая П., говорил ей что-то, он был «всеми для всех». И царственным, и естественным.

Никто из нас (Третьей эмиграции) даже и не знал, что отец Борис «царь» даже в прямом, историческом смысле слова. Он – пра-пра...внук Екатерины Второй и графа Григория Орлова. Они стали называться Бобринскими. Последнее, данное мне благословение отца Бориса:

Помните, Таня, – блаженны миротворцы!

И я помню.

14.08.2020

В 6 часов утра проводила улетающего в Люблянну Павле, и когда вернулась в комнату, то Мартину не нашла.

Окно наше всегда открыто – тем более жара – 30 гр. Вот голубок мой и улетел.

Мартина уже вторую ночь провела в старинной вязаной клетке, мы готовили ее к жизни в этой клетке у Беатрис – где больные голуби-хроники могли ее обидеть, – Мы ждали открытия границ... И немедленного нашего «прыжка» в Россию. Как оформлять голубя на самолет? Наверняка, найдут массу болезней или еще чего... И Кристофа нет в Париже.

А ей, такой нежной и привязчивой, было ночью невыносимо плохо. Она билась-билась о прутья «панье», но потом затихала. И вот ее ответ мне – страшный и справедливый.

Вчера вечером мы были в «Давид 18», провожали Павле. А Мартина пристроилась спать у моей подушки (что-то из полотенца для себя соорудила). Пришли мы в 21, я Мартину посадила в панье.

И вот. Под пение «В Рождестве девство сохранила еси...» я оглянулась и Мартину не увидела.

Несколько раз крикнула «мартин», но ко мне никто не прилетел. Стучала пальцами: «гули-гули», сыпала зернышки... все напрасно. Она улетела молча, в окно, не испугавшись шестого этажа. Она просто отрубилась ненужные связи с тупыми людьми, которые ничему не учат, ничего не понимают. А Мартина разговаривала головкой, черным, с обводкой, глазиком, слегка дрожащим крылышком. На правом у нее была белая «галочка» ослепительной белизны. Я думала, что по этой галочке всегда ее узнаю... Мартина была маленькой, черно-серенькой, без изумрудной сверкающей шейки.

Она стремилась с любовью и невероятной страстностью «влезть» в наши души. Ходила по моему телу. Направление – голова. Перебирала волосы, нежно и старательно. Путешествуя по полу, находила веточки, спички, всякую мелочь и приносила мне

в клюве – то была для меня весть о скором «спасении», и я радовалась подобно Нюю.

Любила ходить по столу, сувалась под руку.

Она оставалась слабенькой, хоть и корм был отличный, и витамины.

За нами летела в уборную. Там, подобно собаке, ждала нашего выхода и сопровождала – то полетом, то бегом – обратно. Летать ее учили в коридоре – она изо всех сил махала редкими, но затейливо узорчатыми крылышками.

Не восхищала Мартина не сановитостью, не горделивостью. Но в ее незащитном профиле было само совершенство.

И любовь ее была совершенной. Ведь мы забываем, что птицы на миллионы лет старше нас. Как умны, как совершенны были динозавры.

Птицы – от них.

17.08.2020

«Назад к тотемизму!» – нет – лучше: «Вперёд к тотемизму».

Разговор с Кристофом о пещере Шове. Кристоф, этот эстет и знаток живописи, говорил, что ему больше всего по душе изображения совсем древние (которым 37 тыс. лет). Тогда ещё не было «искусства», а была партиципация, «магия», сотворение и переживание мифа. Из мифа уже исходил ритуал и всяческая религиозная (а потом и «культурная») жизнь.

А в древнейших пещерах Кристоф (и другие умеющие говорить с животными) чувствует себя, как в чреве Великой Матери. Конечно, в пещеру Шове пока не пускают, но Кристоф воссоздает ее недра в воображении.

Пикассо когда-то был сражен альтамирскими быками (15 тыс. лет). Что сделалось бы с ним, если бы он увидел львов и медведей в Шове!

Древнейшее искусство было самым совершенным! Оно мгновенно – как чудо – возникло и быстро исчезло.

5.09.2020

Западу никогда не понять наше юродство. Может быть, мы и сами заблудились в нем? «Затерялась Русь в Мордве и Чуди. Нипочём ей страх...». Это Есенин о «людях в кандалах».

О собутыльниках: «Веселые, злые взоры». «Бешабашность им гнилью дана. Ты, Рассея моя... Рас... сея... Азиатская сторона!»

Бесстрашие от гнили (пагубной, хтонической, бездонной) – от Ungrund, от застывшего ужаса.

И одновременно:

«Много зла от радости в убийцах». Зло от переизбытка радости и жизни. По слову Господа: «Дам вам жизнь и жизнь с избытком».

За всем этим Юра Мамлеев. Он ценил гниль и плесень (в них зарождается жизнь). Он любил своих монструозных персонажей. Видел и чувствовал их весёлыми, трансгрессирующими.

У Юры любимый писатель – Достоевский. Свидетель и житель ада.

Так и у Рогожина (и у Настасьи Филипповны, ада победительницы). Рогожин – не от мира сего. Он враг благополучного и трусливого «здорового смысла». Но он противостоит ему не поверхностно, не как «обиженный судьбой» инфантильный Ипполит.

«Рогожин горько и желчно ослабился и медленно произнёс странные слова: – Не так этот предмет надо обдeldывать, парень, не так...» («Идиот»).

У Рогожина строгое, огненное служение Настасье Филипповне. Здесь «бездна бездну призывает». И в начале всего горечь и ужас.

14.09.2020

Страшный день. Это я о 9 сентября. Только сейчас – через пять дней – перестало болеть сердце и отхлынула паника (маниакальный страх).

А было так.

Сидели с Од уже не в моей каморке, а в ближайшем милом ресторане «Давид 18». Рестораны открылись!

Од была возбуждена, как-то особо возбуждена.

Она говорила много и «с удовольствием». Так разговаривают, слегка обучая, с пятилетними детьми.

Обсуждали недавно возникшего «фаната» Од – некоего азера «Вугара», миллионера-олигарха, обладателя меховыми фермами. Мы его назвали «Снежным королем». Раньше он предлагал Од любые деньги на издание ее книги. Теперь оказывается, что он по-французски (!?) прочел труд (в 800 стр.) о Софии и обратился в православие...

Свежая легенда окончательно убедила меня в том, что КГБ неплохо работает и знает, что кому надо...

Украшенный такими «добродетелями» Исаев (псевдоним живодера) обижен, что не получает ответа от друзей Горичевой из Ст.-Петербурга. Не берут там его миллионы.

Я попыталась открыть рот: «Сотни тысяч животных живут в страшных условиях на этих фермах, а потом с них – часто еще живых – сдирают кожу. Клетки узкие, переполнены экскрементами, кормят плохо...»

Но Од ничего не хотела слушать... Ее умилил Исаев. Она, красноречиво и с пафосом, рассказывала мне, что сегодня существует французская аристократия, она собирается в замках (ее обслуживают тысячи слуг – таким образом решена проблема безработицы). И эти крестьяне счастливы ухаживать за собравшимися охотниками, а для охоты они отдают даже своих домашних животных.

Так во Франции никогда не умрет «священная традиция охоты».

С гордостью обобщила Од.

Человек – царь природы!

Даже цветок, сорванный в лесу, тянется к пирующим, как бы говорит – как я счастлив, что украшаю этот прекрасный стол....

Я тут же вспомнила, что томисты преподают в семинариях: у горного козла закрученные рога для того, чтобы на них висели шляпа или трость.

Только во Франции разрешена «грязная» охота, запрещенная уже по всей Европе.

Я – с моим робким французским – не смогла ничего сказать. Хотя и так все было ясно. Од – как и многие другие «богатые» консервативные католики – не любит и презирает животных. Таких встреч в моей жизни было немало.

Но я же люблю Од... Мне горько, что теперь люблю меньше.

15.09.2020

В Париже почти «военное положение». С 21 вечера до 6 утра нельзя выходить на улицу.

Возродится ли когда-нибудь праздничный Париж?

В это уже не верится.

А я, несмотря на злобные и возмущенные возгласы прохожих: «Голубей запрещено кормить!», каждый день кормлю в разных местечках моих друзей и братишек, они откликаются на имена: Вилли, Макс, Хайнрих, Берта... Садятся мне на плечи...

И каждый раз ищу глазами скромную черненькую голубку с белой «галочкой» справа.

Хожу, как безумная Грета, по пустынным улицам и кричу: Мартина, Мартина! Где ты?

2021
Париж

10.01.2021

«Где приземлиться?»

Бруно Латур, наверно, самый значительный и влиятельный мыслитель в Европе.

Построить капиталистический мир, в котором более или менее сносно могли бы жить 7 миллиардов человек, невозможно. Нужно найти землю, о которой мы забыли, увлекшись «завоеванием космоса». Но гордыня человека Нового времени («которого не было» – Бруно Латур) посрамлена. Полеты в космос стали бессмысленными, разрушительными, токсичными. Новый климатический режим – вот цель человечества. Мы должны соединиться с матерью землей, которая окончательно ушла у нас из-под ног в эпоху глобализации.

Гея – альтернатива «природе». Она – не «земной шар», не объект галилеевской механики. Гея не глобальна, она гетерогенна. Она сделана из малюсеньких кусочков, каждый из них имеет свою историю.

Мы привыкли рассуждать об «окружающей среде», которая «сделана» человеком. На самом же деле нужно говорить об организмах, делающих эту среду. Это акторно-сетевая теория. Это кожа земли. Взаимодействие людей, почвы, всего живого и есть Земля, которую мы знаем. У неё есть величие. Но нет центра. Гея похожа на кашу.

Латур цитирует Николая Кузанского, в философии которого центр и периферия совпадают.

«Эволюционисты рисуют медленное движение вперед от обезьяны к человеку по шкале возрастающей комплексности. Мы же, напротив, спускаемся от обезьяны к человеку, от высокой комплексности к высокой сложности. Во всех отношениях наша социальная жизнь кажется менее комплексной, чем у бабуина, но почти всегда более сложной».

Какой удар по антропоцентризму! И уж совсем поразительны мысли, посвященные бактериям и вирусам:

«Человечество должно стать на колени перед Ковидом. Вирус раньше нас на этой земле. Он – у себя. Мы живем в нем и благодаря ему». И Латур даёт «обратную перспективу» жизни, которая отнимает у человека остатки гордости и самомнения:

«Сражаться против вируса – это сражаться против себя самого. Мы думаем, что мы в бесконечном универсуме, но мы в вирусах». «Пастер говорил о микробах (актерах!). Вирус сегодня занял место микроба. Вирус становится все умнее и умнее. И мы – поле эксперимента для вируса. Ковид – урок человечеству. Вирус заставит нас смиренно углубиться в тайны антропологии».

12.01.2021

Симона Вайль говорит о сострадании как о главном чуде. Она подчеркивает совершенную трансцендентность и невозможность сострадания:

«Сострадание к несчастным – это невозможность. Когда оно поистине существует, то это чудо. Чудо более удивляющее, чем хождение по водам. Излечение болящей или воскрешение из мертвых».

Бердяев когда-то стыдился пассивности сострадания. Ибо он привык ко всему относиться как творческий субъект (в этом, по Бердяеву – божественность человека).

Но как превратить со-страдание (милость) из невротического бессилия в щедрость – вот он, всегдашний вопрос.

Щедроты Бога в церковно-славянском и означают милосердие.

Как бы мы не хотели, мы не можем избавиться от нарциссического оттенка – ведь страдаю не я (некая трусливая радость). Или: мне стыдно, что страдаю не я. (Опять «я» в центре).

Или вечный вопрос (неразрешимый и даже надоевший):

Как соединить справедливость Бога и страдания невинного?

Вопрос Ивана Карамазова остается без ответа. Теодицея невозможна.

Вот потому-то сострадание – это совершенное Чудо.

25.02.2021

Любое животное, от слонов и тигров до беспозвоночных червяков знает, что такое гармония, и свято соблюдает законы Целого. Человек же – изуродованный бесстыдной цивилизацией – все более и более отворачивается от надоевшего «человеческого» и притягивается красотой, радостностью, уместным и верным Богу поведением зверей. Природа лечит и питает.

Вспоминается рассказ Джейн Гудолл. Она, пережившая тяжелую экзистенциальную драму, вернулась к своей обезьянней стае в Африку и без труда

была излечена одним видом шимпанзе, их ласковых и любящих жестов. И душа Джейн обрела божественный покой.

Шимпанзе по комплексности (по наличию и взаимодействию большего числа переменных, чем у человека) возвышается над «сложным» человеком.

Сегодняшний человек деградировал до неузнаваемости.

Сказать о «свинстве» или «озверелости» человека – это сделать ему комплимент.

26.02.2021

Часто утешаю себя воспоминаниями хосписа в Петербурге. Туда мы ходили с отцом Георгием. Он был униатом, но больные ничего об этом не знали. Большинство не различали таких «тонкостей», большинство впервые видело священника.

И вот перед смертью или как перед последней, страшной битвой все 20 человек в палате исповедовались вслух.

Первый вопрос отца Георгия:

«Обижали, избивали ли своих близких – жену, детей, родственников, друзей и вообще...». Все дружно и стыдливо отвечали «да».

Второй вопрос батюшки меня поразил. Я впервые слышала, чтобы священник на исповеди спрашивал о таком – «Обижали, калечили, убивали ли вы животных?»

Все дружно закивали головами и горько, со стыдом, как-то по-детски зашептали: «Да-да, батюшка, каемся...»

Среди них были те, кто не мог уже сидеть и двигаться, были совсем «скелеты». Один молодой

парень – с громадной шароподобной опухолью на шее, все восклицал:

Как я хочу жить!

Несколько человек в тот же день крестились. Через неделю мы узнали, что один из них скончался.

16.03.2021

Человек... От него ничего не осталось. Как заметил Фуко: Человек – это след на прибрежном песке. Его смывает волна, и никто не будет особенно плакать.

И все же в эти последние для человека времена вспоминаю Камю с его «Восставшим человеком», вспоминаю и бунтующего «подпольного человека» Достоевского, ретроградного господина, которому надо «по своей воле» пожить.

Вспоминаю и обращаюсь к юродивым, вечно противостоящим. Бунтующим без причины, как та упрямая, что сидела всю жизнь в затворе и прутиком играла (роман «Бесы»). Сидела там «из одного упрямства». Возможность жертвовать – вот, что делает человека человеком. В век демократии остается одна горизонталь. В наш век не ссылаются на религиозные и нравственные ориентиры. Все стало неприлично прозрачным (По Бодриару – порнографичным). И только тот, кто рискует своей жизнью, может еще чего-то добиться.

Но... Опять – и в этих мыслях проскальзывает «антропоцентризм». Не правда, что только человек жертвует. Жертвуют своей жизнью и животные. Матери многих животных готовы пожертвовать своей жизнью ради птенцов, щенят, слонят, медвежат... Прирученные животные нередко жертвуют своей жизнью ради приручившего их человека. Животные – стаями –

жертвуют для сохранения экологического равновесия.

Что же остается? Как дальше думать о себе, как о человеке?

Человека определяет то, что он находится на пути становления человеком, где-то между животным и Сверх-Я... (К. Лоренц).

Или Блэз Паскаль:

«Кто думает, что он ангел, тот остаётся (становится) животным».

Одним словом, человек – это постоянное движение, трансгрессия, переход границы. Падший человек обречен на подобный хюбрис. Зло «отсутствия меры» редко-редко побеждается – оно побеждается сердцем «сокрушенным и смиренным».

21.05.2021

В Фейсбуке удалось найти несколько моментов, зафиксированных на конгрессе, прошедшем под Москвой и посвященном Достоевскому. Согласно с выступающими: Достоевский – наше всё. Он вобрал в себя и архаику, и модернизм, и постмодернизм. Более того, он обогнал все современные «пост»-философии, описав гиперреализм ада и победу Добра.

Меня лишь опечалило, что на Конгрессе не было выступлений о животных, хотя Юрий Нечипоренко сказал, что у Достоевского «жизней много» и «это и есть Жизнь».

Глупеньким выглядело выступление молодого человека, как бы «писателя». Он пытался открыть великую истину: Достоевский страдал от маниакально-депрессивного психоза. Тем самым, конечно, разозлил сидящих в зале умных и пострадавших людей. Там мелькали лица Волгина, Захарова, М.

Кураева. Раздавались крики: и Пушкин, и Гоголь, и Толстой – все этим страдали... Кричали: «это вообще не болезнь», «гений не судится так плоско...».

Меня раздражал М. Кураев. Он с выражением произнес речь против «оскотинивания» человека. Почему бы не задуматься Кураеву, что животные («скот») – это не товар («скот» означал когда-то денежную единицу) и, конечно, не «грязное, безликое чудовище». «Антропологическая машина» (определение человека через сравнение с животным) работает бесперебойно в мозгах советско-русской интеллигенции. «Ну я же не животное, чтобы творить такие мерзости...» – частая фраза для любого самооправдания. Когда же люди перестанут самоутверждаться, перенося на зверей все свои «низкие», вытесненные страстишки?

В наш век стало ясно, что человеку далеко до трагического величия скотины.

На Западе (даже в среде славистов) такая конференция невозможна. На Западе большинство полагает, что «Достоевский с его “проклятыми” проблемами – это для подростков». Здесь взрослый зрелый, «умный» человек знает, как бессмысленна и страшна реальность, но живет, как будто бы ничего не случилось, ходит на работу, платит налоги, покупает машину, иногда (подумав и подсчитав) заводит семью. Здесь не до «метафизики».

Достоевский уже знал о таком высокомерном к себе отношении. И Иваны Карамазовы им самим названы именно «русскими мальчиками».

25.05. 2021

Вчера был нервный день. Юстина Панина в он-лайне защищала магистерскую в Ст-Серже.

Юстина предстала гордой умницей, настоящей Пантесилеей (царицей амазонок). Ее чёрный, «готический» облик и юное лицо, вкупе со строгостью и силой речи, очень выигрывали в ситуации, которую так и тянуло назвать «Сусанна и старцы». Оппонентом Юстины был болтливый «бонвиван» Б.В., «продолжатель Оливье Клемана», но лишённый собранности и страстности Оливье.

Вёл «защиту» отец Николай Ч-к., со своей всегдашней улыбкой, «добротой» и «благодушием».

Юстина ВПЕРВЫЕ в православном мире заговорила о древней проблеме «женской нечистоты». Она резко противопоставила табу сакраментального и святого (Дюркгейм). При этом – естественно – говорила, что христианство не религия, а нечто совершенно новое. В христианстве не должно быть ограничений. По критиковала и пост, и монашество («оно захватило власть в церкви»). Что и говорить, ее поддержал Б.В., даже напомнил об эпизоде с кровоточивой женщиной, которая спаслась собственной отвагой и верой, дерзко прикоснувшись к одежде Христа.

Всё так. Но сакральное (таково моё мнение) нельзя отделить от святого. Это разделение мы встречаем в западном безрелигиозном мире. Здесь святое – это нечто «моральное», «права человека», равенство, честность, справедливость. Вертикальное и таинственное измерение мистерии в западной жизни отсутствует, хотя вся Жизнь – это Тайна и Зов, миссия и служение. Сакральны леса и реки, воздух и земля, остаток человека и иконность животного.

Так что обычные здесь рассуждения модернистов-постмодернистов, освобождающих верующих от покаяния, страха Божия, смирения, изумления и благоговения, мне чужды. Но не чужды и рационализм и смелость бойкой Юстины. (И мне нравится сама рвущаяся в бой Юстина). Почему-то больше

всего огорчило и даже разгневало то, что никто не заговорил о практической стороне вопроса. Почему-то все, поддержав Юстину и поставив ей «5», быстро разошлись и никто не сказал, как снять с женщины клеймо ритуальной нечистоты, как уничтожить страх женщины и страх перед женщиной (рождающий ненависть и презрение к ней), страх перед производящей силой природы и женщины, перед величием Жизни и Органики, вечно обновляющихся и очищающихся. В век цифрового омертвления эти вопросы отнюдь не праздные.

Впрочем, всё это «парижское православие» уже давно выглядит как какая-то секта, кучка семейств, не собирающаяся ничего менять, боящаяся всяких новшеств.

Вспоминаю Западноевропейский православный съезд в Амьене (2016), посвященный актуальной теме «Православия и экологии». Во главе всего – Мишель Ставру. Он и произнес окончательный приговор всему живому. Сразу понятно было, что «аутизм» Ставру не позволяет ему радоваться живому, переживать за жизнь и сострадать перед лицом экологических катастроф.

Он завершил свой центральный доклад такими словами: «Мы готовы молиться и богословствовать на тему творения, но мы не собираемся и не должны ПОЛИТИЧЕСКИ заступаться за тварь».

Слово «политически» здесь означало «практически», т.е. реально и серьезно. Сострадание и деятельная любовь были целиком отвергнуты «православным» собранием в Амьене. И никто даже не удивился. (Кроме меня, но я для них человек случайный).

25.05.2021

Сегодня был у нас в гостях мой врач-генералист Дени Ламассон! 3 года как он работает в Париже. До этого был «врачом без границ», лечил в Афганистане, в Дорфуре, в Ливии, Бенгладеше, ЦАР.

Я прочла книгу Дени про беженцев. «Когда ничего нет, остаются только цифры». Или «голая жизнь». Дени описывает, как в трюме какого-то судёнышка, в душном и узком пространстве по несколько суток толкуются беженцы (из Греции в Турцию, из Турции в Иран...). Они лежат в позе зародыша или друг на друге и, как насекомые, лезут наверх, давя своих попутчиков. Дышать невозможно.

От простого практикующего врача Дени быстро поднялся до организатора и вдохновителя, ответственного за международные структуры.

Но потом ему (анархисту!) стало в тягость, и он переехал в Париж, где я его случайно (?) встретила, идя на прием к ближайшему терапевту.

Он женат, две дочери. Связан с экологами, вегетарианец, неверующий. Терпеть не может «крайне правых» и вообще «капитализм». Воспитывался в строгой католической семье, с тех пор ничего не хочет слышать о католицизме и любом «фундаментализме».

В своем большом доме (получил в наследство) он любит собирать друзей. И пируют. Среди ближайших знакомых активисты из радикальных экологических движений: «Extinction et rebellion», также «Колибри»

Все же бывает и радость: совсем рядом с нами работает мой врач, «антибуржуазный активист». И работает в одной команде с молодой женщиной – медсестрой Капуцин. Она (единственная) может

прийти домой, сделать укол, взять кровь. И все не больно!

Благодаря ковиду я познакомилась с людьми, живущими рядом. И они оказались отзывчивыми, даже душевными. Мишлин, Жюстин, Надя – их часто встречаю (и они помогают соседям). «Там, где опасность, там растет и спасение».

2.06.2021

У Мишеля Пантона. Он специально приехал в Париж, чтобы встретиться с отцом Даниэлем и с нами.

Как всегда, отец Даниэль поразил своей юношеской энергией и спонтанностью (хоть и видно было, как болят его спина и ноги – он пережил две сложнейших операции). Как всегда, он начинал свой рассказ о ничего не соображающей, вялой, неглубокой французской молодежи – с интонацией тревоги и удивления, а заканчивал светлым, безудержным смехом, который через глаза и губы превращал его в вечного юношу.

Как всегда, в центре разговора – Россия. И хотя отец Даниэль весьма хорошо знаком с нашим священноначалием (он участвовал в организации встречи Патриарха Кирилла и папы Франциска на Кубе), подробного рассказа ждут от меня. До этого говорили, что церковная власть – к сожалению – слилась в России со светской, и ждать от этого ничего хорошего нельзя. Мой ответ был таким: Но главное для нашего народа – литургия. А там молитва о патриархе как об «отце». И литургия (слава Богу!) у нас не превратилась в спектакль или собрание. Она РЕАЛЬНА. Она действительна и действует. В немецком Wirklichkeit (действительность) тоже сохранилась

эта несокрушимая серьёзность и неуязвимость литургического. Церковный народ в России (на 80 %) не критикует священноначалие и сохраняет благоговение. Так мне, по крайней мере, кажется. Я вновь увидела, что отец Даниэль и Мишель думают и чувствуют так же.

Потом отец Даниэль рассказывал о своем служении. Мы вновь поразились, с какой требовательностью он относится к себе и к идущей к нему молодежи. (Я в Париже не представляла, что и во Франции есть множество равнодушных, ищущих свой путь в Боге молодых людей). С каждым из них отец Даниэль «работает» годами. Так, например, он очень строг в отношении того, что называется «браком». Он считает, что браки заключаются слишком легкомысленно. Недавно он отказался венчать хорошо знакомых ему юношу (склонного к гомосексуализму) и девушку. Это ему стоило нервов.

Мишель рассказывал о своей поездке (как наблюдателя от СЕ) в Боснию и Косово. «В Косово власти хитрые и лицемерные. Когда очень нужно, действуют “нахрапом”, как действуют мафиози в Сицилии. В сербских монастырях встречают с радостью, но повсюду чувствуется скорбь и обречённость. Никто не жалуется – да и не может (проблема языка)».

30.06.2021

Кирилл Сологуб – еще одно открытие «человеческого». Он сохранил в себе ту Россию, «которую мы потеряли». Верный, спокойный и чуткий, ответственный и страдающий, он по воскресениям приезжает на рю Шампионне и отвозит меня в Клармар, на литургию.

В церкви св.ап. Иоанна Богослова мы присутствовали на пасхальной службе – воскресении Самарянки. Той самой Фотинии, которой Господь доверил главные тайны христианства. Она и стала первым православным богословом.

После службы мы собирались в родной и уютной квартире Татьяны и Кирилла Сологубов и ликовали, и пели песни первой эмиграции, рассказывали обо всем с неподдельной искренностью.

Но в этот раз я почувствовала, что не смогу доползти (из-за воды в коленке) на третий этаж и предложила пойти в ресторан (они уже открылись после долгого карантина).

Доехали до Ванв. В японском ресторане мы с Павле съели макароны, Кирилл заказал себе креветки. (Среди русских эмигрантов всех трех эмиграций я, увы, не встречала вегетарианцев.)

Завязался разговор. Кирилл рассказал о чем-то удивительном: он несколько раз ездил в Албанию и подружился с Владыкой Афанасием. В Албании христианство преследовалось до его, казалось бы, полного исчезновения. Владыка Афанасий начал восстанавливать совершенно разрушенную страну. Такого не было даже в России – запретили календарь, воскресение, вырезали всех христиан, уничтожили даже христианские имена.

Кирилл: «В каждом населенном пункте там возвышается черный квадратный бункер».

Мы обедали на террасе. А рядом, подобно лесу, возвышался готический, «ван-гоговский» собор с его чёрными окошками, скромными витражами. Сильной и всеохватывающей была музыка, столь милая моим тоскующим по пасхальной радости ушам – перегоняя время, весело звонили колокола.

Солнце – ещё шадящее – ясно и четко просвечивало сквозь зелёное дерево. Невольно вспоминаешь

импрессионистов и видишь только их незамутненным взглядом. Свежим и детским. А оттого каким-то согревающим. Как будто дома...

Кирилл привез нас к дому Марины Цветаевой – рю Жан-Баттист Потен – и рассказал об удивительном «немецком французе» – Флоране Дельпорте, который ничего не знал о Цветаевой, но случайно поселился в той же квартире. И почувствовал что-то особенное. Так, не зная русского, он открыл Цветаеву на французском, нашел даже её стол, а теперь приглашает посетить эту квартиру и рассказывает о великом поэте. С ним знакома и Аня Кузнецова, она хорошо о нём говорит и счастлива, что – милостью Божьей – место и память о Цветаевой оберегает такой немецкий гений.

Дом Цветаевой, действительно, необычный. Вспоминаются её стихи:

*Лопушинный, ромашный
Дом – так мало домашний
С тем особенным взглядом
Душ – тяжелого весу.
Дом, что к городу – задом
Встал, а передом – к лесу.
По-медвежьи – радушен,
По-оленьи – рогат.
Из которого души
Во все очи глядят.*

Такой насыщенный, благословенный день!

Июнь 2021

Нагрянула съёмочная группа: из Бьярица приехала знаменитый продюсер Кристин де Голль, из Вильнюса Гетра, из Нью-Йорка Марк.

Для меня было большой неожиданностью узнать, что Маша Ивашина («первая любовь» Кривулина) стала известной всему миру как «гениальный фотограф». Фотографии случайно нашла – уже после смерти Маши – ее дочь Ася, и сегодня весь мир замирает перед красотой внутреннего мира этой женщины...

Что я могла рассказать о ней?

За два года нашей совместной супружеской жизни с Виктором Маша являлась не часто, но она приходила первой на каждое домашнее или публичное (полуподвальное) чтение Виктора. И всегда сидела в первом ряду, слушала с робким благоговением.

В ней я любила эту чистоту и ясность слушания.

Но мне было не до нее. Вокруг нас с Виктором денно и ночью толпились «гении» и шизофреники, приезжавшие со всего Советского Союза. Был духовный пир, пробуждалась русская душа, открывалось всегда новое христианство, все были творцами и богоискателями.

Кривулин почти ничего о Маше не говорил. Один раз сказал с иронией о её «пафосности», что, мол, осталась «юной пионеркой».

Позднее я узнала, что он никогда не забывал Машу и умел оценить сокровища этой души. Но от меня, естественно, все тщательно скрывал.

Перед смертью Маша, болевшая раком, позвонила мне, хотела встретиться, но я опять была занята и преступно позабыла о ней.

И все же, когда слышу стихи Кривулина (такие точные и трогательные), я почему-то думаю, что они посвящены Маше:

*Из брошенных кто-то, из бывших,
не избран и даже не зван,*

*живёт втихомолку на крышах
с любовью к высоким словам...*

И еще. Просмотрев фотографии Маши (есть в интернете), я увидела на них много животных. Но особо пронзительной была фотография обезьяны, подопытной скотинки, пристегнутой к батарее и сидящей на подоконнике в больнице. Она смотрит с грустью в слегка приоткрытое окно – там недостижимая для нее, настоящая жизнь.

И тут же вспомнилось кривулинское:

*Бог помогает больным обезьянам
очеловечиться – больше любого
из говорящих о Боге, – минуя
минное поле смысла и слова
и выводя на тропу неземную
к речке сознания, скрытой туманом
невывразимой тайны живого.*

*Теплятся в клинике шерстка и шкурка,
тлеет зрачок наподобье окурка
Жертва гуманная – с выпитым мозгом.
Но восполняется все, что отняли,
древним эфиром. Тело печали
телом сменяется звездным.*

В будущем я соберусь и напишу о том, каким победителем был Кривулин. В самом своем поражении он оставался мудрым, открытым, бесстрашным. Пророк всей мучимой твари:

*Не пропадет ни одна. Не умрет ни один
голос живой, и любая звучащая нота
птичьей оденется рванью, в лохмотьях
воскреснув полета,
для завершения божественных длин.*

Вера в апокатастасис. В воскресение всех. Вот, что нас особо соединяло.

Июнь, 2021

Подопытные люди, подопытные доходяги-звери. Таких много в русской литературе. Особенно близки они Платонову и Шаламову.

Сегодня же доходягами стали все исчезающие звери. С начала 21-ого века исчезло 40% известных нам видов животных.

Как шагреневая кожа сжимается пространство обитания львов, обезьян, дельфинов, слонов...

Но самое страшное преступление прогресса – это «интенсивное» или «индустриальное» выращивание и, естественно, последующий убой доверившихся человеку тварей. В переполненных клетках кончаются полуслепые, полуперенные, перекормленные антибиотиками и гормонами куры, стонут прикованные к «батареям» коровы, в узких пространствах не могут повернуться свиньи. Кругом – боль. «Боль – суть мира, суть Креста. Также больно от Достоевского, Платонова, Бога и бытия. Им всем от себя больно» (В. Варнава).

Есть два взгляда на бытие:

Симона Вайль – В начале всего лежит боль.

Эпикур – для радости существования хватает уже одного факта существования.

Западная цивилизация (в последние десятилетия) следует за Эпикуром. Старается следовать, ибо большинству все-таки недостаточно одного «существования», а хочется удовольствия и благополучия.

Русская душа всё ещё остаётся на стороне страдающих (хоть большинству тоже хотелось бы другого).

Звериная боль открывается всем глубоким душам (как на Западе, так и на Востоке) как некая тайна. У Виктора Гюго постоянно были воспоминания о брошенной им лет 10 тому назад собаке, точнее о ее глазах и боли в них. В этой звериной боли открывается до-этическая, до-онтологическая асимметрия. Что-то, что составляет неприличную сущность юродства, его «скандал» и безумие.

Об этом говорил Мармеладов:

Бедность не порок, но нищета – порок. Однако этим «нищенским» и «порочным» и держится вся армия пьяненьких, проклятых, бесконечно жалких, не имеющих оправдания.

Поэтому никто, кроме Мармеладова, и не дал лучшего определения церкви:

«Надо, чтобы каждому человеку было куда пойти». Можно добавить: «чтобы каждой твари было, куда пойти».

Гений и Святой живут в Ином. Святой – самый уязвимый из всех двуногих. Из всех живых существ беззащитнее те, кто полюбили человека – собаки, коровы, коты, свиньи... Конечно, беззащитны все животные, ибо человек с его жадностью и технократией не оставил пространства для счастья и вольной твари.

Нежность Бога – единственная защита. Нежность – от «нега», от блаженной незащищённости, которая и ведет к разговору с Богом.

До страдания животных можно подняться, имея великую мудрость (в которой «много печали»).

В Тбилиси живет такое сострадание. Оно – в стихах и в сердце Инны Кулешовой.

*Когда я вырасту в незвуки неисцелимых, в лапу суки,
Покрывшую дитя живое за три минуты до убоя...*

Санкт-Петербург

Август, 2021

Тревожилась, как встретит меня после долгой разлуки Бося (полгода мне не удавалось выехать из-за карантина в Питер).

Он совсем не упрекал, не обижался. Прыгнул на диван, облизал меня страстно и стремительно, пробовал залезть на плечо, не покидал весь вечер. И вот уже почти три недели не покидает. Сегодня, правда, тихо и горестно плакал, когда увидел, что я ухожу. И его не беру с собой. Но я, совсем инвалидно передвигаясь, не рискнула взять Босю с собой в ближайшее кафе Моцјік (где и пишу сейчас).

Интересно, когда я впервые зашла в квартиру и увидела Босю (он ростом с кота), то поразились его малости. В моем воображении, в моих парижских грезах Бося был ростом с теленка, львенка, т.е. «равным» и даже большим.

С первых же дней пришли зоозащитники (-ицы).

Была Алла!!! У нее 30 (40?) кошек и восемь больших собак. В двух маленьких комнатках. Она на двух работах (дворник-уборщица) – бодрая, ясная, недосяжимо идеальная. И реальная!

Все рассказывала о собаке Мате – любимице всего Старого Петергофа. Матильда помогает всем,

свободно бегает около Аллы (и даже одна), играет с детьми, всем помогает, всех утешает.

Единственно скорбным моментом в рассказе Аллы был краткий эпизод смерти собаки, которую «не удалось спасти». Сокрушенно рассказывала, но и прикровенно.

С некой гордостью говорила, что одну собаку удалось отправить в Германию. Здесь и я «загордилась». Помню, как весь Аахен («мои» немцы) был поднят на восстановление храма Петра и Павла в Петергофе. Как был послан поезд с колоколами (по старым чертежам отлитыми) и многое другое.

Благодарю Господа! Из закатившейся в дурную виртуальность Европы Господь вывел меня (пусть на пять недель) в Родное, и я «в стане погибающих за великое дело любви».

19.08.2021

Были времена, когда я (и мое окружение) говорили об «истине». Сегодня тоже нужно говорить об «Истине, Красоте, Добре». Но все чаще вместо «истины» употребляется слово «реальность».

Со времен пещеры Платона была Истина и ее пещерные тени. Сегодня это – реальность и противостоящий ей симулякр. Симулякр – это не только «ложь» или «тень»: он изо всех сил стремится стать реальностью, больше, чем реальная реальность. Он стремится к гиперреальности. К созиданию «тела Антихриста». В это адское время мы и живем.

В XX веке люди как-то не очень волновались – все жили все-таки реально, как-то знали свое место, даже судьбу. И вот это «общество спектакля», восстания масс, персонажей «без свойств», «без веса» упало в объятия Big Date, нумеризации. С охотой, не сопротивляясь, стало виртуальным.

20.08.2021

Серьезное освобождение для духа, уже готового навсегда уйти во «внутреннюю эмиграцию», депрессию, одиночество. Оказывается, в Россию можно просто так приехать! Появился самолет (раз в неделю) от Парижа до Питера и обратно. И совсем нетрудно выйти из «магического» мелового круга, в который прячут себя одинокие люди.

21.08.2021

Так благодарна Богу за каждого человека, которого Он посылает мне. Только в России есть весна... только в России есть разговор, только в России есть дума и сотворчество. Там, где двое или трое собрались во имя Мое.

Я и приехала за этим. И получила еще больше, чем хотелось. Неожиданное явление Елизаветы Трофимовой (ей немного больше 20-ти). Она высокая, ликующая и разумная, русская красавица. Необычайно образована. Родилась в Дзержинске, училась в Нижнем Новгороде и Америке, писала для «Фомы», для «тео-эстетиков» и много чего полезного совершила.

Но главное: она не примкнула к постмодернистам и нео-марксистам, она любит Максима Исповедника и литургию. Литургию любит за её Реальность.

Лиза недавно пережила страшное: она была невестой поэта Васи Бородина, который выбросился из окна. Вася (читала его «Лосиный остров») был необыкновенно беззащитен и одновременно силён, его душевная чистота, добросердечное отношение к миру, вечное и мудрое детство, его неискущённость

соединяли его с музыкой мира и того, что за миром, со всяким червячком и травинкой.

Несмотря на пережитое (и переживаемое) Лиза стойко и достойно «держится». Говорит: «Я поняла, что должна жить и за Васю».

Париж

10.09.2021

А в Париже по-прежнему «отсутствие богов».

«Der Fehl der Goetter» – как точно определил Гельдерлин (с маленьким книжицей его стихов не расстаюсь никогда).

Ушли боги, ибо «так щадят небесные нас».

Ковид ведь был подобен прибытию дьявола – а дьявол в прошлом – бог. Теперь как будто всё успокоилось, французы привыкли и к этому. Теперь зло здесь выражено только в той форме, в которой его не любил Бердяев: в серости мещанской полужизни.

11.09.2021

Гельдерлин – мой спутник и друг. Он последовательно терял всё, что ему дала жизнь: великих друзей (Гегеля, Шеллинга), дружбу Шиллера, любимую Сюзетт, хоть какую-то работу, хоть каких-то собеседников или просто знакомых – его ожидали 40 лет безумия в полном (почти) одиночестве.

Этот путь «отнятия» привёл Гельдерлина к вхождению в великую миссию. Именно в эти годы он написал стихи, о которых в XX веке заговорил весь мир. Стихи – свидетельство и радость, равные тайне бытия. Гельдерлин не хотел и не мог покинуть мир

высшей музыки. Его поэмы писал за него великий немецкий язык. Ставший «великой песнью» («Der grosse Gesang»).

23.09.2021

Были с Босей у Кристофа. Он еще работает! Слава Богу! Ему из-за реформ пришлось почти что выкупить собственную клинику. Самое тяжелое уже позади – Кристоф пережил удар судьбы, поседев, но не потеряв мягкости и юмора. Теперь все подчиняется новым правилам – всё входит в какую-то «компьютерную сеть», цифровой Гулаг.

Но Кристоф не может жить без своих пациентов – и к нему – несмотря на ковид – выстраивается очередь. Я всегда прихожу пораньше, чтобы увидеть, полюбоваться и оживить себя созерцанием самых разных людей и четвероногих любимцев.

Все животные были интересны и общительны. Особенно одна огромная собака «Никита». Она любопытствовала, радостно растягивалась и затевала игры как с людьми, так и другими тварями. Её хозяйка – красивая и стильная негритянка – с чувством рассказывала, что оставила Никиту на неделю у друзей. Они не досмотрели... И вот трехлетняя девственница понесла. Ожидается явление на свет 6-ти щенков.

Публика была родная и до боли знакомая. Был пожилой, худой француз, похожий на Акакия Акакиевича. Разместился в уголке, прижимая к груди клетку с котом. Была зоозащитница, рассказала, что спасает только старых котов (которых и здесь, в Париже, выкидывают африканско-азиатские эмигранты, не заботящиеся о чипировании. Прямо, как у нас!) Еще 50 лет тому назад в каждом аррандисмане

Парижа существовала «Школа кота», там простые женщины обучались операции кастрирования. И дело шло. Теперь эти школы закрыты, но повсюду есть кошатницы, все они знают друг о друге, помогают передержками, кормами и пр.

Эта зоозащитница рассказывала нам, какой «талантливый художник Кристоф». А я добавила, что он – поэт и переводчик, философ и новый «Ламарк».

Женщина 70-ти лет, с высокой старомодной прической, похожая на модницу 50-60 годов прошлого тысячелетия, пробилась к кассе с длинным списком (15-20 котов). Для каждого она покупала лекарства, но часто вспоминала, что половина списка уже на небесах. Трогательная, безумно-сверхчувствительная дама. Такие есть во всех странах мира – стесняются своей заботы, но готовы на всё ради еще более несчастных «детешек».

Кристоф встретил с юношеским волнением. Его энергия неиссякаема. Осмотрел Босю, прописал успокоительные таблетки. Все почти бесплатно. Договорились в октябре встретиться у меня. Но дома я прочла его мэйл: «Хочу встречи немедленной. Не желаю быть рабом суеты».

28.09.2021

В 17 часов пришел Кристоф. Сразу же заговорили о главном. Оказывается, Кристоф любит и знает Георга Тракля! (Прежде мы говорили с ним преимущественно о Рильке).

Я напомнила ему о «голубом звере» о «Песни отверженного», которые так нравились и Мартину Хайдеггеру.

Боль – глубинное мгновение души. Каждое животное закрывается и изолируется. Закрывается в

«дикость». Дикость же для нынешнего человечества равна проклятию.

Но, уходя в боль, камня, животное обретает кротость. И через трепет открывает для себя чистоту Голубого. (Вспомнили Новалиса с его «голубым цветком»).

Голубой – это свет чистоты, цвет Божьей Матери (у католиков).

Прочитывали Тракия: «Я хотел бы превратить-ся в нечто хрупкое, слабое, ничтожное. Удалиться, не мешать Богу. Уступить Ему место». Дикое животное, оцепенелое внешне, но страдающее и кроткое внутри, выходит к Синеве – через боль и хрупкость.

Так рассуждает «поздний Хайдеггер». И как он не похож на Хайдеггера 30-х годов, презиравшего зверей, потому что «у них почти нет бытия-в-мире». Как я рада, что любимый философ обрёл мудрость и любовь, которая – я уверена – всегда жила в нём.

Святое – это единое, это соединение чувственного и интеллигибельного.

Говорили с Кристофом и о Бруно Латуре.

И здесь я была обрадована и составила себе другое мнение об этой культовой фигуре нашего времени.

Кристоф резко выступает против акторно-сетевой (горизонтальной) модели жизни. Он за иерархию. С восторгом рассказывает, как совершенствуются клетки, как они соединяются, образуя новые «единицы».

Человек – это завершённый индивидум, как и многие другие Единицы-Личности.

Латур же (как и Делез) не признает, не любит Личное, Личность.

О Жизни. Она возникает в процессе умного, божественного соединения органических образований. Человек не способен создать что-то живое. Это юбрис!

О Дарвине. Он говорит о неразличимых «потоках», тогда как жизнь – это возникновение сингулярных Личностей.

Мы еще долго говорили о падении «горизонтальной» французской мысли. В конце вечера Кристоф, смущаясь от сострадания, прочел мне письмо одного старика, которое его клиника недавно получила. Старику за 80. Он приехал в Париж, чтобы лечь в больницу. И на вокзале оставил котёнка в клетке. С запиской: «Я нашел этого котёнка и в течение трех месяцев был с ним. Не мог никак устроить его, поэтому прошу его принять и любить».

Есть же еще Человеческое на нашей земле.

25.11.2021

Были в клинике у Кристофа. Бося чихает, особенно часты эти непонятные кризисы по ночам. Будит меня, и без того страдающую бессонницей. Выделяет много слюны, так что в кровати мокро.

Сделали рентген, и обнаружилось, что у Боси слишком большое сердце. И это навсегда.

Кристоф выписал таблетки, которые помогают.

Бося (и другие «хвостики») спасают всех нас. Зароюсь ночью в его бочок и хоть немного могу дышать.

Приложение

Из переписки Татьяны Горичевой с Ариной Кузнецовой

9.10.2021

Татьяна Горичева – Арине Кузнецовой

Хочу написать пару слов о дикости и изумлённости. У Хайдеггера времён «Бытия и времени» животное почти не обладает миром, не выходит из «ума» (из-умленность), находится в постоянном оцепенении, у него нет собственной смерти. Оно, следовательно, и вовсе не живёт.

Как мне было обидно, что великий и чуткий мыслитель не понимал, не любил животных! Но вдруг я обнаруживаю его позднее сочинение о Георге Тракле – «Gesang des Abgeschiedenen» («Песнь отрешенного»). А в нем – мысли, которые всю жизнь были моей болью и мечтой, но которые стали особенно актуальными сегодня.

Жизнь животного – это мощнейшая изумлённость. Звери – космические пришельцы (не в смысле «летающих тарелок»). Для них жизнь и смерть всегда перемещаются (Как и у Рильке: смерть животного всегда позади его...).

Тракл пишет: Я хотел бы превратиться в нечто хрупкое, слабое, ничтожное. Уступить Ему (Богу – Т.Г.) место.

Поэт и зверь – одно и то же. Каждое животное изолировано и закрыто в себе. Его «дикость» – это

почти проклятие. Но уходя в боль, камня, животное обретает кротость. И через кротость и трепет (изумленность!) оно открывает для себя чистоту Голубого. (Вспомним «Голубой цветок» Новалиса). Голубой цвет – это концентрация небесной лазури, невинности и чистоты. Цвет Божьей Матери. Это особо выражено в католической традиции. Душа странника, поэта и зверя открывает себя в простоте Голубого.

Перед чистой Голубого лик зверя приходит в содрогание. И, сосредоточившись, овладев собой, зверь смотрит в «зеркало истины», в святое. Перед лицом Синева и Святого лик дикого зверя возвращает в себя кротость.

Das blaue Wild бесконечно далёк от человека. Хуже: человек с его технократической, бесстыдной цивилизацией стал жёстким орудием бесов, врагом всего живого и святого.

Об этой вине человека – как Вы помните – с горечью писал Даниил Андреев: Хомо сапиенс виновник того, что животный мир не развивается, не эволюционирует. Животные, как заколдованные маленькие дети, закрыты в темном узком пространстве и постепенно уходят с поверхности земли. И вина «разумного человека» возрастает с каждым часом развития «цивилизации».

В XX–XXI веках о важности «дикости» (сохранении лесов, нетронутых пространств) писали чуткие гении и посвященные. Много написано о «спасительной дикости» различными учеными. Представителями «глубинной экологии», например: «Важность этих зон дикой природы заключается в общих экологических функциях этих земель, наиболее прилагательной из которых является эволюция видов животных и растений». «Другими словами, эти зоны – банк генов живой природы». Эдвард Голдсмит, редактор «Экологиста», писал, что изменения, причиной ко-

торых является индустриализация, поворачивают вспять экологическую сукцессию, т.е. последовательную смену биогеоценозов, поэтому мы должны рассматривать индустриальное развитие или «прогресс» как анти-эволюционный процесс. Нарушив экологическую сукцессию, он способствует возрождению экологической нестабильности.

Мы с Вами как-то говорили о «живописи» в пещере Шове (Ардеж). Как могли «дикари» изобразить, воспеть, восхитить такое? Последующее искусство несколько не лучше (если не хуже), сегодня и художники, и антропологи, и медики, и святые мечутся по нашей хрупкой планете в поисках шаманской мудрости и божественной дикости древнейших «культур». Но всё напрасно: человек, кажется, навсегда возлюбил «прогресс», ложь, лицемерие, дебилность, уравниловку.

А, может, удастся все-таки уступить место Богу и его Жизни?

29.10.2021

Татьяна Горичева – Арине Кузнецовой

Поправляйтесь, как же Вы там обе (бесправорукие) справляетесь?

А мое 2. письмо дошло? Так хотелось бы поподробнее о Вас узнать!

Воскресайте! т.м.

15.11.2021

Арина Кузнецова – Татьяне Горичевой

Дорогая, единственная моя Татьяна Михайловна!

Простите за долгое молчание!

Как ВЫ? Напишите, пожалуйста!

Мне сейчас гораздо лучше, я могу писать. А в промежутке получилось даже попутешествовать – я съездила в Петрозаводск с одной из коллег (мне нужно было посмотреть, возможно, придётся ехать туда с французами на Рождество (если всё не рухнет окончательно)). Поездка была сумбурной, слишком быстро и слишком много пришлось смотреть, но мне очень понравилось в Карелии, несмотря на серую и бесснежную пока осень. Я расскажу! Главное – видела водопад Кивач, тот самый, который у Державина: «Алмазна сыплется гора...» Связи там вообще не было!

Ваше прекрасное письмо жило во мне всё это время, я вот отвечаю (сумбурно, но слишком много направлений Вы открываете!), как только вернулась!

Дорогая Т.М., как полно, как сжато и точно звучат слова германских поэтов! по ним хочется жить, хочется жить в мире, где именно они диктуют законы – как внутри водопада золотого солнечного света – ведь именно эти законы созидают вселенную.

Иногда кажется, что это очень легко – как у Достоевского – захоти – и «золотой век» будет у тебя в кармане... Необходима «всего лишь» святость, «всего лишь» бедность, «всего лишь» послушание высшему закону... В конце концов, это останется не просто сокровенной мечтой поэтов, но и единственной возможностью выживания – в последние времена «начала и концы» соединяются.

Одна из причин невозможности жить в раю здесь и сейчас – Вы её назвали – это страх. Животные и люди становятся агрессивны из страха; а страх, направленный внутрь, становится причиной болезней, в частности, той, которую называли «священной» – эпилепсии. Смотрю на свою кошечку Пуню (из при-

юта) – такое маленькое существо, робкое, серая тень, рваное ухо, вечно она прячется и боится, вздрагивает от любого шума, а раз в месяц, во сне, её настигает припадок, как будто концентрируя в её маленьком мозгу все пережитые в её жизни ужасы в пароксизме судорог... Звери, конечно, «не вписываются в смертоносную цивилизацию», но страдают от неё больше нас, разделяя с нами все повороты истории (и беря на себя за нас, как всегда, с тех пор, как наши далекие предки начали поедать их и приносить в жертву самую главную тяжесть существования).

Как мне понравилась мысль о том, что не только человек есть свидетель и созидатель истории... Еще один немецкий романтик Ахим фон Арним тоже думал об этом: «Во все времена во вселенной существовала тайная реальность, самая ценная и самая глубокая, исполненная большей мудрости, чем всё то, что составляет нашу историю... Подобные весеннему ликованию, стихи не принадлежат истории этого мира; они – воспоминание о нездешних снах... Ибо каждое поэтическое творение возвращает мир к вечности, которую покинул земной мир». Конечно, святой Франциск и святой Серафим пребывали как раз в этой «тайной реальности» вместе со своими укрощёнными любовью хищниками!

Но не только они – сколько в мире незаметных тайных работников рая, способных слышать прорастание трав и перекличку ночных пространств, жалобный писк мыши и плач котёнка... Вы помните? – «Лапки голубю омыть...». Мы знаем таких людей, они есть повсюду, но не они творят внешнюю историю...

Когда-то давно, помните, мы говорили о «мордах», «ликах» и «лицах» у животных? Переводчик искал слово, чтобы определить, что будет у птицы, скажем, курицы – ведь не морда же? И Вы тут же

сказали: «лик». И это так точно! Иконная, совершенная красота животных говорит о святости жизни. Стоит взглянуть на фотографии такого автора, как скажем, британец Тим Флаш (Вы, наверное, знаете его работы), чтобы в этом убедиться!

19.11.2021

Татьяна Горичева – Арине Кузнецовой

Животные видят нас не из линейной исторической перспективы, а из мира законченного и совершенного. Так смотрит икона на молящегося, иконный лик на маску порочного человека. (Ведь вся воспетая двуногими цивилизация – это «общество спектакля» основана на дуализме власти и рабства, обиды и мести и ресантимента).

«В мире, более старом и полном, чем наш, животные двигаются законченно и совершенно, одарённые уровнем чувств, который мы утратили или которого никогда не достигали, живя с головами, которых мы никогда не услышим». (Henry Beston). Один раз (по крайней мере) мне удалось услышать ТАКОЙ голос.

Хочу написать о самом страшном из услышанных мною криков, соединившем несоединимое, о жутком крике пса, впервые доверившегося людям. Этот крик собаки, впервые позволившей себя погладить, я не забуду никогда. Всю жизнь над псиной издевались, били, держали в узкой, грязной коробке... пока ее не нашли зоозащитники. И Светлана Лось, вступив в битву с живодёрами, освободила псину, взяла к себе. Собака неделями огрызалась, не ела, искала смерти. И вдруг – когда все уже думали, что «ничего не выйдет», с собакой что-то произошло. Как будто некое откровение снизошло на неё. Она

поверила, что её любят. И завывала – жалобно, беспомощно, с вызовом, неопишимо трагично. Я видела и слышала её на видео, принесенное мне Светланой Лось. Ничего более жуткого я в своей жизни я не слышала. Память животного о райском доверии, знание псины о своей божественной миссии к ней возвратилось – это почти невозможно. И в очередной раз я поняла: звери ДО-веряют Богу и его Творению. Они прощают быстрее, чем может простить человек. До-верие же – это и есть вера. Животные не нуждаются в религии, ибо они изначально и всегда веруют, доверяют, и просто знают, что есть Любовь.

Взволновал меня рассказ о Вашей киске. О её эпилепсии. От греческого «эпилептос», что значит «схваченный», пойманный – пойманный, застигнутый». Кошечка взяла на себя (схватила) агрессию мира, бережёт Вас от его грубости... Она, робкая и чуткая, напряжённо слушает. Мне вспомнилась кошка В. Шаламова:

*Кошка по имени Муха
Точит карандаши,
Вся – напряжение слуха
В темной квартирной тиши.*

«Животных делают из лучшего материала, чем человека», – писал Шаламов. И о Мухе: «ближе её не было у меня существа никогда. Ближе жены».

Когда кошка пропала, Варлам Тихонович искал её всюду, даже там, даже там, куда свозят пойманных животных. Он рассказывал об этом, дрожа всем телом. «Я вошел, меня всего трясло, там в клетках на стеллажах сидят кошки – и молчат. Все молчат. Они всё поняли и готовы умереть. Я звал её, но её там не был». «Кошки уже ничего не ждали, кроме смерти».

«Еще страшнее был ящик особый, куда были набросаны котята разного возраста, от только что родившихся до месячных котят».

Все мы знаем, что нет ничего более волнующего и привлекательного, чем взгляд маленького котенка или щенка (лисёнка, поросёнка, ужика, медвежонка...). К ним ещё не прикоснулось демоническое (Об этом пишет Д. Андреев). Самые маленькие зверюшки сохранили в себе знание о том мире, в котором нет закона пожирания. Животные у престола Божия наделены ликами. Это Личности... Но бесы (и падший человек с его «царством количества») стёр личное и признаёт только анонимную, коллективную статистику, классификацию.

Как хорошо пишет Карл Густав Юнг:

«Посмотрите прямо в глаза животного, глаза наполнены красотой, болью и светом, потому что они открывают правду жизни. Глаза первобытных мужчин имеют такое же странное выражение психического состояния до сознания... Просто “Я” есть».

Разговор о «сознании» и «Я» – уже совсем другая тема. Этологи и пр. «исследователи» давно признали, что у животного есть сознание. Но об этом как-нибудь позже. Сейчас главное не cogito. Важнее всего – Жизнь.

14.02.2022

Арина Кузнецова – Татьяне Горичевой

Татьяна Михайловна, простите, что долго не отвечала! Теперь перерывов не будет!

Словно в ответ на последнюю мысль Вашего письма, о важности Жизни – читаю у Павла Евдокимова (в книге «Достоевский и проблема зла», перевод которой только что закончила) – о важности

также и Любви в соотношении с познанием: «Любовь глубже познания. В любви к знакомому предмету, в единстве субъекта и объекта исчезает объективация, и любовь становится духовным условием познания». Для подтверждения своей мысли Евдокимов обращается к Достоевскому, находя в черновиках к «Братьям Карамазовым» такие слова: «Люби животных, растения, будешь любить – и тайну Божию узришь в них». Тайна Божия – разве не она и есть Любовь? Все в ней сходится, все завершается, объясняется и преодолевается. Крик обиженной человеком собаки в ответ на любовь – великий акт экзорцизма, при всей внешней «малости» этого события. Но не случайно он Вас так поразил... Вот эти все издевательства, весь этот ад на земле, и вылились в жуткий вой страдания... и прощения. И это дает надежду, что можно жить как-то иначе, чем мы живём сейчас – и не только в вечности.

Меня поразило совпадение Вашего опыта с тем, что я недавно прочла в повести «Герда» молодого (относительно, ему уже больше сорока), но уже довольно известного писателя, как раз посвящённой судьбе собаки. Автора зовут Эдуард Веркин, живёт он в Иванове и пишет, в основном, для подростков. Но данную книгу, на мой взгляд, до конца может понять совсем взрослый, и даже пожилой, читатель, к тому же посвящённый в вопросы зоозащиты. По сути это притча, в которой проблема зла, творимого «обществом ресантимента» по отношению к животным, достигает особого накала. В современную богатую семью попадает амстафф-убийца, собака бойцовской породы, выученная смертельной охоте на людей-бродяг и своих бездомных сородичей. Но больше она никого не трогает, напротив, именно её страшные навыки и спасают детей этой семьи от неизбежной гибели. Но она приучена убивать: и вот на

глазах всей семьи она совершает убийство бродячей собаки – глава неслучайно называется «Герда говорит» – сразу же после убийства героиня вдруг «впервые слышит её голос. Низкий, страшный, отчаянный, человеческий». После этого юноша вынужден принять решение и собственноручно отвести Герду к ветеринару для эвтаназии. Тут начинается самое страшное и удручающе реальное, переходящее затем в сверхреальное. Прежде всего, как комментирует один из персонажей повести, кинолог, «никакое это не усыпление... собака не засыпает, она задыхается; в лучшем случае – острый спазм сердечной мышцы. А иногда это вообще не срабатывает, собака слепнет, или её разбивает паралич, и хозяева закапывают её еще живой, или...», потому что «хорошие препараты стоят дорого – это раз; потому что в Россию часто поставляют просроченное барахло – это два. Потому что у нас на всё наплевать – это три». Так всё и происходит: в ветеринарной клинике даже за приличную плату нельзя ручаться за качество препаратов, медикамент оказался палёным. Следует апокалиптическая сцена – собака не погибает, но теряет зрение: «Герда была ужасна. Белые глаза покрылись сеткой красных и черных прожилок, набухли и почти вываливались из глазниц, и по краям, сверху и снизу тянулась бахрома из густых кровавых слёзок»... От боли и ужаса она крушит всё вокруг себя, вырывается, бежит на улицу в никуда... Но конец у повести парадоксально пронзительный и светлый... Ослепшую Герду подбирает добрая женщина, продающая на железнодорожном полустанке пирожки, а героиня регулярно берёт билет на поезд, чтобы увидеть её – и собака смотрит на бывшего хозяина невидящими белыми глазами. Ночами же собака, порой, как призрак пробирается в свой бывший дом и хранит покой девочки, которая обязана ей жизнью. Все события повести (в

которой есть еще параллельный любовный сюжет) имеют рациональное объяснение, но при этом не покидает ощущение мистического присутствия, воскрешения древнего мифа о собаке-спутнике, тотемном защитнике, божественном и грозном духе, связанном с мировыми стихиями. Она – посланница, явившаяся в роковой момент, чтобы спасти, и злая воля искажившего её натуру человека в этот момент вдруг оборачивается благословением и спасением... Чувствуется, что автор повести воспринял уроки Достоевского – в целостном, любовном узрении «тайны Божьей» и надежде на всеобщее восстановление, несмотря ни на что...

Мне еще хотелось ответить Вам о Шаламове, но это уже в следующий раз...

23.05.2022

Горичева Татьяна – Арине Кузнецовой

Единственная моя Арина! Я не перестаю чувствовать себя виноватой, что так давно не отвечала на Ваше письмо. Но что-то и во мне сломалось.

Всё-таки война, которая тотчас же наступила после моего отъезда, подействовала парализующе. Она сбила с толку, окунула в мутную воду полусуществования, куцега выбора «между большим и меньшим злом». И всё. Поэзия и внутренняя музыка сами собой отвернулись от меня. Теперь пора не грандиозных крушений, смерти и воскресения (при ковиде что-то еще оставалось от шарма и «гибели Помпеи»), теперь время неясного размытия, невозможности понимания и действия, отсутствия последствий.

И всё же «ошеломляющее присутствие» новой жизни, новой вечности было явлено мне как случайная радость. И я делюсь ей с Вами.

Я вспоминаю о своём обращении к Богу. Мне 26. Я впервые в самиздатской книжке нашла молитву «Отче наш». И, идя по полю, прочла ее. Со мной произошло невозможное: я поняла, что любима Богом и что Им любимы все: и люди, и звери, и деревья. До этого момента природа (и люди) большей частью были мне скучны. А природа раздражала скукой «вечного возвращения». Но и деревья, и животные соединяют правду Вечности и новизну каждого мгновения.

«Поэзия связана с вечной новизной, и поэтому животные более поэтичны, чем мы, они самой своей жизнью свидетельствуют о себе, новом дне, о бытии (пойэсис – (со)творение нового), пока человек плавает в ничто, расколотости и безумии. Природа циклична, а человек отрывист и линейен, ему трудно сказать «да»... Он и Богу сообщает “абонент временно недоступен”. И только в неожиданный момент (как у вас – в 26 – на поле) он говорит “да”. И тогда творится вечная любовь. И поэзия. И благодарность... Как благодарно смотрят кошки, когда ты накормишь их! Вот бы и нам благодарить так весело и непосредственно!» (Елизавета Трофимова, из письма).

Ницше понял это лучше всех. Его «любимая идея» – идея вечного возвращения. Она явилась ему тоже неожиданно. Как откровение: эта страшная мысль о бесконечном повторении одного и того же стала его радостью. «Я люблю тебя жизнь, какова бы ты ни была. Ибо я люблю тебя, вечность». «Чем тяжелее бремя, тем наша жизнь ближе к земле, тем она реальнее и правдивее».

То же испытал Достоевский – за 10 минут до ожидаемой казни. «Один приговоренный к смерти, говорит или думает, что если бы пришлось ему жить где-нибудь на высоте, на скале... чтобы только

две ноги можно было поставить – а кругом будут пропасти, океан, вечный мрак... и оставаться так всю жизнь, тысячу лет, вечность... – то лучше так жить, чем сейчас умирать!»

«Только бы жить, жить и жить!»

На днях я была разбужена к жизни явлением шоколадного пса. Ковыляла старческой походкой из магазина. И вдруг – огромный, энергичный пёс (без намордника) схватил меня за руку (осторожно) и стал подбрасывать. Смотрел весело в глаза. Вместо того чтобы ответить «умилительно», я стала лаять и рычать. Правдиво, весело. Так пес и я дали прохожим урок «весёлой науки».

А я вспомнила о Кропоткине. Он умел хорошо лаять. Однажды, среди туманного и бушующего Амура, он погибал, не зная, куда плыть. И тогда залаял – ему тот час же ответили с ближайшего берега собаки. Кропоткин с некоторых пор для меня, как святой Франциск, гений понимания и любви.

Хочу завершить это письмо словами Рильке:

«И в конце всего, когда я помудрею, я хотел бы просто смотреть на зверей, чтобы что-то от них вошло в мою плоть, хочу хоть мгновение жить в их глазах, чтобы, тихо отпуская, их взгляд держал меня, спокойно, не осуждая». («Реквием»)

Ваша Т.М.

Крест внутри Древа Жизни

(о книге дневников Татьяны Горичевой)

Дневник только на поверхностный, клишированный взгляд – писание тотального одиночества, своего рода исповедь «в стол», для которой нет других глаз, кроме глаз автора, нет другого читателя, кроме самого пишущего. Дневник предполагает Собеседника. Того, Кому ведомы все времена и сроки, в Деснице Которого – судьбы человек, и всей живой твари, и каждой песчинки, и каждой звезды. Слово дневника – слово в свете Божьего присутствия, ибо в момент писания дневникового текста – в отличие от лекций, публичных выступлений и книг, самый процесс создания которых предполагает наличие внемлющих, совокупность глаз и ушей, дневник от этих слышащих совершенно свободен, а значит может не примериваться к уровню их знания, степени понимания/непонимания, возможной предвзятости. У него есть только Один Свидетель, знающий сердце человека, прозревающий до самых глубин, протягивающий руку помощи, даже если мы, ослепленные собственной самостью и собственной болью, не замечаем ни Этого Свидетеля, ни протянутой нам руки.

Дневниковому свидетельству веришь. Веришь как предельно откровенному личному опыту, – и тогда, когда сказанное собратом по человечеству совпадает с твоими внутренними установками, и тогда,

когда присутствующая в дневнике оценка событий и лиц иная, идущая вразрез с твоими знаниями и убеждениями, нередко рушащая привычное восприятие вещей. Читая дневник, учишься взаимознанию, открываешь для себя другого в его глубинности, отлагая суетное и внешнее, и чужая душа перестаёт быть потёмками, уходит трагизм тютчевского «Silentium», начинает ткаться полотно психократии, того братски-любовного многоединства по образу Троицы, о котором как о проективной модели будущего писал философ общего дела Николай Фёдоров.

Дневник философа – особый жанр. Это не только исповедальный опыт, но прежде всего опыт миропонимания. Это честное, лишённое конъюнктуры слово, рождающееся в скрещении мысли и жизни, которая перестаёт быть чем-то профанным, вторичным в сравнении с элитарным, рафинированным, декларирующим свою научность академическим философствованием, но лучится смыслами, нудит к духовному усилию. И самый дневник по отношению к современности – своего рода её философская летопись, вырастающая из скрещивания реального, физического календаря, где время течёт линейно, от прошлого к будущему, день за днем, час за часом, и внутреннего времени мыслящего и живущего «я», которое то растягивается, то сжимается в точку, то замедляется, то бросается в стремительный бег. Здесь выстраивается история со своим собственным смысловым рисунком и ритмом: сегодня её сюжеты движутся по внутренним траекториям, не пересекаясь со вне лежащей реальностью, а завтра, напротив, прямо откликнутся на происходящее здесь и сейчас, придавая текущим событиям метафизическое изменение, религиозный объём.

Философский дневник требует от читающего труда мысли, внутренней собранности, готовности к

диалогу и всем следствиям этого диалога, когда можно, как великий инквизитор после поцелуя Христа, «остаться в прежней идее», а можно, подобно Дмитрию Карамазову, увидевшему сон про «дитё», пережить умопрему, начать движение к совершенно иным рубежам. Читающий, открывая дневник философа, становится Савлом, идущим в Дамаск. Это не расслабляющее, отдохновенное чтение, которое ни к чему не обязывает и не ставит личности никаких моральных планок, это и не «исследовательское», «профессиональное» чтение, когда читающий вооружается скальпелем «метода» и готов, подобно Сальери («Музыку я разъял, как труп»), провести беспристрастное анатомирование философского текста. Это чтение как поступок, соприродное мышлению как поступку М.М. Бахтина, чтение как акт свободы, который может быть бунтом и отрицанием, а может – собиранием себя, когда текст, взятый в руки или раскрытый на экране компьютера, даёт толчок работе души и ума, становится отправной точкой внутреннего роста личности, рождающегося в сердце стремления исполнить те заповеди о любви и совершенстве, которые обращает к людям Христос.

Философский дневник Татьяны Горичевой – текст, который самим фактом своего бытия свидетельствует: исполнение этих заповедей, кажущихся неуместными в ограниченную природу смертного, самолюбивого «я», как будто обращенных к какой-то другой, нездешней реальности, «и естественно, и возможно». Последняя микроцитата – слова Достоевского из подготовительных материалов к роману «Бесы», где он утверждает, что вочеловечение Спасителя является зримым свидетельством того, что «земная природа духа человеческого может явиться в таком небесном блеске, в самом деле и во плоти, а

не то что в одной только мечте и идеале». Дневник Татьяны Горичевой, совершающей подвиг мышления в Божьем присутствии, в служении и соработничестве Ему, подтверждает слова Достоевского. Как и слова апостола Павла: «Всё могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Флп. 4, 13).

Татьяна Горичева – известный христианский философ – соединяет своей судьбой и мыслью берега России и Европы не как антагонисток, чем столь часто оказывались они под натиском секулярной материократии, эгоистической политики «железа и крови», а как двух христианских сестер, призванных к высветлению мира. «Пустыня растёт» – уже третья её книга, выходящая в серии «ЭкоЛогос» в рамках научно-издательской программы двух ведущих московских библиотек – Библиотеки искусств им. А.П. Боголюбова и Библиотеки истории русской философии и культуры (Дом А.Ф. Лосева). До этого были книги «Говорящие “да”» (М.: Экологическая палата России, 2020) и «Опасно говорить о Боге» (М.: Экологическая палата России, 2021). В первой Татьяна Горичева создала целостную концепцию христианской экологии, одушевлённую идеей богоданности жизни, спасения Божьего творения, «литургического отношения к космосу», во второй, написанной вскоре после вынужденной высылки в 1980 году за пределы СССР, рассказывала о своём пути к вере, о созданном ею в 1973 году религиозно-философском семинаре, о том, как в 1970 – начале 1980-х годов приходили к христианству ее друзья – писатели, поэты, художники, искавшие правды и внутреннего обновления, стремившиеся к соединению веры, культуры и жизни, и о том, как она сама отстаивала эту целостность перед лицом жёсткой репрессивной машины.

Последняя глава этой автобиографической книги названа «Из дневника эмигрантки». В ней приве-

дены дневниковые записи трех первых лет жизни в Европе, когда Татьяна Горичева училась в Католическом институте Св. Георгия во Франкфурте-на-Майне, в Свято-Сергиевском Богословском институте в Париже, выступала с лекциями, давала интервью, писала книги, издавала журнал... Вся её многообразная деятельность была объединена верой в христианство как творческую силу мира, как единственную по-настоящему прочную опору жизни и действия. И как в России вместе с небольшой группой верующих друзей стремилась она, как огонь от огня, зажигать очажки христианской веры, способной радикально менять и внутреннее состояние личности, и мир вокруг неё, так и в Европе, внешне благополучной, комфортной, устроившейся по мерке человека, отведшей религии свою нишу, за пределы которой ей выходить не положено, но столь же нуждающейся в живом религиозном слове, как и стреноженная десятилетиями атеизма Россия советская, Татьяна Горичева несла и несет до наших дней слово о Христе и Церкви. Ибо Церковь, пусть и кенотически умаленная до институции, не перестает быть Телом Христовым и, идя «своим крестным путем» на земле, удерживает мир от обрушения, утверждает Христову правду в самые кризисные моменты истории.

От «Дневника эмигрантки» перекидывается смысловой мостик к дневниковой книге, которую читатель держит в руках. В нее вошли записи последних пяти лет – 2018–2021 и фрагмент переписки 2021–2022 гг. с филологом Ариной Кузнецовой, где обе собеседницы оказываются на одной духовной волне. Расстояние между первым и вторым дневником – почти четыре десятилетия, но оба текста объединены и личностью автора, и – главное – единством христианской оптики: она не меняется в главных своих основаниях, лишь шире становится её охват,

вбирая в себя и людей, и природу, и рукотворные вещи, и всю тварь, что «совокупно стенает и мучится донныне» (Рим. 8, 22), ожидая спасения от человека.

Книга Татьяны Горичевой – пример христианского дерзновения в эпоху оскудения любви. Читая ее заглавие: «Пустыня растёт», вспоминаешь Фридриха Ницше, добавлявшего к двум этим словам: «Горе тем, кто несет в себе пустыню», и Мартина Хайдеггера, который в книге «Что называется мышлением?», трактуя высказывание Ницше, говорит об ужасе «опустынивания» – земли, природы, умов и сердец, которым оборачивается вполне благополучный, хорошо «упакованный», владеющий техникой и технологиями человеческий мир, – и призывает к подвигу мышления. Этот подвиг, подобно подвигу Марии Египетской, также протекает в пустыне – и... преобразует ее. Он останавливает «опустынивание», и пустыня расцветает, послушная слову пророка Исайи: «Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая и расцветет как нарцисс» (Ис. 31, 1).

Читая книги Татьяны Горичевой, размышляя о ней, думаю о другой подвижнице двадцатого века – о матери Марии (Елизавете Юрьевне Кузьминой-Караваевой). Они из одного теста, одного поля ягоды. Общим свойственно внутренне бесстрашие, бескомпромиссность и безоглядность в отстаивании Истины, неотделимой от сострадания и любви. Тёпленькое, чистоплюйное православие, вера в белых перчатках, боящаяся замараться в грязи мира, не для них. Обе – как святитель Николай – впрягаются в завязшую телегу мира и стремятся вытащить её на Божьи пути.

Как мать Мария, убеждённая в том, что «социальный вопрос невозможно решать на диванах в гостиных», деятельно помогала тем, кто оказался

в изгнании, и была готова на предельную жертву, так и Татьяна Горичева, оказавшись на Западе, отстаивала права заключённых узников совести в СССР, претерпевших гонения за свои христианские убеждения. А в последние десятилетия стала защитницей тех, кого подчас считают излишним защищать даже строгие христиане: братьев наших меньших, тех самых, кого Господь вверил человеку при сотворении, – не для эксплуатации и господства, а для любви. Обе – жёны-мироносицы и миссионерки, безоглядно, одушевлённо служащие Христу Воскресителю. Мать Мария утверждала новое активно-христианское монашество – без тени гордыни и соблазна прийти во имя своё, но с дерзновением, которое было равновелико силе её внутреннего смирения, и всегда шла в гущу жизни, готовая, если это было важнее, не проповедовать высокие истины, но вымыть пол уставшим рабочим. Никакого благолепия и елейной чистоты не было в той, которую звали все просто – «Мать»: грязный передник и засученные рукава у плиты в доме на улице Лурмель, 77, где располагалось созданное ею общежитие для нуждающихся эмигрантов. Подобно Матери Марии, и Татьяна Горичева рушит представления о «чистоте» православного философа, занимаясь философской мыслью XX века с тем же духовным бесстрашием, с каким мать Мария в годы немецкой оккупации прятала евреев, осуществляя подвиг христианской любви. Мартин Хайдеггер, Жиль Делёз, Жак Деррида – её духовные собеседники, и она, как христианский мыслитель, видит в них то, что закрыто атеистическим толкователям. И великого бунтаря Фридриха Ницше она любит не за надрывную апологию сверхчеловека, а за «страдание и умение сострадать». И в мученике-свидетеле колымского ада Варламе Шаламове, несмотря на его заявления о своём неверии,

прозревает глубину религиозного мироотношения, сопряжённого с усилием памяти, идущей навстречу «вечной памяти» Божией, для которой «невозможно забвение» ни единого существа и которая требует от человека, включённого в служение памяти, ответственности, собранности и серьезности.

Христос шёл к тем, с кем иудеи горделиво «не общались», и исцелял самарян так же, как и членов избранного народа Божия. Татьяна Горичева пишет не только для тех, кто принял и признал христианство основанием мысли и жизни, но прежде и больше всего для тех, кто проходит свой путь на земле, ища, оступаясь, блуждая, вопрошая, сомневаясь, отчаиваясь. В своем евангельском дерзновении она меньше всего думает о том, что станут говорить православные начетчики, пекущиеся о чистоте веры и выхолащивающие из неё всякую творческую активность, или стражи пресловутой политкорректности, требующие «определиться» с идейной платформой и объединиться с одними против других. В ней нет «избирательного сочувствия», признающего нужды «своих» и перечеркивающего страдания тех, кто оказались по другую сторону мировоззренческих баррикад. У неё только одна – восстанавливающая Христова правда, правда любви, сострадания, милосердия. А ещё понимание того, что «Дух дышит где хочет» (Ин. 3, 8) – и в международных демонстрациях, стремящихся привлечь внимание политиков к проблеме глобального потепления, и в акциях экофеминисток, и в каждодневном подвиге друга и собеседницы Беатрис, спускающейся в 5 утра с шестого этажа своей квартиры с мешком зерна, чтобы покормить голубей...

Книга Татьяны Горичевой – явление Женского Логоса, где ум и сердце составляют одно. Она – женщина-философ, и её мышление – не дуалистическое,

а тринитарное, собирающее. Она не раздает ярлыки, не сортирует по привычным делениям явления культуры и духа, понимая, что личность в её свободе и внутреннем росте разрушает искусственно созданные идейные клетки. Ей дороги не только Франциск Ассизский с его гимном творению, но и Михаил Бакунин с его «анти-либеральным, анти-атомизированным определением свободы», когда собственная свобода может быть осуществлена лишь при условии свободы других, всех. На страницах ее книги звучат голоса Жоржа Батая и Марка Ализара, Николая Бердяева и Юрия Мамлеева, Райнера Марии Рильке и Елены Гуро, Павла Флоренского и Оливье Клемана, Даниила Андреева и женщины-философа Од де Керрос. С ними она беседует, в них обретает своих «вечных спутников».

Русские и европейские мыслители в дневнике Татьяны Горичевой подают руки друг другу. Взгляд из сердца Европы, где собор Нотр-Дам, «самое родное место в Париже, во всей Франции», где святые камни и «чудеса старого Божьего мира», о которых говорил Достоевский, встречается в дневнике со взглядом из России, европейский персонализм соединяется с софийностью русского духа, христианский демократизм роднится с идеалом соборности. Душа христианской Европы, изгнанная из культуры, педагогики, государства, хозяйства, утверждающих свою внерелигиозность и сугубую светскость, и душа России с её парадоксальным соединением «неотмирности» и жажды всеобщего счастья, глубинно соприродны. Обеим чужда идея тотального рынка, близко чаяние Царства Божия на земле, Обе перед лицом торгашеской, духовно бессильной, милитаризованной цивилизации, жестянеющей в своём эгоизме, утверждают иной религиозно-этический выбор, суть которого – в Христовых заповедях о люб-

ви, совершенстве и единстве по образу и подобию Троицы, в движении от человечества к Богочеловечеству, от разъединенности – к полноте родства.

Татьяна Горичева – христианский мыслитель и воин Христов. Не раз повторяет она на страницах дневника: «Душа рвется в бой». Но это бой не с людьми, которые в христианстве не делятся на своих и чужих, на ближних и дальних. Это война с разрушительным, «энтропийным» устроением личности, когда личность соскальзывает с камня веры, лишается внутренней динамики, теряет энергию восхождения, неразрывную с энергией любви. Резко противится Татьяна Михайловна расслабленности и теплохладности современного мира. Секулярность, манифестирующая себя как тотальное освобождение от церковности и её стреножащих пут, оказывается извращением свободы, редукцией духа, согласившегося на идеал «по мерке человека» и осмеивающего юродивый, с точки зрения купли-продажной прагматики, «зосимовский» принцип «боления за всех». «Воспевание комфорта, удобства, привычного “обаяния буржуа”» – это законно, нормально и приоритетно для мира каков он есть, но для земли, не забывшей, по словам героя «Братьев Карамазовых», о своей источной связи с «миром иным, миром горним и высшим», это постыдно и горько.

Апология бескрылой, согласившейся прозябать середины, торжествующее мещанство и энтропия духа – то, с чем не смиряется Татьяна Горичева. В её дневнике – критика капитализма как «самовоспроизводства зла»: не просто социальной, но духовной болезни. Культурные симулякры постмодернизма, болезненный «нарциссизм» и «эфемерность “актуального искусства”» – всё это симптомы кризиса цивилизации, стремящейся устроиться в бытии на-

дежно и прочно, но в реальности строящей дом на песке.

Татьяна Горичева противится редукции личности, инквизиторской манипуляции ею. Как противится и ложному пониманию свободы, когда свобода перестает быть жизнью в Боге, теряет векторность, разрывает единство с любовью и жертвой, становится, по горько-ироничному определению Достоевского, «правом всем делать всё что угодно в пределах закона». Радикальность Татьяны Горичевой – это радикальность Христа, изгонявшего торгующих из храма: «Дом мой домом молитвы наречётся, а вы сделали его вертепом разбойников» (Мф. 21, 13). В христианской оптике земля – не торжище, а храм, богоданное пространство молитвы и заповеданного человеку благого труда, соработничества Творцу, который «доныне делает» (Ин. 5, 17). Именно поэтому так постыдна парадигма жадного, людоедского потребительства, не имеющая ничего общего с добытием «хлеба насущного», так нравственно горько развитие искусственных потребностей, развращающих ум, душу и тело, и так нестерпимы теплохладность, компромисс с собственной совестью, стремление поуютней устроиться в мире греха, розни и смерти. Именно поэтому скроенным по мерке человека, выстроенным в логике толерантной срединности лозунгам экологического движения Татьяна Горичева противопоставляет радикальный лозунг, отбрасывающий постыдные компромиссы: «Долой цивилизацию смерти!»

«Отвратительно институционализируемая мертвая “жизнь”» – так характеризует Татьяна Горичева уклад современного мира, утратившего религиозное измерение существования. Эта жизнь, где так много показной суеты, глянцевого и самопиара, торжествует не только в управленческо-чиновничьих и

экономически-финансовых сферах. Она правит бал и в образовании, и в науке, как раковая опухоль, расплзается по пространству культуры. Она хорошо защищена от ненужных сомнений, вопрошаний, нелепых и бесполезных порывов, она самоуверенна и внешне гладка, застегнута на все пуговицы. И она – страшна в своем самотождестве. В ней отсутствует всякий трансцензус, всякая возможность умопремены, радикального сдвига, подобного обращению сотника, женщины у колодца, разбойника на кресте.

«Энтропийный гедонизм западной профессорской жизни», – прочтя эту резкую и хлёткую характеристику, подумала о том, как важно бороться с карьерным соблазном в науке и как важны здесь примеры, утверждающие иной нравственный выбор: философ, палеонтолог Пьер Тейяр де Шарден, физик-философ Николай Умов, который, формулируя свое «исповедание естествоиспытателя», подчеркивал, что наука должна вести к минимизации человеческих страданий, а человеческое действие – опираться на два основания – Логос и Агапе. И конечно В.И. Вернадский, автор концепции ноосферы, который в годы Первой мировой войны призывал к созданию интернационала ученых для контроля за использованием научных открытий, подчеркивая недопустимость их обращения против человека, а во время Второй мировой войны в своем философском завещании «Несколько слов о ноосфере» говорил о том, что фашизм, декларирующий принцип расы и крови, это антиэволюционная философия: «геологический эволюционный процесс отвечает биологическому единству и равенству всех людей». «В геологической истории биосферы – перед человеком открывается огромное будущее, если он поймет это и не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление», – таким было вдохновляющее и

одновременно предупреждающее от неверного выбора пути слово Вернадского.

Среди тех, кто смело раздвигал аксиологические границы науки, утверждая не кабинетное, этически нейтральное знание, а знание, призванное к сотрудничеству с христианством, к «осуществлению чаемого», нельзя не вспомнить философа, ведущего исследователя наследия Н.Ф. Федорова Светлану Семенову. С Татьяной Горичевой они почти одного поколения – всего пять лет разницы. Обе занимались экзистенциализмом: Татьяна Горичева – Хайдеггером, Светлана Семенова – Сартром и Камю. Обе пришли к христианству, увидев в нем полноту ответов на предельные вопрошания личности, встающей «перед лицом судьбы и смерти». У Светланы Семеновой христианство предстаёт как творческая сила мира, как созидательный вектор истории, и она стремится преодолеть клишированный образ веры Христовой, построенный на дуализме небесного и земного, духа и плоти, утверждая вслед за Федоровым, Соловьевым, Булгаковым идеал богочеловечности, активного христианства, сотрудничества человека Богу в деле преображения мира в Царствие Божие. И Татьяна Горичева подчеркивает в дневнике, что когда в двадцать шесть лет пришла к христианству, то сделала его основанием мысли и жизни, поставила «в центр накопленных, выстраданных философских мыслей». Христианство для нее не мироотрицающая вера, в которой, как писал Василий Розанов, «прогорк мир», но вера, открывающая путь к ощущению святости жизни. Создательница христианской экологии, она с горечью пишет о том, что «для многих зоозащитников <...> христианство вообще – враг всего живого. Тогда как Господь сказал, что Он есть Жизнь». Татьяна Горичева убеждена: отталкивание от христианства или предвзятость к

нему, свойственная деятелям экологических, феминистских и других активистских течений, обрекает их на смысловую редукцию, загоняет в тупик дробности, искажает целостность идеала.

В книге «Тропами сердечной мысли: Этюды, фрагменты, отрывки из дневника» (М., 2012), Светлана Семёнова размышляла о «потере серьёзности» «в современном “цивилизованном” мире»: «Серьёзность – качество религиозного взгляда. Если в христианстве мы знаем сокрушение о грехе и плач о своем недостойнстве, то в развлекательном отвлечении – чаще всего ржачку, глупый смех. <...> Критерий серьезности капитален: только в его свете жизнь, суть её, её задачи могут предстать в их истине и направленности ко благу». Невозможно ограничиться игрой, отвлечением-развлечением, нужно пестовать в себе собранность, «ответственную и сугубую серьезность». О том же размышляет в своём дневнике и Татьяна Горичева: «Бог приходит непосредственно, побеждая виртуальность “общества спектакля”».

Слово Татьяны Горичевой – предельно честное и мужественное слово. Еще в 19 лет, решив, что хочет быть философом, она поняла, что философ должен обладать бесстрашием мысли. Это бесстрашие мысли пронизывает все её тексты. Не боясь непонимания, осуждения, смеха, она утверждает христианскую логику любви и жертвы, безумную с точки зрения современного мира с его понятной и сиюминутной прагматикой, умением устраиваться, идолопоклонством перед успехом. Бесстрашие следования за Христом, «юрродство проповеди», о котором, применительно к Андрею Платонову, еще одному «вечному спутнику» Татьяны Горичевой, писала Светлана Семенова, а главное – любовь «ко всякому созданию Божию» – вот ключевые черты её мысли.

Одна из центральных тем книги «Пустыня растёт» – тема страдания. Страдания твари, попираемой человеком, не обретающей от него полноты попечения и любви. Или наоборот – духовного и душевного страдания человека, откликающегося на мучения твари, которая покорилась суете не добровольно, а по его вине и злой воле. Сопrotивляясь эвдемонизму современного мира, она выдвигает проблему осмысленности страдания, и этот ракурс считает наиважнейшим.

Слова Достоевского «Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием» цитируют даже на школьных уроках, но скорее как странный парадокс, как свидетельство излишнего пристрастия писателя к драматическим темам и ситуациям, а в секулярной системе координат трактуют чуть ли не как обратную сторону его «жестокости таланта». Для века комфорта, стремящегося убрать страдание из всех сфер жизни, максимально обезболить существование, настаивание Достоевского на страдании как условии счастья кажется чудачеством, нелепой экстравагантностью, вывертом, который простителен гению, но никак не может стать ориентиром для всех. Для Татьяны Горичевой, напротив, нравственное страдание, сердечное боление за бытие является залогом внутреннего роста личности. Эвтаназийная цивилизация, то заговаривающая страдание, то непримиримо и резко его отрицающая, – не просто чужда Татьяне Горичевой, – она видится разрушением подлинной, евангельской нормы мироотношения и действия, с которой приходит к людям Христос. И как Спаситель «восскорбел духом и возмутился» (Ин. 11, 33), узнав о кончине Лазаря, Своего друга, так и человек в мире, лежащем во зле, боли, смерти, не может не испытывать страданий за ближних. Но это страдание не пассивно, оно пробуждает лич-

ность к активности любви и делания, подобно тому, как Христос, отозвавшийся скорбью и болью на известие о смерти друга, воскрешает его.

Одно из самых сильных мест в книге Татьяны Горичевой – размышление о Кресте внутри Древа Жизни: «Неправильно говорить, что сначала был рай, давно и недавно, а потом крест. Дерево жизни то самое, из которого сделан крест, т.е. уже внутри дерева жизни был некий крест, допустим невидимый». Крест внутри Древа Жизни – это вертикализм, сопряженный с полнотой любви и жертвы. И потому жертву, принесенную за мир Творцом, нужно не просто молитвенно славить, но и осуществлять. Что и делает Татьяна Горичева – внутренне собранно, но без гордыни. Её дневник – это Крестоношение, идущее поперёк всякой рациональности и «разумного эгоизма», требующего сойти с креста, «раз тебя приглашают сойти, и вся разумность, и вся природа так советуют». Она стремится не сойти, избавляя себя от подвига, кажущегося невместимым в слабое человеческое естество, а напротив, «хоть как-то, из последних сил, как можно скорее, во что бы то ни стало докарабкаться, доползти, вернуться на своё место, на крест».

Бегство от Креста – по мысли Татьяны Горичевой – составляет основу современного мира, уютно устроившегося в комфортном, теплохладном, обескрыленном существовании. Но бегство от Креста – это бегство в тупик, бегство в смерть, в абсолютное, непреодолеваемое одиночество. Это незащищенность от самых страшных, разрушительных манипуляций, «когда тебя подберут кто ты не хочешь и используют как тебе не надо».

За примерами такого использования далеко ходить не приходится. Опыт пандемии Covid-19 Татьяна Горичева рассматривает как опыт мани-

пуляции человеческой личностью, проведенный в планетарных масштабах. Свидетельствуя о том, как весной 2020 года менялся шумный, свободолюбивый Париж, как пустели улицы, а люди под влиянием страха и не менее резких, чем страх, распоряжений правительства, сами запирали себя в клетках домов и квартир, охотно заменяли реальное общение виртуальным, прячась за иконками ZOOM, а при реальных встречах держали дистанцию, не смея проявить сочувствие и любовь через прикосновение и объятие, в которых так повседневно, так бытово преодолевается обособленность, замкнутость личностей, обретается опыт родства, – она видит в пандемии колоссальный нравственный вызов, испытание человечности и свободы. Пандемия может усилить наступление цифрового мира, агрессивно теснящего живую жизнь, а может стать началом нравственного обновления людей, изменения системы ценностей, когда цивилизация индустрии и развлечений демонстрирует всю свою эфемерность и необязательность для существования человека, главным же становится усилие любви, взаимной помощи, восценение жизни как Божьего дара. Замечательны страницы дневника, на которых описано, как интеллектуалка Од де Керрос, несмотря на запрет парижских властей покинуть свои квартиры, приезжает к Татьяне Горичевой с мандаринами и минералкой, чтобы душевно поддержать, обогреть, поговорить – не виртуально, по телефону, а реально, лицом к лицу.

Дневник Татьяны Горичевой лаконичен. В нем нет словесной избыточности, нет болтовни, обесценивающей и тратящей слово. Каждая характеристика – вещи, события, человека – концентрирована, лаконична, скупа. Это усилие мысли, усилие воли, усилие сердца. И это серьезное, ответственное, евангельское отношение к слову. Стиль «плетения сло-

вес» органически чужд Татьяне Горичевой. Одним штрихом, одной фразой вводит она на страницы дневника большие и малые явления современности, огромные культурные пласты прошлого и, видя в пандемии «последнее предупреждение Бога миру», даёт взывающий к совести прогноз на будущее: «...в будущем нас ждут ещё более страшные испытания. Поскольку мы, какие мы есть – не прекратим мучить животных (слишком медленно просыпается в человеке совесть), будем держать зверей в узких клетках, заполненных экскрементами, запихивать в них тонны антибиотиков... НО – сопротивление Жизни будет расти. Скоро коронавирус и пр. пандемии покажутся нам “ягодками”».

Минимализм дневниковых текстов Татьяны Горичевой находит свои параллели и с традицией французской афористической прозы, и с опытом розановских «листьев». Но дело не только в жанровых аналогиях. Афористичность, минимализм – стиль философского мышления автора: в дневниковых заметках рассыпаны философские зёрна, из которых при желании можно вырастить тома многостраничных трактатов. Так рассыпаны зерна евангельского благовестия в текстах Нового завета, обраставших на протяжении христианской истории массой экзегетических книг. При этом аскетизм мышления Татьяны Горичевой не ведёт к сухости. Оно образно, метафорично и во многом художественно, заставляя вспомнить традицию русской мысли, выраставшей из лона литературы и не утратившей с ней пуповинную связь.

При всём своем словесном аскетизме и минимализме дневник Татьяны Горичевой полон живых лиц. Это и парижское окружение, и силуэты питерских друзей, и физиономии гостей парижского и петербургского дома. Среди них есть собеседники-со-

мыслители, с кем автор дневника едина в главном, от кого ощущает теплоту понимания, кому близка сердечностью мысли, но есть и отчаянные спорщики, отстаивающие свою правоту, свою, пусть и обособленную, но значимую для них правду. По ходу записей возникают воспоминания о Ленинграде 1970-х годов, о разношерстных, но от этого не менее дорогих сердцу посетителях их с Виктором Кривулиным знаменитого семинара, которые в своём христианском активизме, честном, бескомпромиссном, одушевлённом, выламывались из узколобой политики, презирали комфорт, карьеризм, конформизм, утверждая главные ценности: «Бог, благодать, творение, церковь, красота, любовь». Входят, отпечатлеваясь в записях-мемориях, образы умерших друзей, раздаются их голоса, превращая мир дневника в пространство вне смертной черты, где, как у Батюшкова в «Моих пенатах», «мертвые с живыми вступили в хор един».

Собор лиц, встающий со страниц книги Татьяны Горичевой, включает и братьев наших меньших. Они – равноправные участники разворачивающейся в дневнике мистерии жизни. Как на картине Павла Филонова «Крестьянская семья (Святое семейство)», где явлен мир, собранный вокруг человека – не как узурпатора и насильника над живым естеством, а как надежды твари, как Адама, которому Господь в раю верил землю и всех её обитателей на сыновнее попечение, благое возделывание, общение в любви.

В дневнике Татьяны Горичевой, как и в других её книгах, животные – не просто друзья, но учителя человека. Они учат его кротости, терпению, радости и тому «друголюбию», которое заповедал Христос. «Животные не окончательно покинули рай (ведь они не согрешили), для зверей, растений, камней бытие всегда со-бытие, Божий дар, единый поток Жизни».

И так естественно, что скорбная запись о кончине друзей – писателей Александра Ракова и Николая Коняева – соседствует в дневнике с сообщением о кончине кота Подгайца, «самого идеального кота в мире», подобного коту-философу Заболоцкого из стихотворения «На лестницах»: «Отшельник лестницы печальной, / Монах помойного ведра, / Он мир любви первоначальной / Напрасно ищет до утра». Несколько штрихов – и ты видишь перед собою Подгайца, который, по свидетельству Татьяны Горичевой, «не убил и не обидел ни одно живое существо», и восхищаешься им, и начинаешь любить его, как «безумного волка» того же Заболоцкого, выворачивающего шею, чтобы смотреть на звёзды.

Образы животных, возникающие на страницах дневника Татьяны Горичевой, входят в сердце, поражают своей тихой святостью, преданностью человеку, кротостью, чистотой. Старый пес Бося, верный спутник Татьяны Михайловны, становится и твоим спутником. Восхищаешься его всеотдайной любовью к ней, вместе с ним радуешься райской радостью. И одновременно испытываешь боль и горький стыд, читая о «страшном убийстве собак в Якутске». И сочувствуешь пчеле, медленно ползущей по асфальту, отравленной человеком и умирающей посреди большого города. Буквально соумираешь этой пчеле, как соумирал нам Христос.

В дневнике Татьяны Горичевой есть страницы, поразительной силы и глубины, посвященные боли животных, предельному одиночеству их страдания. Читая их, думаешь, что если каждый из нас будет откликаться на страдания животных так, как откликается он на человеческое страдание, то мир, быть может, сдвинется с нынешней брато- и мироубийственной точки. И человек-хищник, «величайший

убийца на земле», как характеризовал его Гердер, станет спасителем твари.

Размышляя о христианском экологизме, Татьяна Горичева берёт в союзники Петра Кропоткина, автора знаменитой работы «Взаимопомощь как фактор эволюции». Теоретик анархической мысли воздвигал течение встречное не по только по отношению к людоедским социальным теориям, но и к дарвинистскому представлению о борьбе как движущем факторе развития (а значит её оправданности), внося начала эмпатии и взаимопомощи в самую глубину эволюционного процесса, полагая именно в них перспективы будущего и для природы, и для человека. А если искать религиозно-философские параллели, то можно сказать, что чувство эмпатии, разрушающее перегородки не только между замкнутыми друг от друга, коснеющими в самости индивидами, но и между человеком и всем тварным миром, содержит в себе зародыш той всемирной сизигии, о которой как о мироустроении будущего говорит Владимир Соловьев в финале «Смысла любви».

Экологизм Татьяны Горичевой всеобъемлющ, софиен. Её мысль и сердце обращены не просто к страдающим животным, но к страдающей земле, которую человек был призван возделывать бережно и любовно и которую он попирает – безжалостно, методично, «научно». «Теперь ведь мученики – это воздух, вода, деревья, животные. Они молча и стремительно умирают».

В книге «Говорящие да» Татьяна Горичева, разбирая то место в книге Бытия, где Адаму была дана заповедь об обладании землёй, так характеризует подмену, исказившую в послегрехопадном человечестве образ братски-любовного отношения, попечения и водительства, который по отношению к твари должен был осуществить и не осуществил че-

довек, предпочтя использовать и расхищать, а не возделывать и хранить сотворённое. Призванный быть «священником для все твари», «человек превратился в хищника и потребителя». В дневниковой книге «Пустыня растёт» отношение человека к животным становится его собственной бытийной и нравственной мерой, критерием правды и лжи, греха и святости, эгоизма и самоотречения, гибели и спасения: «Убивая иного, мы стреляем в сердце мира. В этом блаженство мужа, милующего скотов. В этом наше богоподобие, в этом наше утверждение в бытии и в благе. А значит, и в счастье. Лишая зверя бытия, человек показывает бессмысленность собственного бытия. <...> Жалея зверя, мы строим заново мост от себя к миру и к Богу».

Резко, непримиримо, по-иоанновски («Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 3, 2)) выступает Татьяна Горичева против поточного производства мясных продуктов, в подкладке которого – омассовление убийства братьев наших меньших. «Индустриальное выращивание» и «последующий убой доверившихся человеку тварей» не может быть признано нормой. Татьяна Михайловна восстаёт против содержания животных на зверофабриках, где в тесных клетках мучаются, в обездвиженности и тесноте, миллионы кур, свиней, поросят, и активно поддерживает отказ от подобной «индустриализации» в ряде европейских стран. Но ей самой, убеждённой вегетарианке, возвращение зверей, обречённых на убой, пусть на отпущенное им краткое время, к естественности жизни в природе, кажется только паллиативом. Патриархальная человечность в отношении к домашним животным относительна и имеет свой неизбежный предел. Вспоминаю одну из подмосковных ферм, с успехом поставляющую свежее мясо на рынок, где вот так на природе, в приволье, на травке,

ограниченные лишь невысоким забором, паслись кролики и козы, и вспоминаю, как рабочий тащил за уши кролика и за рожки козленка – к глухому амбару, где должна была прекратиться их жизнь, и как жалобно, беззащитно, по-детски кричал волочимый кролик, предчувствуя страшное, сжимаясь перед горьким концом.

Снова обращаюсь к идеям Светланы Семеновой. В книге «Тайны Царствия Небесного», размышляя о первородном грехе человека, печатью которого является и грех пожирания, она так размышляет о цепи взаимоубийства:

«Человек погибает от рук злодея – это может быть и единичный случай, и смерть от жестокого агрессора, и Варфоломеевская ночь, и газовая печь последней войны – одна из тех ситуаций, от которых стонет наше сердце, воспаляется гневом к мучителю и облекается неискупимым трауром по жертве. Но попробуйте взглянуть на эту ситуацию взглядом другого натурального угнетенного человеком существа, для примера, курицы, которую тот же прекрасный, незаслуженно страдающий и гибнущий человек, не задумываясь убивал (и сколько раз, и не одну ее!): отвертывал голову, ощипывал перья, перебивал ноги, варил в воде и съедал. Или глазами коровы, которой тот же прекрасный человек устраивает ежедневный Освенцим: везёт её с собратьями в контейнерах, держит в панике, рёве, отчаянии несколько дней в предсмертном загоне и ведёт на живодерню. Раньше патриархальный хозяин собственноручно рубил домашнюю скотину, которая могла за это время, что набирала вес, глупо привязаться к нему; теперь убийство организовано, механизировано, массово, как и подобает XX веку. Но не известно, что ужаснее, хотя бы для той же скотины.

Самые страшные человеческие бедствия с такой фантазмагорической точки зрения уже получают некоторый оттенок кары, справедливого возмездия за первородный грех пожирания и смерти, которую человек сеет вокруг себя».

Сбивая автоматизм восприятия привычных, кажущихся нормой вещей, Светлана Семенова побуждает не просто к стыду за свое несовершенство, ибо можешь «жить и дышать, лишь вытесняя и губя других – растения, животных людей», а к радикальной умопремене, «к превозможению себя», к принятию активно-христианского идеала, согласно которому человек соучаствует в преображении мира, переходя от эксплуатации природы к сознательно-творческой её регуляции. Он не просто ограничивает хищнические инстинкты в своем естестве, но перестраивает свой собственный организм, становясь автотрофным существом, подобно живым растениям, строящим свои ткани, не убивая никакой жизни.

Идеал активного христианства позволяет преодолеть и гордыню антропоцентризма, и соблазн обожествления нынешнего послегрехопадного статуса природного мира, того, что Н.А. Бердяев назвал «космическим прельщением». Невозможно испытывать преклонение перед смертной стихией, перед вирусом, отнимающим жизнь. Но можно и нужно воспринимать пандемию как предупреждающее послание биосферы человеку, который не исполняет Божьего завета, перестаёт быть «творящим разумом» природы, ведет себя в ней не как «пастырь добрый», а как вор и разбойник, стремящийся унести побольше чужого добра.

Светлана Семенова не раз говорила о том, что необходимо различать природу как совокупность всего сущего, благодатный собор твари, и природный порядок существования, стоящий на борьбе,

пожирании, вытеснении, смерти. Первый – взыскует от человека любви и заботы, второй – нудит к преодолению. Христос, исцелявший больных, воскрешавший умерших, утишавший бури и ходивший по водам, совершал то, что надлежит – любовно и в полноте знания – совершать человеку. Философ Н.Ф. Федоров писал, что человек должен преодолеть закон смерти и вытеснения в самом природном мире, утверждая в бытии принцип Троицы, неслиянно-нераздельного единства в любви. Исповедниками этого нового, Божеского порядка реальности уже здесь, на земле, являются и Франциск Ассизский, проповедовавший птицам, и преподобный Сергий, накормивший голодного медведя, который вскоре стал его другом, и животные Заболоцкого, и кот Подгаец, не убивший ни одной мышки и птички, и кот Бердяева Мури, который, умирая, приполз прощаться в комнату тяжелобольной супруги философа Лидии и без которого Бердяев не мыслил вечности.

Даниил Андреев, которого не раз сочувственно вспоминает Татьяна Горичева в своих дневниках, настаивал на том, что каждый новый шаг человека вверх по лестнице развития увеличивает его долг «по отношению к ниже стоящим». Человек, движущийся к совершенству, на первых этапах должен ограничивать собственное хищничество по отношению к миру: сначала ограничивая мучительные способы умерщвления животных в промышленности, затем – вводя ограничения и полный запрет на опыты над животными, на охоту, рыбную ловлю и развлечения с использованием живых существ, расширяя химический синтез веществ и пищи, воспитывая в детях бескорыстную любовь к животным и «органическую потребность любить и помогать всему слабому и отсталому». Следующий же проективный этап, по мысли Даниила Андреева, состоит в том, чтобы

ловеком». Удивительно созвучны ее размышлениям слова Михаила Пришвина из повести «Мирская чаша»: «Не просто даются имена и животным, и растениям, всё обживаетея и очеловечиваетея, даже всякий камень обжитый имеет своё отдельное имя. Скажешь имя, и животное выходит из стада, а что из стада пришло, то имеет лицо отдельное, оттого что его вызвала из стада человеческая сила любви различающей, заложенная в имени. Будем же записывать имена деревень, животных, ручьёв, камней, трав и под каждым именем писать миф, быль и сказ, песенку, и над всеми земными именами поставим святое имя Богородицы: это она прядет пряжу на всех зайцев, лисиц и куниц. Все это нужно нам, чтобы не стать обезьянами и вызвать в себе силу на борьбу с ней. Эта сила у солнца называется светом, и свет солнца в душе человека есть любовь различающая. В согласии с солнцем, с любовью и светом мы можем войти так в природу, что возле муравейника скажем имя знакомого, и тот муравей отложит дела и на минуточку выбежит поздороваться».

Эта «любовь различающая» – залог преодоления межчеловеческой розни, раздирающей тело мира. Для Татьяны Горичевой любовь к человеку начинается с любви к братьям нашим меньшим, с нею неразделима. Христово «Да любите друг друга» – заповедь о любви не только друг к другу, но и к страдающей твари, ждущей от человека спасения. Рождество Христово, где в ясли младенца глядятся вол и осёл, – манифестация райского состояния мира, всеединства по образу и подобию Троицы.

Отец Павел Флоренский уподоблял отношения человека и природы вселенскому браку, в котором «мир, образ Софии, есть Мать, Невеста и Жена образа Христова – человека, ждущая от него заботы, ласки и оплодотворения духом». «Человеку-мужу, – под-

черкивал он, – надлежит любить Мир-жену, быть с нею в единении, возделывать её и ходить за нею, управлять ею, ведя её к просветлению и одухотворению и направляя её стихийную мощь и хаотические порывы в сторону творчества, чтобы явился в твари её изначальный космос». Здесь встает тот чаемый принцип взаимодействия между антропосом и космосом, в котором доминирование сменяется любовью и человек предстает как творческий деятель многоликого, родственного, неотделимого от него мироздания.

В книге Татьяны Горичевой «Говорящие “Да”» возникает образ космической литургии, вместилищем которой является весь Универсум. От этого образа тянутся смысловые нити и к Пьеру Тейяру де Шардену, который в безбрежной пустыне, не имея ни хлеба, ни вина, ни алтаря, творил свою «мессу над вещами» и материя, пронизанная Божественным Огнем, сошедшим в недра мира, оказывалась «воплощена» воплощением Христа, и к Матери Марии (Е.Ю. Кузьминой-Караваевой), для которой «оцерковление жизни есть ощущение всего мира как единого храма», и к Достоевскому, к символическому видению пира в Кане Галилейской, где трапеза любви творится уже не в стенах дома и монастыря, а во Вселенной и в вечности.

Богословие Татьяны Горичевой – это авангард христианства. Её мысль встает в один ряд с мыслью прот. Сергия Булгакова, упомянутых выше отца Павла Флоренского, Матери Марии (Е.Ю. Кузьминой-Караваевой), Пьера Тейяра де Шардена, прот. Александра Меня, выдающегося французского богослова Оливье Клемана, духовного собеседника Татьяны Михайловны, с которым она часто оказывалась на одной волне.

В программу максимум Татьяны Горичевой входит и дерзновенное, глубинно присущее рус-

ской христианской традиции чаяние апокатастасиса. Оно звучит у Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Достоевского, Федорова и Соловьева, прот. Сергия Булгакова и Николая Лосского, кульминируя в вопрошаниях Николая Бердяева, обращенных к христианской совести человека: можно ли чистым и праведным, заслужившим себе райские кущи, «со спокойной совестью допустить», что грешники и не христиане будут гореть в адском огне, что «в аду будут Бёме, как “еретик”, Ницше, как “антихрист”, Гёте, как “язычник”, и грешный Пушкин». Нет другого пути стяжания Царствия Божия, как «взять на себя их муку, <...> освободить их из ада. Нравственное сознание началось с Божьего вопроса: “Каин, где брат твой Авель?” Оно кончится другим Божьим вопросом: “Авель, где брат твой Каин?”».

Для Татьяны Горичевой чаяние апокатастасиса истекает из «сердца милующего», из любви к меньшей твари. Невозможно представить себе Царствие Божие без голубки Мартины, которую Татьяна Михайловна выкармливала шприцом, без верного друга Боси, без шаламовской кошки Мухи, без всех Божьих созданий, родившихся в мир не для гибели – для спасения. И образ Георгия Победоносца из монастыря Старой Ладogi, который «НЕ убивает копьём змея», символически выражает надежду на всеобщность спасения, неразрывно соединенную с усилием любви и прощения, без которого так темно, так безнадежно, так сиротливо в нашем разделённом, себялюбивом, духовно блуждающем мире.

Анастасия Гачева

СОДЕРЖАНИЕ

2018	
<i>Париж</i>	7
<i>Санкт-Петербург</i>	16
<i>Париж</i>	19
2019	
<i>Париж</i>	50
<i>Санкт-Петербург</i>	53
<i>Париж</i>	59
2020	
<i>Париж</i>	111
2021	
<i>Париж</i>	153
<i>Санкт-Петербург</i>	171
<i>Париж</i>	175
<i>Приложение</i>	
Из переписки Татьяны Горичевой с Ариной Кузнецовой	180
<i>Анастасия Гачева</i>	
Крест внутри Древа Жизни (о книге дневников Татьяны Горичевой)	193

ГОРИЧЕВА
Татьяна Михайловна

ПУСТЫНЯ РАСТЁТ

ISBN 978-5-87531-180-2

Издатель
АНО «Библио ТВ»

Главный редактор — *Владимир Семёнов*
Редактор — *Юлия Анохина*
Корректор — *Татьяна Власова*
Дизайн обложки — *Дмитрий Ивашищев*
Ответственный за выпуск — *Ирина Себелева*

Сдано в набор — 08.09.22. Подписано в печать — 20.09.22.
Тираж — 1000 экз. Печать офсетная. Усл.печ.л. 17.
Формат 84х108/32. Заказ №1150к.
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»)
121099, г. Москва, Шубинский пер., 6.